

Альманах основан Владимиром Аллоем

Ответственный редактор:

Олег Коростелев

Россия, Москва, 125015, ул. Бутырская, д.9, кв.128
Тел.: 7095.285.60.40. E-mail: okorostelev@mail.ru

Редактор-издатель:

Татьяна Притыкина

Россия, СПб, 196070, а/я 345
Тел.: 7812.387.17.73. E-mail: isphenix@hotmail.ru

Представители альманаха:

А.В.Лавров. Россия, С.-Петербург, 197046, ул. Б.Дворянская (Куйбышева),
д.22, кв.31. Тел.: 7812.233.84.87. E-mail: lavrov@TP3917.spb.edu

John E. Malmstad. Slavic Dept. Barker Center. 12 Quincy Street. Harvard
University. Cambridge, MA 02138. USA. E-mail: malmstad@fas.harvard.edu

Richard D. Davies. Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds.
Leeds LS2 9JT England. Tel. 0113.233.32.89. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Elda Garetto. Via Salvo d'Acquisto, 20. 21020 Casciago (va), Italia.
Tel./Fax: 0332.22.02.45. E-mail: elda.garetto@skylink.it

Адрес издательства:

Россия, 191123 С.-Петербург
Кирочная ул., 31

Диаспора IV НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Athenaeum – Феникс
Париж – Санкт-Петербург

2002

ББК 63.3
УДК [947+957]
Д-441

Д-441

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Вып.4.
СПб.: Феникс, 2002. 704 с., ил.

В настоящем томе альманаха опубликованы воспоминания Я.Вейншала о сионистском движении в России и Израиле, Б.В.Варнеке, ученого-латиниста, рассказывающие о последних перед эмиграцией годах академика Н.П.Кондакова; незаконченная книга болгарского поэта Е.Попдимитрова о К.Д.Бальмонте; продолжение статьи о российских кинематографистах за рубежом; история хранения и расходования «колчаковского золота»; письма И.С.Шмелева А.Л.Толстой; библиография поэта Вадима Гарднера и много других материалов.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

ББК 63.3

ISBN 5-85042-077-0
ISBN 5-85042-081-9

© Феникс, 2002

Наследие

... автор публикует свои воспоминания. Илья Попдимитров о Вейншале... как дружил товарищ и милой человек, личность чистой и... характерными все моменты на описанной странице, в... истории особенно выделяется его как писателя, не и отечественной истории...

... Илья Вейншал родился в Уфаимске в семье врача Владимира Степана Ивановича Вейншала, который вместе с женой Каролиной Шмелевой (Арсен) до революции преподавал в Канцелярии в Петербурге, впоследствии в различных высших учебных заведениях императорского университета. О своей работе Вейншал рассказывает подробно, и в разделе диссертации — в частности, о своей собственной работе по истории, над которой он работал в 1891 году, а также о своем участии в работе по истории в 1892 году, а также о своем участии в работе по истории в 1893 году...

... В 1910 году Илья Вейншал окончил 1-ю Вейншалову гимназию в Петербурге, куда он поступил на подготовительный факультет Мариинского университета по классу греческого языка, затем перешел в этот же университет на медицинский факультет, а диссертацию по этому предмету защитил в 1912 году...

Б.В.Варнеке

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БИОГРАФИИ Н.П.КОНДАКОВА*

Публикация И.В.Тункиной

Предлагаемые читателю воспоминания Б.В.Варнеке занимают особое место среди документальных богатств личного фонда академика Н.П.Кондакова, хранящегося в Архиве Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. Они посвящены преимущественно трем пореволюционным годам и исключительно ярко рисуют этот период, рассказывая о событиях, склоняющих русскую интеллигенцию к эмиграции, и объясняя ее причины.

Осознание необходимости эмиграции из советской России, пик которой пришелся на 1920–1922, зачастую возникало гораздо раньше. Обычно к столь серьезному шагу приходили отнюдь не внезапно, и тем более не сразу удавалось его осуществить. Чаще всего это был постепенный, растянувшийся на годы, «откат» из столицы на юг России – в Киев, Одессу, Новороссийск, затем в Константинополь, на Балканы, в Берлин и затем, через эти «перевалочные базы», в места, где можно было попытаться отстроить новую жизнь, – в Париж, США. Воспоминания Варнеке в уникальных подробностях воссоздают трехлетнюю эпопею этого «отката».

Герой мемуаров, «архистратиг русской археологии» Никодим Павлович Кондаков (1844–1925) – всемирно известный историк византийского и древнерусского искусства, археолог, культуролог, ординарный академик Петербургской АН (1898), действительный член Петербургской Академии художеств (1893), действительный иностранный член Чешской Академии наук, литературы и художеств (1898), действительный член Болгарской АН (1920), член-корреспондент Сербской королевской АН в Белграде (1901), почетный и действительный член многих русских и иностранных универси-

тетов, институтов, научных обществ, комиссий и пр. Для специалистов Н.П.Кондаков в представлении не нуждается, однако широкому кругу читателей его имя вряд ли достаточно известно, поэтому позволю себе кратко охарактеризовать основные вехи его жизненного пути.

Н.П.Кондаков учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1861–1865), где, занимаясь историей искусства и археологией, оказался под сильным влиянием Ф.И.Буслаева. С 1866 по 1869 он преподавал русский язык и словесность во Второй московской гимназии, Александровском военном училище, а также русскую историю и археологию в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. Как член Императорской Археологической комиссии в Петербурге (1876–1891) руководил раскопками памятников античной эпохи в Крыму (Херсонес, Пантикапей, Нимфей), на Таманском полуострове и в Кубанской области. Переклочившись с античной археологии, которой посвящена его магистерская диссертация, на малоразработанную в то время область христианского искусства, Н.П.Кондаков опубликовал классическую монографию «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей» (1876; франц. перевод – 1888–1891), где впервые дал обобщающий очерк византийского искусства, охарактеризовал его основные этапы, применив при изучении миниатюр так называемый иконографический метод. В 1888 Кондаков переехал в Петербург – он был назначен старшим хранителем Императорского Эрмитажа, где вплоть до 1893 руководил отделением Средних веков и эпохи Возрождения. Практически ежегодно Н.П.Кондаков совершал научные поездки и экспедиции для знакомства с новыми памятниками по России (с 1861) и за границу (1867–1914), главным образом в страны Европы и Ближнего Востока.

С преподавательской деятельностью ученого связано появление особой школы Кондакова в науке, объединившей представителей различных гуманитарных дисциплин – историков, искусствоведов, археологов, востоковедов, антиковедов, славистов, византинистов: он был доцентом (1869–1877), затем профессором (1877–1888) по кафедре теории и истории изящных искусств Новороссийского университета в Одессе, профессором Петербургского университета (1888–1897) по той же кафедре, читал лекции на Высших женских (Бестужевских) курсах. Ученики Н.П.Кондакова регулярно собирались в Музее древностей Петербургского университета и участвовали в кондаковском домашнем семинаре – «журфиксах» так называемой Свободной Академии, где шло «приобщение к ремеслу» нескольких поколений исследователей (петербургская квартира академика находилась по адресу: Литейный пр., 15)¹.

Октябрьский переворот 1917 года застал Кондакова в Ялте: революционных перемен он не принял и новую власть не признал. Мысль о выезде из России «куда глаза глядят» впервые посетила патриарха отечественной византинистики в декабре 1917². Покидая столицу, Кондаков пытался огра-

* Эта работа выполнена благодаря финансовой помощи исследовательской программы Центрально-Европейского университета в Праге (Фонд Сороса), проект №307/1995 / This work was supported by the Research Support Scheme of the Higher Education Support Programme, grant №307/1995.

¹ Подробнее см.: *Кызласова И.Л.* Забытая традиция в преподавании истории искусства: Из опыта Ф.И.Буслаева и Н.П.Кондакова // *Rossica (Praha)*. 1996. №2. С.77–84.

² С.-Петербургский филиал Архива РАН (ИФА РАН). Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.132.

дять себя от политических временщиков всех оттенков, от войны, разрухи, голода, от идеологического гнета большевиков, повсеместного уничтожения науки и культуры – всего того, во что была ввергнута страна. Все его надежды попасть в 1918–1919 в Петроград и на север для исследовательской поездки по монастырям были обречены на неудачу. Этому мешала и начавшаяся Гражданская война. Сказывался и возраст ученого, а также обремененность грузом рукописей, с которыми он никогда не расставался.

В сентябре 1918 Н.П.Кондаков переехал в Одессу, где в 1918–1919 в качестве приват-доцента Новороссийского университета читал лекции по истории русской иконописи и итальянской живописи эпохи Возрождения. Через А.А.Шахматова он исходатайствовал себе охранную грамоту – удостоверение от Российской АН о командировании его на юг России «для изучения памятников христианской древности в связи с его работами по иконографии, сроком с 15 июня по 15 сентября 1919 г.»³. В январе 1920, при отступлении армии А.И.Деникина, Н.П.Кондаков эмигрировал в Болгарию и до 1922 являлся профессором Софийского университета. В течение трех лет, с 1919 по 1922, Кондаков не имел контактов с коллегами в Петрограде и даже не переписывался «с кем-либо в России вообще»⁴. В марте 1922 по приглашению Карлова университета в Праге Н.П.Кондаков переехал в Чехословакию, где вплоть до своей кончины в феврале 1925 читал лекции по истории искусств и археологии Восточной Европы. Здесь маститый академик объединил вокруг себя кружок молодых ученых, который после его смерти стал известен как *Seminarium Kondakovianum* (в 1931 преобразован в Археологический институт им. Н.П.Кондакова в Праге). Фактическими или «духовными» учениками Н.П.Кондакова считали себя Д.В.Айналов, Е.К.Редин, Я.И.Смирнов, С.А.Жебелёв, М.И.Ростовцев, Н.П.Лихачев, В.Т.Георгиевский, Б.В.Фармаковский, Б.А.Тураев, Г.Ф.Церетели, А.Н.Грабар, Г.В.Вернадский, Н.П.Толль, А.П.Калитинский и многие другие ученые начала XX в., в том числе иностранцы – Эллис Миннз в Англии, Габриэль Мийе во Франции.

Научное наследие Н.П.Кондакова, создателя нового раздела археологии и истории искусств – археологического византиноведения, включает фундаментальные исследования о памятниках Византии и других регионов, входивших в орбиту ее влияния – Египта, Сирии, Палестины, Закавказья, России, Балканского полуострова, Румынии, Италии и т. п. В трудах Кондакова, принесших ему мировую известность, впервые введен в научный оборот огромный фактический материал, что делает их актуальными до сих пор. Им был разработан новый подход к памятникам христианского искусства – создан иконографический метод, определивший целую эпоху в науке. Показав важность изучения культурно-исторического взаимодействия цивилизаций Запада и Востока, Кондаков наметил пути применения своего метода к археологическим материалам и произведениям искусства различных исторических эпох. «Н.П.Кондаков, – писал В.Т.Пашуто, – был первым, кто включил древнерусское искусство в мировой исторический процесс, поставил вопрос о воздействии на него скифского, римского, готского, скандинавского, но осо-

³ ПФА РАН. Ф.2. Оп.17. Д.94. Л.31.

⁴ Письмо Н.П.Кондакова к С.А.Жебелёву от 25 декабря 1922 (из Праги в Петроград). – Там же. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.139.

бенно византийского и восточного искусства, стараясь проследить генетические связи и в археологическом, и в историческом материале»⁵.

Гораздо менее известен автор публикуемых воспоминаний, Борис Васильевич Варнеке (1874–1944)⁶ – крупный ученый-латинист, историк театра и театральный критик. Долгие годы его имя замалчивалось – в советской историко-филологической литературе Б.В.Варнеке не было посвящено ни одного некролога, т. к. в эпоху сталинизма он стал жертвой политических репрессий. Даже точную дату смерти ученого удалось установить лишь недавно благодаря документам, сохранившимся в Управлении службы безопасности Украины по Одесской области.

Как свидетельствует метрическая выпись, Б.В.Варнеке родился в Москве 3 июня (ст. ст.) 1874 в квартире некой «бабки Варнике», фамилию которой он как незаконнорожденный и унаследовал⁷. Борис начал учиться во Второй московской четырехклассной прогимназии на Якиманке, где его первым преподавателем латинского языка стал А.Н.Шварц⁸, увлекший

⁵ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1991. С.16.

⁶ См. о нем: Алексеев М.П. Проф. Б.В.Варнеке (К 35-летию его литературной и научной деятельности) // Силуэты (Одесса). 1924. №5 (43), 3 декабря. С.6-7; Лавров А.В. Варнеке Борис Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1989. Т.1. С.390-391; Писатели современной эпохи: Библиографический словарь русских писателей XX века. 2-е изд. (репринт). М.: Дэм, 1992. Т.1. С.64-65; Тункина И.В. Новые материалы к биографии проф. Б.В.Варнеке // Древнее Причерноморье: III чтения памяти проф. П.О.Карышковского. Тезисы докладов юбилейной конференции 12–14 марта 1996. Одесса, 1996. С.109-110; Она же. Борис Васильевич Варнеке: Страницы биографии // Античный мир. Проблемы истории и культуры: Сб. научных статей. К 65-летию со дня рождения проф. Э.Д.Фролова / Под ред. И.Я.Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. С.441–452.

⁷ В документах Б.В.Варнеке встречается расхождение в написании фамилии – Варнике или Варнек. В метрической выписи от 15 сентября 1877 сказано: «Борис незаконнорожденный. Рожден июня третьего дня, крещен того же июня 6 дня, в доме г. Либерман, в квартире бабки Варнике, – звание, имя, отчество и фамилия матери неизвестно». Московская казенная палата 5 августа 1898 (ст. ст.) на запрос директора Петербургского историко-филологического института К.В.Кедрова сообщила, что «фамилия Бориса Васильевича Варнеке, с которой он записан в Московском мещанском обществе, Варнек, а не Варнеке». См.: ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1152 (Дело о службе Бориса Васильевича Варнеке). Л.24, 26.

⁸ Шварц Александр Николаевич (1848–1915) – филолог-классик, переводчик; магистр (1875), доктор (1891) греческой словесности; действительный член РАО (1895). Выпускник Московского университета (1868), учитель языков в Александровском военном училище (1868), Лазаревском институте восточных языков (1869–1874) и частной гимназии Креймана (1872–1884); инспектор 2-й Московской четырехклассной прогимназии (1884–1885), директор 1-й Московской прогимназии (1885–1887) и 5-й Московской гимназии (1887–1897). Доцент кафедры греческой словесности (1875–1885), секретарь историко-филологического факультета (1885–1887), экстраординарный профессор по кафедре теории и истории искусств (1884–1887), затем по кафедре классической филологии (1887–1890), с 1891 – ординарный профессор, с 1900 – заслуженный ординарный профессор Московского университета. Директор Константиновского ме-

мальчика древними языками. По циркуляру Министерства народного просвещения «о кухаркиных детях» от 18 июня 1887, ограничивавшему прием детей недворянского происхождения в гимназии и средние учебные заведения, Варнеке был отчислен из прогимназии, но с упорством продолжал заниматься самообразованием. Из-за крайней нужды мальчик с 8-летнего возраста был вынужден работать в театре детским статистом, получая за вечер 40 копеек жалованья. Здесь, за кулисами московской оперетты, ему посчастливилось познакомиться с академиком Ф.Е. Коршем⁹, по протекции которого он был определен на казенный счет в Первую московскую гимназию.

Закончив ее в 1894, Б.В. Варнеке поступил в Петербургский историко-филологический институт, учился по разряду древних языков у известных антиковедов, профессоров Ф.Ф. Соколова и Ф.Ф. Зелинского (1894–1898). По окончании института он был оставлен при нем для подготовки к профессорскому званию. За бесплатное обучение в вузе Б.В. Варнеке обязывался прослужить в ведомстве Министерства народного просвещения не менее 6 лет; он стал преподавать классические, немецкий и французский языки в Пятой петербургской гимназии (1899–1901) и в Николаевской гимназии в Царском Селе (1902–1904) во время директорства Иннокентия Анненского (последний посвятил Варнеке трагедию «Меланиппа-философ»). Одновременно Б.В. Варнеке начал преподавательскую деятельность в качестве приват-доцента на кафедре классической филологии в Петербургском университете (1901–1904), где в 1903 защитил магистерскую диссертацию по рим-

жевого института (1897–1900), попечитель Рижского (1900–1902), Варшавского (1902–1905), Московского (1905) учебных округов; сенатор (1905), член Государственного Совета (с 1907), министр народного просвещения (1908–1910).

⁹ Корш Федор Евгеньевич (1843–1915) – лингвист-полиглот, специалист по классическому, славянскому, сравнительному языкознанию и восточным языкам, переводчик, теоретик стихосложения, исследователь музыкальной ритмики, пушкинист; магистр (1868), доктор (1877) римской словесности; член-корреспондент по разряду классической филологии и археологии (1893), ординарный академик по ОРЯС (1900) Петербургской АН. Учился на историко-филологическом факультете Московского университета (1860–1865), был конкурентом В.О. Ключевского и Н.П. Кондакова; оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии, совершенствовал образование в университетах Германии, Австро-Венгрии и Италии (1868–1870). Доцент (1870–1877), экстраординарный (1877–1882), ординарный (1882–1890, 1892–1901) профессор Московского университета по кафедрам греческой (1870–1972) и римской (1872–1890, 1892–1901) словесности, ординарный профессор по кафедре классической филологии Новороссийского университета в Одессе (1890–1892), профессор персидской словесности Лазаревского института восточных языков в Москве (1892–1915). Председатель Восточной комиссии Московского археологического общества (1887–1915), председатель Московской диалектологической комиссии (1904–1915), председатель Общества славянской культуры (1908–1915); член Орфографической и орфоэпической комиссии, председатель Комиссии Петербургской АН по изданию сочинений А.С. Пушкина. Автор исследований в области классической филологии, сравнительного индоевропейского языкознания, славяноведения, метрики, иранистики, семитологии, тюркологии и пр.

ской словесности «Очерки по истории древнеримского театра», а в 1906 в Московском университете докторскую – «Наблюдение над древнеримской комедией: К истории типов». В печатных рецензиях на обе работы подчеркивались глубина научной мысли и необыкновенная добросовестность исследований диссертанта. С 1904 Б.В. Варнеке занимал должность экстраординарного (с 1906 – ординарного) профессора по кафедре классической филологии, секретаря историко-филологического факультета (1905–1907) Казанского университета. В апреле 1910 по представлению Э.Р. фон Штерна, благодаря благожелательным рекомендациям Ю.А. Кулаковского и Ф.Ф. Зелинского, он единогласно был избран ординарным профессором Новороссийского университета по кафедре классической филологии¹⁰.

Именно с Одессой связана дальнейшая судьба ученого. Варнеке являлся активным действительным членом и членом Совета ООИД, заведующим археологическим музеем ООИД (1913–1919), членом правления Историко-филологического общества при Новороссийском университете; председателем педагогического совета Одесской женской гимназии С.А. Верцинской (1912–1917). Он неоднократно командировался в Германию, Малую Азию и Константинополь (1904, 1909, 1911, 1913, 1914)¹¹, слушал лекции в Геттингенском университете, работал в археологическом семинарии Лейпцигского университета, изучал античное искусство в музеях Берлина и Дрездена, исследовал остатки древнегреческих театров Милета, Пирены и Эфеса; принял участие в XVI Международном конгрессе ориенталистов в Афинах (1912). Высокий авторитет Варнеке в европейских научных кругах был подтвержден его избранием в члены-корреспонденты Германского археологического института¹².

Б.В. Варнеке прекрасно знал и любил мир кулис. В 1889, будучи еще гимназистом, он начал публиковать в периодической печати статьи по вопросам театра, искусства и литературы, позднее получил известность как театральный критик. Вплоть до 1902 выступал как актер и помощник режиссера на профессиональной и любительской сцене сначала в Москве, затем в Петербурге. С 1898 был преподавателем театральных школ – на драматических курсах Е.П. Раппа, при Императорском театральном училище в Петербурге, на частных курсах в Казани и в частной театральной школе О.В. Рахмановой в Одессе. В 1901 на Втором Всероссийском съезде сценических деятелей Б.В. Варнеке поставил вопрос о создании при Российском театральном обществе комиссии по истории русского театра. С 1902 по 1914 он являлся консультантом при Императорских театрах. Главными трудами Б.В. Варнеке стали книги, так или иначе связанные с историей театрального искусства: «Очерки из истории древнеримского театра» (СПб., 1903), «Новые комедии Менандра» (Казань, 1909), «История русского теат-

¹⁰ См.: ГАОО. Ф.45. Оп.4. Д.1152. Л.38–40об. (представление декана историко-филологического факультета Новороссийского университета А.А. Павловского на имя ректора и отзыв о научных трудах Б.В. Варнеке, подписанный заслуженным ординарным профессором Э.Р. фон Штерном 14 января 1910).

¹¹ См.: Там же. Оп.9. Д.26. Ч.2 (1914 г.). Л.7.

¹² Формулярный список о службе Б.В. Варнеке вплоть до апреля 1917 см.: Там же. Оп.4. Д.1152. Л.6–14об.

ра) – первый в русской науке систематический обзор истории отечественного театра на всем протяжении его существования, от народных истоков русского театра вплоть до начала XX в. (вышла тремя изданиями в 1908–1910, 1913 и 1939¹³) – и «История античного театра» (М.; Л., 1940). Как справедливо отметил А.В.Лавров, «по своим эстетическим взглядам Варнеке – убежденный сторонник реализма 19 в., отвергавший модернистские веяния в литературе и театре»¹⁴.

О негативной реакции Б.В.Варнеке на общественные потрясения, связанные с Февральской и Октябрьской революциями 1917 года, разразившейся Гражданской войной и иностранной военной интервенцией, можно судить по его воспоминаниям. Во всяком случае, среди студентов того времени он пользовался репутацией консервативного профессора¹⁵. Видимо, не случайным было его сотрудничество в официозной газете белых «Южное слово», где он ведал отделом театральной и городской хроники. Несмотря на имевшуюся возможность эмигрировать, Б.В.Варнеке все же не покинул родину. «Бегство из России в такую минуту, когда культурные люди ей больше всего нужны, – преступление», – вот кредо интеллигенции, строившей послереволюционную новую Россию¹⁶.

В советское время Б.В.Варнеке продолжил преподавательскую деятельность в высших учебных заведениях Одессы. С окончательным утверждением власти большевиков университеты на Украине были признаны «консервативной формой подготовки специалистов» – в 1920 Новороссийский университет был ликвидирован, а на его базе создана сеть специализированных вузов¹⁷. Б.В.Варнеке преподавал в Гуманитарно-общественном ин-

¹³ Лучшим из них считается второе, дополненное издание (СПб.: Изд-во Н.Н.Сергиевского, <1913>). Третье, сильно сокращенное издание вышло уже в советское время под названием «История русского театра XVII–XIX вв.» (М.; Л.: Искусство, 1939). По оценке Б.Н.Асеева, труды Б.В.Варнеке «выражали тенденции развития научной, можно сказать, академической историографии русского театра, которая, сохраняя высокую исследовательскую культуру и научную методику, выработанную русской филологической школой, в то же время стремилась к созданию истории театра как сценического искусства» (цит. по: Асеев Б.Н. Русский драматический театр от его истоков до конца XVIII века. М.: Искусство, 1977. С.49).

¹⁴ См.: Лавров А.В. Варнеке Борис Васильевич. С.391.

¹⁵ Историк-новист, профессор Одесского университета К.П.Добролюбский (1885–1953) вспоминал о годах своего студенчества: «Из историков большим влиянием на факультете пользовался профессор Б.В.Варнеке, шедший тогда вместе с реакционной профессурой. Это был, без сомнения, умный человек и занимательный лектор, хорошо знавший римскую литературу и театр, но его лекции по истории Рима казались мне довольно поверхностными и водянистыми. К изменениям же его политической репутации я всегда относился с недоверием» (цит. по: Добролюбский К.П. В Новороссийском университете / Публ. А.К.Добролюбского // Одесский вестник. 1994. 12 февраля. №22 (576). С.10).

¹⁶ Из письма И.Э.Грабаря к В.М.Грабарю из Риги от 21 февраля 1921 (Игорь Грабарь. Письма. 1917–1941. М., 1977. С.48).

¹⁷ См.: Одесский университет. 1865–1990 / Отв. ред. И.П.Зелинский. Одесса, 1991. С.54.

ституте, переименованном впоследствии в Институт народного образования (1920–1930), был профессором и ректором (с 1921) Института изобразительных искусств, профессором в Педагогическом институте (с 1936 являлся заведующим кафедрой мировой литературы литературного факультета), а с 1933 – в восстановленном Одесском университете¹⁸. В 1920-х он сотрудничал с Русско-византийской историко-словарной комиссией АН СССР под руководством академика Ф.И.Успенского. В год «великого перелома» в частных письмах академиком кандидатура Б.В.Варнеке обсуждалась при выдвижении в действительные члены Всеукраинской Академии наук. Его избрание в Академию как представителя науки «старой школы» в тех условиях было невозможно прежде всего по политическим мотивам, т. к. он мог бы составить весомую конкуренцию ученым-марксистам¹⁹.

В советское время Б.В.Варнеке не оставлял занятий театром: он являлся заведующим художественным советом Одесских театров (1919), председателем художественного совета Одесского театра оперы и балета (1934–1935), председателем театральной секции при Одесском областном Пушкинском комитете (1937). Список его трудов к 1940 насчитывал более 250 публикаций (не считая газетных статей и библиографических заметок) по истории античного и русского театра, истории западноевропейской, русской и украинской литературы, истории искусств и археологии²⁰. Указом Президиума Верховного Совета УССР от 24 января 1941 профессору Б.В.Варнеке было присвоено звание заслуженного деятеля науки УССР²¹.

¹⁸ Сохранились заполненные Б.В.Варнеке анкеты для Комиссии АН СССР по изданию справочника «Наука и ее работники в пределах СССР» (от 4 мая и 20 ноября 1926), с указанием домашнего адреса: Одесса, ул. Подбельского, д. 19, кв. 27. См.: ПФА РАН. Ф.155. Оп.2. Д.109. Л.82, 83.

¹⁹ См. письма академика АН СССР и ВУАН Б.П.Бузескула к академику АН СССР С.А.Жебелёву из Харькова в Ленинград: «Мне приходит в голову предложить в Украинскую Академию, в числе новых членов, <...> Б.В.Варнеке. Да не знаю, что из этого может выйти! Ведь здесь “классическая филология”, даже в широком смысле слова, находится еще в меньшем фаворе, нежели на севере» (письмо от 28 апреля 1929); «Здесь уже много толкуют о предстоящих выборах в Украинскую Академию и о кандидатурах. Хотелось бы предложить... Б.В.Варнеке как единственного латиниста на Украине. Но, пожалуй, не решусь: так ставится вопрос о кандидатах, такие лица предлагаются, что лучше в это дело и не соваться. То, что было на севере, ничто по сравнению с тем, кого предлагают здесь» (письмо от 8 мая 1929). См.: ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.165. Л.25об., 26, 27об.

²⁰ Неполный список трудов см.: Библиографический список научных трудов профессора Б.В.Варнеке. 1889–1924. XXV. Одесса, 1925. 16 с. (132 публикации за 1896–1925 гг.). В список не вошли материалы по научной хронике, рецензии и библиографические заметки из «Журнала Министерства народного просвещения», «Гермеса», «Русского филологического вестника» и «Исторического вестника», а также газетные статьи, опубликованные в прессе Москвы, Петербурга, Риги, Казани, Самары, Киева, Одессы главным образом без подписи или под псевдонимами, статьи и заметки по вопросам театра, искусства, литературы, библиографии и городской хроники.

²¹ Одесский университет... С.58.

С началом войны наступил наиболее трагический этап в жизни Б.В.Варнеке. В 1941 Одесский университет был эвакуирован в Бердянск, затем в Ворошиловград, а впоследствии в Майкоп и наконец в 1942 – в район Байрам-Али (Туркмения)²². Находившийся в преклонном возрасте профессор Б.В.Варнеке эвакуироваться не смог. Из 16 одесских вузов, существовавших до войны, в период фашистской оккупации действовал только один – Румынский королевский университет Транснистрии, торжественно открытый 7 декабря 1942. Варнеке был зачислен в штат университета, где блестяще читал лекции по истории античной литературы. Его жена Елена Сергеевна (урожд. Матросова) добилась выдачи ему академического пайка. При университете оккупационными властями был создан пропагандистско-исследовательский Антисоциалистический институт (или Институт антисоциалистической пропаганды). Постоянного штата сотрудников он не имел, т. к. скорее выполнял функции лектора. Чтобы повысить авторитет вновь созданного учреждения в глазах местного населения, при публикации объявлений в одесских газетах о его открытии в числе членов института был назван и Б.В.Варнеке, который фактически никакого участия в его работе не принимал. В начале 1944 Румынский университет был закрыт, 10 апреля 1944 Одессу освободила Красная Армия. 12 апреля возобновились занятия в Одесском государственном университете, в котором продолжил работу и Б.В.Варнеке.

70-летний профессор Б.В.Варнеке был арестован 10 мая 1944 постановлением УНКВД по Одесской области по обвинению в измене Родине (ст. 54-1а УК УССР): «за деятельное участие в созданном румынскими захватчиками профашистском органе, так называемом Антисоциалистическом институте». Вскоре заключенный был этапирован в Киев, где 31 июля 1944 скончался, находясь на излечении в больнице при областной тюрьме №1. 28 августа 1944 дело в отношении Б.В.Варнеке было прекращено в связи с его смертью, а 11 лет спустя, 29 ноября 1955, военный прокурор прекратил дело «за недоказанностью предъявленного обвинения», в результате чего Б.В.Варнеке был реабилитирован посмертно²³.

Так трагически оборвалась жизнь одного из ярких представителей русской науки «старой школы».

Как мемуарист Б.В.Варнеке почти неизвестен современному читателю. Между тем он оставил воспоминания не только о театральном и литературном мире – об И.Ф.Анненском²⁴, Н.С.Лескове, Д.Н.Мамине-Сибиряке,

²² Одесский университет... С.69-70.

²³ Справка Управления Службы безопасности Украины по Одесской обл. №10/26277-П от 24.09.1993.

²⁴ См.: Лавров А.В., Тименчик Р.Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1981. Л.: Наука, 1983. С.71-76 (текст воспоминаний Варнеке), 126-132 (комментарии). К сожалению, публикаторы издали текст Б.В.Варнеке с купюрами. По их признанию, были «опущены места, не имеющие прямого отношения к Анненскому, а также особенно пристрастные характеристики его личности, не подкрепленные убедительной фактической аргументацией» (с.127).

П.П.Гнедиче, К.Д.Бальмонте, И.А.Бунине, Д.Н.Овсяннико-Куликовском²⁵ и др., но и о целой плеяде выдающихся русских ученых. Эти тексты пока остаются неизданными. Среди его героев – академик Н.П.Кондаков²⁶, военный инженер и археолог А.Л.Бертье-Делагард, русские и немецкие антиковеды конца XIX – начала XX в. (воспоминания «Старые филологи»)²⁷.

Воспоминания о Н.П.Кондакове написаны Б.В.Варнеке в 1926. Автор понимал, что в те годы их публикация была невозможна, о чем он откровенно писал члену-корреспонденту АН СССР В.Н.Бенешевичу²⁸:

22 июля 1926 г.
Одесса

Глубокоуважаемый Владимир Николаевич,

Прежде всего, не пугайтесь этой громадины: она не для печати, и Вам не придется хлопотать из-за нее.

С весны 1919 г., когда для меня стало ясно, какой большой и своеобразный человек Н.П.²⁹, я стал записывать все его разговоры. Недавно Вы в своем письме высоко оценили справедливость одного его отзыва, и это натолкнуло меня на мысль привести в порядок эти записи и сохранить для других свои впечатления.

Беда только, что у меня нет записей про начало моего знакомства, и тут я могу теперь только приблизительно восстановить

²⁵ Литературные воспоминания Б.В.Варнеке, написанные в конце 1920-х, хранятся в собрании академика М.П.Алексеева в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в Центральном театральном музее (Москва).

²⁶ Предварительное сообщение о публикуемых ниже воспоминаниях см.: Тункина И.В. Н.П.Кондаков по неизданным воспоминаниям Б.В.Варнеке. 1917–1920 гг. // Никодим Павлович Кондаков, 1844–1925. Личность, научное наследие, архив: К 150-летию со дня рождения / Государственный Русский музей. <СПб.>: Palace Editions, 2001. С.56–62.

²⁷ Воспоминания «Старые филологи» и мемуары об А.Л.Бертье-Делагарде подготовлены к печати автором настоящей публикации.

²⁸ Бенешевич Владимир Николаевич (1874–1938) – византист, археограф, историк церковного права; магистр (1905), доктор права; член-корреспондент РАН (1924; исключен общим собранием АН СССР 29 апреля 1938; восстановлен в 1958), действительный член Академии наук в Страсбурге (1912), член-корреспондент Баварской АН в Мюнхене (1927) и Берлинской АН (1929); член-сотрудник (1906), действительный член (1907) и библиотекарь РАО (1908–1924). Был женат на Аманте (Людмиле) Фаддеевне, дочери Ф.Ф.Зелинского, профессора Петербургского, затем Варшавского университетов. Неоднократно подвергался арестам (1922, 1924, 1928), в 1929 сослан в Кемь (Соловецкие лагерь), где в 1930 арестован по «академическому делу» и привезен в Ленинград как один из главных обвиняемых, был осужден на 5 лет, находился в Ухтпечлаге до весны 1933. Вновь арестован в ноябре 1937 и расстрелян в январе 1938. В 1937–1938 были расстреляны два сына-близнеца и брат В.Н.Бенешевича. См.: Перченко Ф.Ф. К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam: Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перченка. М.; СПб., 1995. С.147-148.

²⁹ Здесь и далее Н.П. – Никодим Павлович Кондаков.

ход событий. Насколько могу сам судить, вышло все-таки нечто поучительное. Я, по крайней мере, за всю жизнь такого крупного и цельного человека среди наших ученых не встречал, а в истории с Дорошенко³⁰ он прямо показал себя героем.

Печатать это, конечно, нельзя: 1) нет журнала; 2) по самому содержанию «неблагоприятно», но думаю, что лет через 50, когда судьба заставит наших потомков помянуть век «былых богатырей», среди них первое место среди филологов он отведет Н.П. и его биография появится. Вот для этого-то будущего «Барсукова»³¹ я и набросал на досуге свои заметки. Чтобы они не пропали, их надо передать в подходящее место. Естественно всего было бы мне это сделать в Одесском музее³², для которого так много сделал Н.П., но музей теперь в руках такой махровой сволочи, что для нее Кондаков был бы только предметом глумления. Остается Академия, поэтому я и беспокою Вас.

Прочтите сами и, если найдете ценным хоть немного, дайте причесать еще кому-нибудь, например С.А.Жебелёву³³, которого Н.П.

³⁰ См. ниже текст воспоминаний.

³¹ Барсуков Николай Платонович (1838–1906) – историк, библиограф, археограф. С 1863 служил в Археографической комиссии, в 1870 стал ее членом. В 1868–1883 являлся помощником начальника библиотеки и архива Св. Синода, в 1883–1906 – начальником архива Министерства народного просвещения. В 1860-х обследовал личные архивы и опубликовал многие документы по истории России, научной и культурной жизни страны, сделал описания ряда архивных собраний. Основной труд – незавершенная монография «Жизнь и труды М.П.Погодина» (Т.1-22. СПб., 1888–1910).

³² Имеется в виду Одесский археологический музей (ныне ОАМ Национальной Академии наук Украины), созданный в 1825 как Одесский городской музей древностей и в 1858 слитый с Музеем Одесского общества истории и древностей; с 1920 он назывался Одесским краевым историко-археологическим музеем, с 1930 – Всеукраинским историческим музеем в Одессе, с 1938 – Одесским историко-археологическим музеем, с 1945 – Одесским государственным историко-краеведческим музеем, с 1947 – Одесским государственным историко-археологическим музеем, с 1950 – Одесским государственным археологическим музеем, с 1971 – Одесским археологическим музеем Института археологии АН УССР, с 1972 – Одесским археологическим музеем АН УССР (с 1991 – АН Украины), с 1994 – Национальной АН Украины). Б.В.Варнеке стоял во главе музея с 1913 по 1919, его сменил К.М.Милисавлевич (1919–1920), а затем Сергей Степанович Дложевский (1889–1930), уполномоченный Укнауки и начальник Ольвийской экспедиции после смерти Б.В.Фармаковского, директор музея с 1920 по 1930. См.: Корпусова И.В. Одесский археолог С.С.Дложевский // Проблемы истории отечественной археологии: Тезисы докладов конференции. СПб., 1993. С.58-59; Охотников С.Б. Люди, даты, юбилеи (Хроника музея и общества) // Древнее Причерноморье: Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса, 1994. С.7-8.

³³ Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941) – историк античности, филолог-классик; магистр (1899), доктор (1904) греческой словесности; член-корреспондент Петербургской АН (1914), действительный член АН СССР

нежно любил. Вам лучше видно, что с этим сделать – выкинуть ли в мусорную яму или сберечь «ad poster<0>»³⁴. Я совсем не знаю столичных учреждений и потому отсюда не могу решать, куда можно было бы это сдать. Но, судя по судьбе бумаг П.В.Никитина³⁵, Академия брала материалы для биографии своих членов. Или лучше Пуб-

(1927); действительный член Академии художеств (1910–1918) и ГАИМК (1919–1937); член-сотрудник (1892), действительный член (1894), секретарь Классического отделения (1894–1919), помощник председателя (председательствующий) (1919–1922) РАО. Выпускник Петербургского университета (1890), где был оставлен для приготовления к профессорскому званию без стипендии. С 1891 – вольнонаемный сверхштатный писец, затем хранитель (1899–1903) Музея древностей Петербургского университета. В эти годы сблизился с Н.П.Кондаковым и вошел в круг его учеников. Преподаватель бытовой истории в Центральном училище технического рисования барона Штигица (1891–1903); профессор истории искусств в Высшем художественном училище при Академии художеств (1894–1905); заведующий классическим отделением «Журнала министерства народного просвещения» (1902–1917); преподаватель, профессор Петербургского историко-филологического института (1909–1920); профессор Высших женских (Бестужевских) курсов; приват-доцент (1899–1904), экстраординарный (1904–1913), ординарный (1913–1927) профессор кафедры классической филологии, секретарь (1905–1909), декан (1918–1919) историко-филологического факультета, проректор (1911–1912) и ректор (1919) Петербургского (Петроградского) университета, в 1932–1936 читал лекции в ЛИФЛИ, с 1934 по 1941 – профессор кафедры истории античности исторического факультета ЛГУ. Председатель Совета Эрмитажа (1918–1919), товарищ председателя РАИМК (ГАИМК) (1923–1928), председатель Библиотечно-библиографической комиссии ГАИМК (с 1929), заведующий кафедрой истории античных колоний Причерноморья (1934–1937), заведующий сектором Древнего Причерноморья ИИМК (1937–1941). С началом Великой Отечественной войны отказался эвакуироваться и остался в осажденном Ленинграде, с октября 1941 руководил Комиссией по делам ленинградских учреждений АН СССР и ИИМК. Умер от голода в декабре 1941.

³⁴ На будущее (лат.).

³⁵ Никитин Петр Васильевич (1849–1916) – филолог-классик, эпиграфист; магистр (1876), доктор (1883) греческой словесности; адъюнкт (1888), экстраординарный (1892), ординарный (1898) академик по классической филологии и археологии, вице-президент (1900–1916) Петербургской АН; член-сотрудник (1886), действительный член (1897), управляющий классическим отделением РАО. Выпускник Петербургской духовной семинарии (1867) и Петербургского историко-филологического института (1871), с 1875 экстраординарный, затем ординарный профессор (1877–1879) Нежинского историко-филологического института князя Безбородко, доцент (1879–1883), экстраординарный (с 1883), ординарный (с 1886), заслуженный (1900) профессор по кафедре греческой словесности (до июля 1900), декан историко-филологического факультета (1897–1900), ректор (1890–1897) Петербургского университета; с 1879 – преподаватель, с 1883 – экстраординарный, затем ординарный профессор греческой словесности (1890–1900) Петербургского историко-филологического института. Личный архив П.В.Никитина хранится в Санкт-Петербургском Архиве Российской Академии наук.

личная библиотека? Мне решительно все равно, хотелось бы только, чтобы, если это имеет хоть какое-нибудь значение, не пропало без следа с моей смертью.

Напишите, что надумаете. Во избежание особой огласки, Троцкому³⁶ я не сказал про содержание пакета. Пользуюсь случаем, чтобы пожелать Вам всего доброго.

Ваш Б.Варнеке

Мемуары посвящены трем последним годам жизни Н.П.Кондакова на родине перед эмиграцией и описывают события в Одессе с весны 1917 по январь 1920. Написанные живым, образным языком, они ярко рисуют быт и нравы творческой интеллигенции, волею судеб оказавшейся в годы Гражданской войны в Одессе, когда в условиях калейдоскопической смены властей здесь жили и творили многие ученые, писатели и журналисты, впоследствии оказавшиеся в эмиграции. Благодаря несомненному литературному дару автора центральная фигура повествования – академик Н.П.Кондаков – встает перед нами в полный рост. При этом Варнеке отнюдь не идеализирует его образ.

Б.В.Варнеке сам признавался, что у него не сохранилось записей о начале его знакомства с Н.П.Кондаковым, и лишь с весны 1919 он стал фиксировать события жизни маститого ученого в Одессе. Именно поэтому в его воспоминания, написанные по памяти, вкрались фактические ошибки. Судя по хранящимся в Праге дневникам Н.П.Кондакова за 1917–1920 гг.³⁷, пери-

³⁶ Тронский (наст. фам. Троцкий, изменена в 1938) Иосиф Моисеевич (1897–1970) – филолог-классик, историк античной литературы; доктор филологических наук (1943). Родился в семье народного учителя, почетного гражданина Одессы. Выпускник классического отделения историко-филологического факультета Новороссийского университета (1915–1919), ученик Б.В.Варнеке, С.Д.Пападимитриу, А.И.Томсона; оставлен при Гуманитарно-общественном институте для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии (1919–1921). Преподаватель классических языков в Институте народного образования и Археологическом институте г. Одессы (1921–1923), одновременно заведовал отделом редких книг университетской библиотеки, носившей тогда название «Главная библиотека высшей школы» (1920–1923). В 1923 переехал в Петроград, выдержал испытание в объеме бывших магистерских экзаменов по римской словесности при Институте литературы и языков Запада и Востока, научным сотрудником которого в дальнейшем состоял (1924–1929). Работал помощником библиотекаря, библиотекарем, главным библиотекарем, библиотекарем-консультантом ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина (1924–1945), доцентом (1926–1929) факультета языка и материальной культуры ЛГУ. После возобновления в вузах классического образования (1932) вернулся к преподавательской работе в ЛИФЛИ–ЛГУ: доцент (1932–1943), профессор (1943–1957) кафедры классической филологии филологического факультета. Старший научный сотрудник Института языка и мышления (1946–1950) – сектора индоевропейских языков Института языкознания АН СССР (1950–1970). См. его личное дело в архиве Института лингвистических исследований РАН в С.-Петербурге.

³⁷ Литературный архив Музея чешской письменности в Праге. Фонд Н.П.Кондакова. Далее – Фонд Кондакова в ЛАМЧП. Обзор фонда опубли-

од с 14 октября 1917 по 9 сентября 1918 ученый провел в Ялте, затем переехал в Одессу, где с 10 октября 1918 приступил к чтению лекций в университете³⁸.

Однако, согласно воспоминаниям Б.В.Варнеке, лишь в марте 1919 Н.П.Кондаков, уезжавший в Ялту, вернулся в Одессу вместе с секретарем и экономкой Е.Н.Яценко. Петербургский академик поселился в квартире своего друга, профессора И.А.Линниченко³⁹. С осени 1919 Б.В.Варнеке стал часто бывать в гостях у Н.П.Кондакова. Последний в то время работал над третьим томом «Иконографии Богоматери» (в двух частях), посвященном искусству итальянского Возрождения (рукопись книги была продана Ватикану в январе 1925 и осталась неизданной). Из воспоминаний мы узнаем, что при содействии ректора А.Д.Билимовича Н.П.Кондаков получил возможность читать лекции в Одесском университете, а именно – вводные специальные курсы «История русской иконописи» и «Итальянская живопись эпохи Возрождения».

Б.В.Варнеке подробно рассказывает об университетской атмосфере послереволюционных лет, о репрессиях, обрушившихся со стороны властей и Одесской Губчека на оппозиционно настроенную профессуру. Истосковавшийся по общению с петербургскими коллегами и учениками и остро ощущавший свою оторванность от научного мира Петрограда «живописный старец» откровенно делился своими «думами» с Б.В.Варнеке. Интересны размышления академика об уровне развития гуманитарных наук и университетского преподавания в России, пережеваемые оценки (зачастую язвительными и нелюбезными) научного творчества учителей, коллег и учеников, его откровенные признания и высказывания по самым разным вопросам. Автор пересказывает беседы с Н.П.Кондаковым, его оценки политических событий того времени, событий русской истории и современной им действительности, международной ситуации и внутреннего положения в стране, раздираемой Гражданской войной, описывает нечеловеческие усло-

Kopecka L., Dandova M. Nikodim Pavlovič Kondakov (1844–1925). Praha, 1925. 23 с. Выражаю глубокую признательность чешским коллегам – Марте Дандовой, Марте Заградниковой и Лидии Копецкой за возможность ознакомиться с материалами архива Н.П.Кондакова.

³⁸ *Кызласова И.Л. Забытая страница в преподавании истории искусства: Из опыта Ф.И.Буслаева и Н.П.Кондакова // С.-Петербургский фонд культуры. Программа «Храм». Третья российская научно-практическая конференция. Ч.2. СПб., 1994. Вып.5: Сб. материалов (ноябрь 1993 – июнь 1994). С.78. См. также: Тункина И.В. Материалы к биографии Н.П.Кондакова: Основные даты жизни и деятельности Н.П.Кондакова; Посмертно опубликованы; Поездки и экспедиции Н.П.Кондакова; Членство Н.П.Кондакова в академиях, университетах, институтах, обществах, комиссиях, музеях и т. п.; Награды Н.П.Кондакова // Никодим Палович Кондаков, 1844–1925. С.9–23.*

³⁹ Это подтверждается письмом Н.П.Кондакова к профессору Новороссийского университета И.А.Линниченко из Ялты в Одессу от 2(15) августа 1918, в котором он просит сдать ему и Е.Н.Яценко две комнаты в профессорской квартире. Причину переезда из Ялты в Одессу Н.П.Кондаков, всегда отличавшийся крайней бережливостью, объяснял дороговизной жизни в Крыму. См.: ГАОО. Ф.153. Оп.1. Д.112. Л.5–6об.

вия беженского быта, в какой-то мере объясняющие причины эмиграции академика. Кондакову как представителю консервативно-националистических кругов русского общества была свойственна крайне негативная оценка революционного и либерального движения, успехи которого, по его убеждению, ввергли страну в «пугачевщину». Никодим Павлович крайне пессимистически оценивал будущность России. Хорошо зная по собственному опыту прагматизм и фальшь жизненного уклада либерально-демократической Западной Европы, он не случайно выбрал для эмиграции духовно близкие себе славянские страны – Болгарию и Чехословакию.

Ценными дополнениями к мемуарам Б.В. Варнеке о Н.П. Кондакове являются записи из дневников И.А. Бунина и его жены В.Н. Муромцевой-Буниной. Дневники хранились в парижском архиве Буниных и недавно опубликованы (к сожалению, с купюрами) доктором Эдинбургского университета Милицей Эдуардовной Грин⁴⁰. Н.П. Кондаков был знаком с И.А. Буниным еще с 1900-х. К моменту избрания почетным академиком (1909) писатель трижды удостоился академической Пушкинской премии. Известно также, что 1 ноября 1909, при баллотировке кандидатуры Бунина в почетные академики по разряду изящной словесности ОРЯС Петербургской АН присутствовал и Н.П. Кондаков⁴¹. Они, несомненно, встречались на журфиксах в доме ученика Н.П. Кондакова, профессора М.И. Ростовцева, который был дружен с И.А. Буниным.

Бунины прибыли в Одессу из Москвы в начале июня 1918. Иван Алексеевич часто виделся с Н.П. Кондаковым. Так, 23 июля (5 августа) 1919 И.А. Бунин записал: «Вчера после трех пришел Кондаков, безнадежно говорил о будущем, не веря в прочность ни Колчака, ни Деникина, вспоминая жестокий отзыв Мишле⁴² и его пророчества о том, что должно быть в России и что вот уже осуществилось на наших глазах...»⁴³. Воспоминания Б.В. Варнеке могут служить своего рода дополнением к «Окаянным дням» И.А. Бунина, где несколько раз упоминается и Н.П. Кондаков.

Исследователям жизни и творчества Кондакова ранее не было известно, что одновременно с преподаванием в университете Кондаков занимал должность помощника редактора по иностранной политике и вопросам образования в официальной газете Белой армии «Южное слово». В том же

издании работал и Варнеке. Из его воспоминаний впервые выясняется, что по протекции Кондакова в «Южное слово» был устроен и Бунин, занявший с 21 октября 1919, наряду с Кондаковым, пост соредатора издания. Воспоминания Варнеке впервые проясняют роль Кондакова в обстоятельствах эмиграции Бунина: связи Кондакова во французских военных кругах помогли беженцам получить необходимые визы и ускорить выезд из России.

Бросающиеся в глаза некоторые фактические расхождения в описании деталей бегства в воспоминаниях Варнеке и автобиографических рассказах Бунина могут быть объяснены тем, что оба автора писали их по памяти. Во всяком случае, состояние духа и настроение Кондакова, крайне пессимистично оценивавшего будущность России, они передают достаточно точно. Снять ошибки при восстановлении подлинной хроники событий того времени помогут записи в дневниках Кондакова за 1917–1920, хранящихся в Праге. Структура и характер информации во всех дневниках ученого аналогична: записи одного дня занимают одну страницу, написаны скорописью и достаточно тезисны. Несмотря на то что заметки полны житейских подробностей, они дают представление и о научных штудиях Кондакова, его кабинетной работе, чтении лекций, участии в заседаниях, встречах с коллегами, общественными и политическими деятелями, о его реакции на политические события и многое другое. Полная расшифровка дневников Кондакова за одесский период, наполненных сведениями о его встречах с Буниным, – дело будущего. По этим записям можно будет воссоздать хронику последних лет пребывания на родине не только Кондакова, но и Бунина. Публикация материалов эмигрантского архива Н.П. Кондакова, хранящегося в Праге, поможет устранить фактические неточности в хронике самого «темного» периода биографий и великого ученого, и классика русской литературы.

Воспоминания Б.В. Варнеке публикуются по автографу, хранящемуся в фонде Н.П. Кондакова в Санкт-Петербургском Архиве Российской Академии наук (Ф.115. Оп.3. Д.91. Л.1-120).

Сокращения в тексте воспоминаний Варнеке, как и в дневниковых записях и письмах Кондакова, помещенных в комментарии, раскрываются без скобок в случаях, не имеющих другого толкования. Пропущенные автором слова и конъектуры заключены в угловые скобки, подчеркивания выделены курсивом. Купюры отмечены знаком <...>.

Список сокращений:

ВЖК – Высшие женские Бестужевские курсы; ГАОО – Государственный архив Одесской области; ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения (СПб.); ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН; ЛИФЛИ – Ленинградский государственный институт истории, философии и лингвистики; МАО – Московское археологическое общество; ООИД – Одесское общество истории и древностей; ОРЯС – Отделение русского языка и словесности; ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН; РАИМК (ГАИМК) – Российская академия истории материальной культуры (с 1926 – Государственная академия истории материальной культуры); РАН – Российская Академия наук; РАО – Русское археологическое общество (СПб.); РГО – Русское географическое общество.

⁴⁰ Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. Милицы Грин: В 3 т. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1977–1982. Предварительная публикация – в нью-йоркском «Новом журнале» за 1972–1974 (Кн.108-116).

⁴¹ ПФА РАН. Ф.1. Оп.1а (1909). Д.156. Л.273об. Во время выборов И.А. Бунин получил восемь голосов «за» и один «против».

⁴² Жюль Мишле (1798–1874) – французский историк романтического направления, с 1827 – профессор Высшей нормальной школы, затем профессор Коллеж де Франс (1838–1852), заведующий исторической секцией Национального архива, автор фундаментальных трудов по истории Великой Французской революции. Согласно Мишле, герой исторического процесса – народ, без деления на классы. Историк отрицательно относился к коммунистическим идеям, т. к. рассматривал экономическое неравенство как божественный закон.

⁴³ Устами Буниных. Т.1. С.291. Ср.: Из дневников И.А. Бунина / Публ. М.Грин // Новый журнал. 1972. Кн.109. С.175.

* * *

Первый раз увидел я Н.П.Кондакова весной 1917 г.¹ в заседании Одесского общества истории и древностей². Оно близилось уже к концу, когда в полуосвещенную залу вошел бодрый, одетый в черный сюртук старик, робко остановившийся в дверях. Сидевший рядом со мною секретарь общества, проф. М.Г.Попруженко³, ученик Кондакова, шепнул мне, что это Кондаков, но большинство членов его не узнало, и доклад, не помню теперь — чей и о чем, шел без перерыва. Н.П. сел на ближайшее у двери кресло у стола и стал внимательно слушать доклад, а затем стал оглядывать залу, которую после перехода в новое помещение музея он, как потом оказалось, не видал. Когда доклад, вызвавший очень мало прений, кончился, я как председатель встал и от лица общества приветствовал гостя, который еще в годы председательства проф. А.А.Павловского⁴ был избран в почетные члены общества. Услышав, что в нашей среде Кондаков, члены собрания были, видимо, очень обрадованы возможностью увидеть именитого ученого и горячо поддержали мое краткое приветствие, так что совершенно неожиданно вышла очень теплая и сердечная встреча. При первых же моих словах Н.П. встал, и меня опять поразила стройная и бодрая фигура старца, про постоянные недуги которого я наслушался еще в Петербурге, начиная с осени 1894 г., когда на магистерском диспуте Д.В.Айналова⁵ читался его письменный отзыв и декан И.В.Помяловский⁶ оправдал это отступление заявлением, что тяжкая болезнь⁷ ближайшего учителя Дмитрия Власевича держит его в Ялте.

На мою речь Н.П. ничего не ответил, кроме низкого поклона собранию, но, когда я затем закрыл заседание и проф. Попруженко представил меня ему, Н.П. отвел меня в сторону и, словно запинаясь, стал благодарить и за это приветствие, и за мою статью о нем в «Одесском листке», которую я напечатал по случаю его пятидесятилетнего юбилея, предупрежденный об этом телеграммой С.А.Жебелёва. Номер газеты, оказывается, ему тогда же был переслан.

По рассказам у меня составилось о Н.П. представление, как об очень суровом и недоступном человеке. Особенно много о его «генеральстве» постоянно говорил А.А.Павловский. Тем приятнее мне было увидеть в ярко горящих, совсем молодых глазах его сердечную ласку и приветливость. Еще больше меня поразило тон, в каком он тут же стал просить меня позволить ему с его секретарем проделать «небольшую штудию», как он выразился, на коллекциях музея. Это было полное право любого посетителя музея, а Н.П. просил об этом как о невесте каком одолжении.

Само собой, что в условленный день я ждал Н.П. в музее. Ровно в назначенный срок он явился вместе с довольно невзрачной барыш-

ней, типа курсистки, которую он мне и представил как своего секретаря⁸. Одет он был, несмотря на жаркий день, в суконную крылатку, и под мышкой у него была папка. Я предложил им обозреть музей, но, оказываясь, они уже в нем были до того заседания, где <я> с ним познакомился, и Н.П. сразу указывал мне нужные ему шкафы с черепками расписных ваз из березанских раскопок Э.Р. фон Штерна⁹. Ключи были сейчас же принесены, шкапы отперты, и я не стал им мешать, но, проходя из своего кабинета в другие залы, я видел, что Н.П. объяснял секретарше технические приемы живописи на этих черепках, сличая на разных вазах разную манеру живописца, причем особенное внимание ее он обращал на приемы накладки краски. Он говорил, а секретарша что-то записывала и зарисовывала на отдельных листах.

По будням музей бывал обыкновенно пуст, и досужие посетители им не мешали. Эта работа тянулась дней 10. Вскоре, кроме карандаша, начали они зарисовки и акварельными красками. О назначении и цели этих работ спрашивать мне Н.П. было неловко, но получалось такое впечатление, будто он учил свою секретаршу, а не она помогала ему в его работе. Каждый раз без перерыва они работали часа по три.

Как-то раз под конец их занятий секретарша ушла одна, а Н.П. прошел ко мне в кабинет, где как раз был один из типичных местных продавцов древностей. Н.П. внимательно присматривался к его своеобразному облику и после его ухода стал подробно меня расспрашивать про этот бич Одесского музея. В беседе я коснулся одной из самых крупных сделок того года. Молодой миллионер, грек, фабрикант халвы Дуваржогло купил у пресловутого Шепсниеля Гохмана¹⁰ сосуды из «древнего восточного стекла» на несколько десятков тысяч и этим вызвал страшное негодование своей жены. Желая перед нею оправдаться, Дуваржогло несколько раз приставал ко мне с просьбой посмотреть его коллекцию, от чего я упорно отказывался, во-первых, потому, что я на самом деле ничего не смыслю в восточных древностях, а во-вторых, потому, что с самого начала своего заведования музеем поставил себе за правило держаться подальше от подобных операций разных Гохманов.

Н.П. эта история очень заинтересовала, и он предложил сам свои услуги осмотреть эти вещи. Я сейчас же послал на квартиру Дуваржогло служителя с письмом, когда он сможет нам показать эти вещи. Через полчаса ответ был получен, и Дуваржогло предлагал прислать за Н.П. машину, страшно обрадованный надеждой, что такой большой ученый увидит его вещи: сам-то он про Кондакова, конечно, впервые узнал из моего письма, в котором я постарался подчеркнуть его славу.

От машины Н.П. решительно отказался и предложил идти к Дуваржогло пешком, что и мне было гораздо больше по душе. В назна-

ченный день и час я был у Н.П. Он жил тогда в гостинице «Пассаж» и занимал номер бельэтажа¹¹. В нем мне бросился в глаза большой открытый кофр. Завязывавшая Н.П. галстук секретарша заметила мне с улыбкой, что это все книги, без которых Н.П. никуда не ездит.

Был жаркий майский день, а Н.П. в неизменном черном сюртуке и суконой крылатке двинулся на набережную, где жил Дуваржогло. В подъезде он предупредил меня, что боится пыли и потому на улице всегда молчит. И шли мы очень медленно.

Встретили Н.П. как владетельную особу: сам хозяин и его жена были разряжены в пух и прах. Стол был приготовлен к роскошному завтраку с винами и ликерами. Но Н.П. от всей этой благодати решительно отказался, согласившись выпить только стакан содовой воды, и сразу же подошел к восточным сосудам, выставленным на особом столике. Это были невысокие кувшины темно-красного стекла с золотом. Минут 10 он их рассматривал самым внимательным образом, подымая на свет, выстукивая и т. п.

Поставив их на стол, он стал протирать очки и с растяжкой вымолвил:

– Да-а-а. Поучительно! Весьма поучительно!..

Хозяина это очень окрылило, и он с упованием спросил:

– Древняя работа?

– Нет-с, современная. Теперь на Кавказе сколько угодно таких делают.

– А цена какая им будет? – уже совсем упавшим голосом рискнул спросить весьма смущенный собиратель.

– Ну как сказать? Рублей триста за все дать, пожалуй, еще можно, – невозмутимо отрезал Н.П.

Вопль ярости вырвался из груди хозяйки, и она, как тигрица, ринулась на несчастного. Приближение семейной сцены было ясно, и мы удалились.¹²

На подъезде Н.П. не выдержал и с глубочайшим негодованием воскликнул:

– А и большой же марки мерзавец, кто так обставил этого несчастного пиндоса...

Потом, однако, я узнал, что пострадал собиратель не особенно и экспертиза Н.П. ему помогла: он вызвал Гохмана и, грозя хорошо знакомым ему судом, заставил взять обратно сосуды и вернуть деньги.

Больше в музее Н.П. не показывался, если не считать одного заседания весной уже 1919 г. Заседания тогда удавалось собирать с трудом, и одно из последних было посвящено памяти почетного члена Ю.А.Кулаковского¹³. По обычаю Московского археологического общества, заседание началось торжественной панихидой, за которой шел мой доклад. Между прочим я подчеркнул, что последние годы Ю.А.<Кулаковский> был очень угнетен нападками, кото-

рыми его осыпали, и его «Историю Византии», и его работы по керченским катакомбам, жестоко осмеянные автором роскошного издания керченской стеной живописи¹⁴. После доклада Н.П., посетивший это заседание, в частной беседе стал говорить, что напрасно Ю.А.<Кулаковский> поддавался малодушию: кого не бранят! Вон и меня недавно как продернул Философов¹⁵. Притом стоило еще считаться с рецензией А.А.Васильева¹⁶ – действительно серьезный человек, а автор исследования про Керчь, при всей своей гениальности, человек больной: у него какой-то зуд в каждой работе кого-нибудь садануть. К нему надо бы приложить с небольшой переделкой название пьесы Андреева: «Тот, кто раздает пощечины»¹⁷. Это он, верно, в Оренбурге¹⁸, от башкирских джигитов такой удали заразился.

Из газет я знал, что в весну 1917 г. Н.П. очень усердно работал в Совете Одесского художественного училища, одним из основателей которого он был еще в семидесятые годы. Теперь он проводил чуть не все вечера сплошь на заседаниях по переработке его устава, оживленно переписывался с петербургскими канцеляриями. Позже, в 1921 г., сделавшись ректором Института изобразительных искусств, выросшего на развалинах этого училища, я нашел и протоколы этих заседаний, и много бумаг, написанных рукой самого Н.П., показывающих, как близко принимал он к сердцу дело художественного образования. Примененным на деле оказалось, однако, лишь очень небольшое из того, что он намечал, желая любимую им школу уберечь от слишком хорошо ему известного печального опыта Петербургской Академии художеств.

В конце мая 1917 г. я выехал на дачу, а вскоре уехал из Одессы и Н.П. Куда? Не помню точно. Кажется, он ехал в Ялту¹⁹ к своему другу А.Л.Бертье-Делагарду²⁰. Точно так же не помню, когда именно он вернулся опять в Одессу. Наверно знаю только, что его не было здесь в 1918 г.²¹ – ни при первых большевиках²², возглавляемых Муравьевым²³, ни при немецкой оккупации²⁴. Зато второй период большевиков в марте 1919 г. застал его снова здесь. Прожил ли <он> этот год с лишком в Ялте или возвращался в Петербург, тоже не знаю. Весеннее полугодие 1919 г. он не только провел в Одессе, но и состоял преподавателем нашего университета. Тогдашний ректор А.Д.Билимович²⁵, женатый на художнице²⁶, очень живо интересовался искусством и окружил Н.П. полным вниманием, устроив ему, как академику, повышенную оплату лекций, в чем он очень нуждался из-за невозможности получать деньги с севера. Та же самая нужда заставила его поселиться все с той же секретаршей уже не в номерах, а в квартире своего друга проф. И.А.Линниченко²⁷. Этот богатый старый холостяк занимал барскую квартиру возле самого университета на Елизаветинской ул.²⁸ (№10), где теперь помещается Губарх²⁹, и несколько комнат радушно уступил Н.П.

Во время французской оккупации³⁰ Н.П. держался в тени, но с приходом советской власти³¹ сразу занял в нашем факультете очень видное положение. В политику, споры о программах и т. п. он не вмешивался и теперь, но сразу же показал себя чрезвычайно смелым и отзывчивым человеком.

Комиссаром просвещения был назначен проф. Е.Н.Щепкин³², с Февральской революции восстановленный в правах профессора. Став начальством, он начал свою деятельность с того, что на второй день Пасхи издал декрет, изгонявший из университета 26 профессоров³³, довольно пестрых по политической своей окраске, но подозреваемых им как виновников того забаллотирования, которому он сам подвергся в 1916 г., когда выставлял свою кандидатуру. Среди ее противников открыто первое место занимал наш декан А.П.Доброклонский³⁴. Часть факультета его очень любила, и его отставка очень сильно огорчила не столько его самого, как этих его друзей. На первом же заседании «очищенного» факультета кто-то, кажется Б.М.Ляпунов³⁵, задал Щепкину вопрос, нельзя ли вернуть Доброклонского? Щепкин, очень чуткий к мнению публики, смутился и стал говорить, что подкладка его увольнения вовсе не личная, а программная: советская власть не может терпеть клерикальных предметов, и потому не А.П.<Доброклонский> уволен, а отменена кафедра церковной истории, и если кто-нибудь предложит его на другую кафедру, то он немедленно его восстановит. Зная мои плохие к нему отношения, Щепкин ехидно улыбнулся и спросил: «Вот, может быть, вы, Борис Васильевич, предложите его на классическую филологию? Ведь он писал о Факунде³⁶».

Я молчал, но в это время Н.П. встал и очень резко, с видимым волнением сказал:

— Я берусь его представить на вакантную (за отъездом С.Д.Пападимитриу³⁷) кафедру византийской филологии. Евгений Николаевич, наверно, как историк знает, что отдел об иконоборцах у него в диссертации о Федоре Студите³⁸ изложен образцово; в европейской литературе равной этой главе я не знаю и считаю позором для революционной школы, если она за своим бортом оставит такую ученую силу.

Это заявление имело громадное впечатление, Щепкин смутился и скоро ушел из заседания³⁹, а по закрытии его Н.П. стал рассказывать:

— В 1876 г. для статьи о Хлудовской псалтири⁴⁰ я очень много сидел над Студитом и иконоборцами. Теперь, получив диссертацию А.П.<Доброклонского>, вижу, как она обстоятельна в этой части, и потому с радостью напишу представление.

Действительно, в ближайшее заседание, на которое Щепкин вместо себя прислал своего заместителя-студента, Н.П. представил

отзыв на нескольких листах, и А.П.<Доброклонский> был единогласно переизбран⁴¹, но толку из этого не вышло: пока бумага ходила по инстанциям, началась полоса арестов и чуть ли не в первую ночь был забран и Доброклонский⁴², просидевший до прихода белых.

Вскоре затем пришли арестовать и хозяина Н.П., проф. Линниченко, но его не было дома, и власти пригрозили, что если И.А.<Линниченко> не явится, то они вместо него арестуют Н.П. Линниченко вернулся домой часа через два, прочел бумагу и сказал, что идет в Чека, а на самом деле отправился за город на хутор к одному знакомому, где и прожил недель шесть вполне благополучно. Ни за ним, ни за Н.П. никто больше не приходил⁴³. Верно, забыли за множеством материала.

Зато скоро сам Н.П. отправился в Чека. Тогда жил в Одессе черниговский помещик старый Дорошенко⁴⁴. Всю свою жизнь он собирал украинскую старину и возился с фарфором. При гетмане или при Раде его брата назначили украинским министром иностранных дел⁴⁵, а ему дали портфель министра изящных искусств на Украине. Когда опереточное министерство пало, старик вместе с женой⁴⁶ переехали в Одессу. Французы, уходя, предлагали их вывезти, но он решительно отказался:

— Чего мне бежать? Я от политики всю жизнь свою сторонился, собирая писанки да фарфор. Это вещь невинная...

Однако, в мае 1919 г. пошли поголовные аресты украинцев. Арестовали и Дорошенко⁴⁷. Уходил он из дома совершенно спокойно:

— Это просто недоразумение. Ну какой я министр? Над фарфором...

Не беспокоилась особенно первые дни и его жена, уверенная, что каждый час он вернется.

Вдруг специалисты по сношению с Чека — а тогда развелись и так — явились к ней с предупреждением, что дело, мол, серьезное: хлопчите...

Легко сказать, а как будет хлопотать одинокая старуха в чужом городе? Она стала кидаться ко всем, но большинство сами боялись за себя. Кто-то из профессоров, услышав, что ее муж был всегo-навсего министром искусств, повел ее к Кондакову.

Явились они к нему поздно вечером. Н.П., по обыкновению, встретил крайне любезно, выслушал, поил старуху водой, но ничего определенного не сказал, и спутник madam Дорошенко потом жаловался на его безучастие: «Это какой-то камень, а не человек... Все только свое "да...а...с" тянет...».

Однако оказалось, что после их ухода, чуть ли не в полночь, Н.П., не сказав ни слова своей секретарше, надел крылатку и двинулся в Чека.

Дня через два, когда стенные газеты объявили о расстреле гетманского министра Дорошенки⁴⁸, один адвокат, хлопотавший тогда в Чека за смертников, своему зятю – профессору-филологу – рассказывал, что Н.П. при нем явился к начальнику Чека. Того добровольный приход, да еще в такой час, старика удивил крайне. Н.П. с полным спокойствием стал растолковывать, что министр изящных искусств весьма далек от политики и что казнить человека за то, что он собирал писанки, – дело несурзное.

Ему стали возражать, что как бы там ни было, а министр есть министр, но Н.П. не сдавался и все хотел убедить в бессмысленности казни Дорошенки.

Властям надоело слушать докучливого ходатая, да еще в такое горячее время, и они пригрозили, если он не уберется подобру-поздорову, и его за компанию прибавить к Дорошенке.

По словам адвоката, при этой угрозе Н.П. будто бы только усмехнулся и сказал:

– Неужели вы думаете, что это страшно 76-летнему старику?

Рассказ об этом ночном походе Н.П. в учреждение, мимо которого и днем-то избегали ходить, быстро разошелся по Одессе, и Н.П. спрашивали о подробностях, но он опять был краток: «Ходил-с, да без толку. У них соображения государственные, и переубедить их трудно-с. Зря время потратил-с».

Скоро мне самому пришлось на себе испытать отзывчивость и сердечность Н.П. Как раз в то лето мой старший сын⁴⁹ очень тяжело заболел. Врачи признали у него острый туберкулез и объявили его безнадежным.

С Н.П. я почти никаких частных бесед до того не вел, и вдруг он встречает меня на улице, берет за руку и с какой-то совсем неожиданной теплотой начинает успокаивать:

– Не волнуйтесь. Меня тоже в такие же годы приговаривали к смерти. И верхушки у меня задеты, и палочек сколько угодно, а вот до старости проскрипел, с передышками от одного обострения до другого. Врачи ничего не знают, и их приговорам верить невозможно.

Я стал говорить, что теперь совсем не те условия, и я не могу доставить больному то, что прежде было так доступно. Н.П. прервал меня:

– Пустяки-с. И у меня в молодости условия были тоже аховые. Да и потом жить приходилось со всячиной. Унывать не надо-с.

Когда болезнь сына особенно обострилась, выхожу утром на базар, возле которого живу, и у одного из возов вижу Н.П.

– Я нарочно позадержался, чтобы вас встретить и спросить, как сынок?

– Жив еще, – мог я только сказать.

– Самое-с главное, а остальное – все приложится. Авось сам на базар придет!

Действительно, к осени мой сын поправился, но Н.П. до самого отъезда неизменно встречал меня вопросом: «Ну, а сынок как?». Эта забота о чужом горе была тем удивительнее, что самому Н.П. в то лето жилось очень плохо.

Университет платил в совершенно неопределенные сроки какие-то гомеопатические суммы. Все в плате были уравнины, и преподавателям всех рангов платили по числу лекций: у Н.П. их было две, и на его долю выходила какая-то насмешка. Большинство из нас жило «товарообменом»: сбывая на базар мебель, гардины, портьеры, платья, на которые нажились крестьяне, упорно не желавшие тогда брать «советских» денег. Но у Н.П., как у беженца, «вещей» было в обрез, и продавать ему было нечего. Никаких пайков, общественных столовок в то лето еще не было. Пока его хозяин, проф. Линниченко, был на свободе, они питались сообща, но с тех пор, как И.А. <Линниченко> оказался в «бегах», иссяк и этот источник, и больному старику пришлось голодать. Сам ходил он «менять» на базар, и раз я видел, как он с большой настойчивостью выменивал на картошку прекрасный английский плед.

Молодежь из наехавших с севера беженцев очень ловко умела вызывать к себе сострадание, жалуясь на свои беды и лишения, а Н.П. и тут остался верен себе и никогда никому не жаловался и ни в каких «делегациях» участия не принимал, а потому и ничего не получал. Только потом, при белых, когда стали вспоминать пережитые лишения, он вмешался и сказал: «Без молока туговато приходилось». В то лето университетская лектория была сборным местом для обмена всевозможными слухами, почему и получила прозвище «центрослух». И здесь Н.П. никогда не показывался, прямо проходя в соседнюю с ней библиотеку, откуда каждую неделю ему носили впроха книг.

С осени я стал довольно часто бывать у него на дому и мог приглядеться к тому, над чем он работал. Заставал я его неизменно за работой у стола. С ним было много своих книг и папки с вырезками из журналов. Среди последних помню статьи А.А.Спицына⁵⁰ из «Журнала Министерства народного просвещения» и посмертную статью П.В.Никитина из «Византийского временника». При отъезде он подарил эти оттиски мне вместе с «Месяцесловом» архимандрита Сергия⁵¹. Была при нем своя хрестоматия из Плиния⁵², по которой он сличал мой перевод⁵³ после выхода его уже из печати. Стало быть, интерес к древнему искусству у него еще сохранился. И в библиотеке он разыскивал по журналам статьи Александра Конце⁵⁴, тоже по греческому искусству, причем несколько раз хвалил мне его метод и говорил о личной дружбе с этим ученым. Одновременно с этим он

усердно разыскивал все, что в Одессе имелось про Мантенью⁵⁵, и выписывал о нем материалы в особую папку с черновиками как будто бы далеко подвинутой работы⁵⁶. Но чаще всего я его заставлял за «Месяцесловом Востока» архимандрита Сергия. На вложенных восьмушках Н.П. делал какие-то сложные расчеты и выкладки карандашом и постоянно восторгался работой духовного агиографа.

– Удивительная книга. Чем больше проверяю и вчитываюсь, тем больше преклоняюсь перед необъятной работой, сделанной этим монахом. Вот настоящий бенедиктинец, и никто не удосужился написать приличной его биографии. Очень много мне о нем рассказывал И.В.Помяловский, но все это осталось втуне. Надо было бы перерывать архивы тех московских монастырей, где он настоятельствовал, когда писал эту книгу. Если бы был помоложе, непременно взялся бы за эту работу, а то вон проф. Гёрцу⁵⁷ посвятили целую книгу⁵⁸, а Сергей и печатного листа не заслужил. Это величайшая несправедливость.

Попутно Н.П. решительно отрешивался от приписанного ему звания ученика проф. К.К.Гёрца:

– Конечно, я должен был у него слушать историю искусств, но научить он не мог ничему, потому что разводил с кафедры мутную кисло-сладкую водицу про воплощение красоты, которое одинаково его восторгало и у Фидия, и у Рафаэля, и у Брюллова. Никакой разницы между ними он не чувствовал. Учиться искусству в Москве можно было только у Буслаева⁵⁹, и это мой учитель.

Заходили иногда по поводу книг и статей разговоры и про современных ученых. Далеко не все он одобрял, что теперь печаталось, но славы «ругателя» не подтверждал. Наоборот, скорее он избегал говорить про тех, кто был ему не по душе, зато не раз говорил определенно о своей любви к Я.И.Смирнову⁶⁰:

– Что я провел его в Академию – это, пожалуй, лучшее дело моей жизни, хотя многие и нападали, будто он мало печатает. Зато все, что он печатает, – настоящее золото, и никто у нас теперь так не чувствует исторического стиля, как Я.И.<Смирнов>. Такие знатоки, пожалуй, есть только в Британском музее. Не будь теперешней разрухи, он в Академии сделал бы очень много. Я сам у него многому научился.

После Я.И.<Смирнова> теплее всех отзывался Н.П. о С.А.Жебелёве, особенно сочувственно отмечая достоинства его характера и редкое трудолюбие при полной скромности⁶¹.

Осенью с приходом белых университет рано открыл свои лекции по старым учебным планам, и Н.П. стал в нем читать специальный курс «для желающих» по иконографии. Это был последний его курс в русском университете.

Общие курсы по искусству читал Н.Л.Окунев⁶². Он незадолго до этого приехал в Одессу, но сразу же пришелся очень ко двору и бла-

годаря своему прекрасному характеру и такту – умел ладить со всеми, не пачкая себя грязью отдельных партий и кружков. Живой, отзывчивый характер создал ему множество сторонников. Студентов он подкупал и доступностью изложения, и снисходительностью на экзаменах, и умением приблизить к себе. Особенно охотно девицы писали ему рефераты, выступали в устроенном им кружке при университете, пользуясь интересом к искусству ректора А.Д.Билимовича и его жены, с которыми он очень подружился. Н.Л.<Окунев> устроил выставку картин частных владельцев в Обществе изящных искусств⁶³, где он сам был выбран председателем и где жизнь была ключом. И на лекциях, и на рефератах он, как правверный ученик Д.В.Айналова, особенно налегал на византийское искусство, и тут ему невольно на каждом шагу приходилось сталкиваться с Никодимом Павловичем.

На первых порах отношения между ними установились самые лучшие. Молодой ученый всячески чествовал маститого академика, стараясь во всем ему услужить, а тот ничем не заделал самолюбия и авторитета молодого товарища. Приглядываясь к их взаимным отношениям, я начинал сомневаться в справедливости изречения С.Ф.Платонова⁶⁴, которое слышал от него очень давно: «Добрые отношения между двумя специалистами по одной кафедре – вещь метафизическая».

Н.Л.Окунев чуть ли не каждые две недели выступал в своем обществе со своими собственными докладами и все на самые трудные общие темы. Н.П. упорно на эти доклады не показывался, но однажды пришел в середине июня. Доклад был посвящен «архитектурным параллелям между Кавказом и Францией». Прочитан он был очень бойко, сопровождался множеством иллюстраций, был лишен ученого балласта и стремился доказать, что многие детали французского средневекового зодчества попадают на более древних памятниках Кавказа.

Н.П., несмотря на страшную жару и духоту, сидел как изваяние, но за несколько минут до конца доклада ушел, чем очень смутил докладчика, который и во время прений несколько раз подчеркнул свое сожаление, как, мол, жалко, что среди нас нет Никодима Павловича. Его мнение услышать было бы особенно ценно, но, видимо, утомление и боязнь поздно ходить по улицам (это было в разгар большевистского террора, когда по улицам позже 10 <часов> ходить возбранялось) лишили нас этого удовольствия.

Многим, однако, показалось, что Н.П. ушел неспроста, и, когда на другой день в библиотеке кто-то нарочно спросил его про доклад, Н.П. высказался вполне определенно:

– Докладу не удивляюсь. Теперь еще и не такие слышать приходится, не понимаю, зачем только понадобилось усердно приглашать

меня, когда не было желания прочесть мою же статью на эту самую тему в «Древностях» Московского археологического общества еще за 1876 г.⁶⁵

Как всегда бывает, эти слова распространились очень скоро и сильно подорвали вес Окунева в факультетской среде. Дошли они, видимо, и до автора доклада. Он стал реже появляться у Н.П., а когда осенью с восстановлением университета факультет ему поручил представить план чтений по искусству, имя Кондакова в нем отсутствовало. Охотно допускаю, что это вышло неумышленно и Н.Л. <Окунев> указал только свои лекции в уверенности, что Н.П. самостоятельно заявит о своих чтениях. Но «добрые друзья» истолковали этот досадный пропуск как нежелание Окунева видеть рядом с собой на кафедре Кондакова, и роковой двуглавый орел с повернутыми в противоположные стороны ликами воспарил и над этой малюсенькой кафедрой. В итоге изречение С.Ф.Платонова оказалось и здесь к месту. Ранней осенью, однако, Н.Л.Окунев, всегда стремившийся к административным постам, покинул Одессу, устремившись в Ростов, где он при Деникине был назначен главкомом по делам искусств⁶⁶. Больше Одесса его не видала, и Н.П. остался единственным преподавателем по кафедре. Но от этого слушателей у него не прибавилось.

Дело в том, что большинство местных искусствоведов дальше желания перелистать два-три выпуска «Аполлона»⁶⁷ не заходило, и даже Мутер⁶⁸ был непомерно тяжел, особенно для дамского их раздела. Вот если бы Н.П. читал так, как в «Речи» писал Александр Бенуа⁶⁹, — тогда аудитория была бы полна, а теперь число слушателей не превышало десяти. На одну лекцию в ноябре зашел и я. Н.П. толковал икону Богоматери «Неупиваемая чаша». На столе стоял снимок с нее, а Н.П. добрую треть двухчасовой лекции посвятил толкованию византийских мистиков, выписки из которых и читал по лоскуткам мелко исписанных бумажек. Затем перешел к изложению мельчайших вариантов композиции, мастерски толкуя всякую мелочь. По поводу одной частности он указал, во сколько раз глубже Н.В.Покровского⁷⁰ толковал отдельные ее частности И.М.Снегирев⁷¹. Это дало повод к большому отступлению про последнего. Кондаков ставил очень высоко его умение при самых скудных источниках и пособиях вникать в самую «суть дела». А все от того, что он, как и М.П.Погодин⁷², были настоящие «старинщики». Для них старина — не только предмет научных домыслов, а основа всего их внутреннего уклада. Этим они оба и сильны, подобно Гольшеву⁷³, Большакову⁷⁴ и Филимонову⁷⁵. Каждое слово их драгоценно, тогда как Ровинский⁷⁶ или Стасов⁷⁷ этой связи никак не могли нажить, но все-таки они оба никогда не впадали в ту непроходимую пошлость, каковую про наши иконы теперь печатают князь Ев<гений> Трубец-

кой⁷⁸ в своем «Умозрении в красках»⁷⁹ и особенно «болтун Муратов»⁸⁰. Последний, кто понимал дело, был И.Е.Забелин⁸¹, а все потому, что у стариков на плечах голова была...

Читал Н.П. всю лекцию очень медленно, словно выжимая из себя слова⁸². Манера его больше всего напоминала мне П.В.Никитина, с той только разницей, что Кондаков не кашлял. Записать его лекцию можно было без труда. Но эти личные воспоминания его оживили: глаза загорелись особым огнем, голос сразу окреп, с языка сыпались острые, меткие слова, и получилась очень яркая картина, представлявшая ценнейшее дополнение к его академической речи про Погодина⁸³, где те же самые мысли засушены и задавлены тисками какого-то конспекта, в какой превращалось почти все, что выходило из-под его пера.

Вообще Н.П. был великий мастер на устные портреты, и походя мне доводилось от него слышать любопытные подробности про А.П.Чехова⁸⁴, В.Н.Давыдова⁸⁵, которого он знал в детстве, Н.Н.Страхова⁸⁶, Н.П.Гилярова-Платонова⁸⁷ и графа А.А.Бобринского⁸⁸, председателя Археологической комиссии. Про последнего он говорил особенно сурово и жестоко издевался над его сотрудниками по комиссии, «не постыдившимися посвятить целый сборник статей⁸⁹ такому убожеству». Отчего не посвятили сборника швейцару комиссии? Тот, во всяком случае, был умнее.

Студентов на лекции было мало, и содержание ее их, видимо, не захватывало. Девиц не было вовсе. Зато на лекции были совсем редкие гости: декан А.П.Доброклонский, настоятель кафедрального собора, отец нашего профессора⁹⁰, протоиерей В.Флоровский⁹¹, несколько художников. Они составляли круг постоянных его слушателей. На некоторых лекциях, кажется, бывал акад<емик> Б.М.Ляпунов. Я сам очень жалею, что мне недосуг позволил только раз послушать его лекции.

Зато в ту самую осень мне приходилось с ним встречаться по несколько раз в день в другом месте, а именно в редакции газеты «Южное слово», где Н.П. был помощником редактора по иностранной политике.

Это была официозная газета белых, основанная Н.К.Клименко⁹² через несколько дней после ухода советской власти.

С Клименко я познакомился недели за две до ухода советских войск из Одессы. В ту пору ежедневно под вечер мы собирались в комнате у Е.А.Полевицкой⁹³ и ее мужа И.Ф.Шмидта⁹⁴. Народ все был театральный, кроме одного маляра, специальность которого становилась очень подозрительной из-за его явно интеллигентского облика. Кто его ввел в наш кружок — не помню, но И.Ф.Шмидт сказал мне по секрету, что это морской прокурор, чудом ушедший от расстрела. Каждый вечер он являлся со «слухами», отличавшимися

от всех остальных тем, что они неизменно и очень скоро сбывались. Так, сдачу Одессы он предсказал за два дня, назначив приблизительно день и час. Он намечал понедельник; сдали Одессу раньше – в субботу⁹⁵.

Когда стекла Одессы еще дрожали от пушек английского броненосца, я встретил его на улице уже в морской форме. Тогда такие переодевания были на каждом шагу. Он мне сказал, что будет издавать большую газету и идет уже от редактора Д.Н.Овсянико-Куликовского⁹⁶ и оба они просят меня взять в свои руки отделы театра и городской хроники. Последнее для них особенно важно потому, что оба они в Одессе люди новые.

В казенной газете мне работать очень не хотелось. Но имя Д.Н.Овсянико-Куликовского, милейшего человека, какого я когда-либо встречал, меня соблазняло очень, и я обещал подумать.

На другой день Овсянико-Куликовский часа два просидел у меня на балконе, продолжая убеждать меня «войти в газету», а вечером на меня усиленное давление оказали Е.А.Полевицкая с мужем, причем все они заверяли, что дело будет очень чистое, раз ближайшее участие в нем, кроме Овсянико-Куликовского, будет принимать и Никодим Павлович.

Действительно, на первом же редакционном собрании выяснилось, что Д.Н.Овсянико-Куликовский, помимо общей редакции, будет руководить отделами внутренней политики и литературы; иностранная политика и школа поступали в ведение Н.П.Кондакова; финансы, экономика и рабочий вопрос – проф. Г.Е.Афанасьева⁹⁷, а мне достались театр, музыка и городская хроника.

Газета затевалась на очень широкую ногу, по типу «Русского слова»⁹⁸, с приглашением целой армии сотрудников и крупных литературных имен вроде И.А.Бунина⁹⁹, А.М.Федорова¹⁰⁰, Щепкиной-Куперник¹⁰¹, Тэффи¹⁰² и т. п. На гонорар и авансы не скупилась.

Но еще до выхода первого номера стали бросаться в глаза зловещие признаки. Прежде всего, сам издатель Н.К.Клименко и штаб состоявших при нем «уполномоченных» юношей в военной форме при широчайших галифе и громадных наганах обнаруживали, при редкой самоуверенности, полнейшее незнакомство с газетным делом. Они опирались на группу «столичных журналистов» очень сомнительного свойства: добрая половина их при советской власти играла очень важную роль. Правда, теперь они все пылали бурной преданностью к Добрармии и ее вождю, у каждого из них «сыннок Гриша» проделал будто бы Ледовый поход¹⁰³, получил два Георгия и лежит теперь на излечении в Крыму. Но эти рассказы были так крикливы и однообразны, что верить им становилось трудно, особенно при беглом даже обзоре наружности патриотических рассказчиков. Робкие сомнения спутников на их счет Клименко горячо раз-

бивал уверением, что все это «люди железной верности. У большевиков служили поневоле, и все оказали там массу помощи великому делу святой Руси».

Но самый грозный признак проявился за два дня до выхода первого номера. Вечером особо торжественными повестками в редакцию позвали всех решительно сотрудников для выслушивания руководящего сообщения главноначальника по делам печати и пропаганды при генерале Деникине, полковника Апушкина¹⁰⁴. Его информация должна была «поставить вехи для нашего пути», заменяя собой программу всех важнейших отделов.

В большой зале редакции собралось человек 60. Явился полковник, как и подобает начальству, с опозданием часа на полтора. Справа от него на цыпочках шел Н.К.Клименко, а слева в торжественном сюртуке и крахмальной манишке плыл Д.Н.Овсянико-Куликовский. Сам полковник оказался болезненным юношей в люстриновом пиджаке, один рукав которого был приколот у плеча: руку он потерял где-то на Карпатах.

Открыл собрание Овсянико-Куликовский при самой настороженной тишине:

– Мы вот сейчас за обедом уже наметили основные пункты в беседе с нашим уважаемым гостем. Скажу прямо: меня эта программа захватила, и я рад отдать этому великому делу остаток своих сил. Подробности вам сейчас изложит сам полковник, и я уверен, что и вас он так же захватит, как успел захватить меня...

Полковник нервно докурил папироску и стал говорить. Его бойкая речь лилась час с лишком, и в нее были вложены все радужные, розовые краски, какие только существуют для передачи самых безграничных мечтаний. Впереди одни победы: к зиме Добрармия не только очистит всю землю от большевиков, причем все города до Москвы включительно будут сдаваться сами, под звон колоколов, но вернет России ее былую великодержавность <так!>. Константинополь, конечно, будет наш, проливы тоже. Малая Азия – вероятно. Галиция рвется в наши объятия. Внутри страны – полное блаженство. Везде царит одна взаимная любовь, сплошная законность и справедливость, при полном процветании хозяйства, наук и искусств.

Речь эта многих захватила; у Д.Н.Овсянико-Куликовского на глазах были слезы. Но особенно горячий восторг обнаруживали родители «Гришек с двумя Георгиями», делавшие явно непривычный для большинства из них жест крестного знамения.

«Святое молчание» нарушил Г.Е.Афанасьев, очень усердно записывавший всю речь. Он спросил полковника, насколько сильно подтверждены официальными документами его заявления о самой широкой поддержке со стороны Англии и Франции Добровольческой армии? Нет ли на этот счет определенного договора?

Вот тут-то и обнаружилось, что безрукий полковник не Хлестаков: он задумался и после долгих припоминаний сказал:

– Нет, договора, кажется, никакого нет. У нас об этом не говорили. Но три месяца тому назад в Константинополе, в ресторане, мне говорил один английский офицер, видимо достаточно осведомленный...

Клименко сразу понял, какую жалкую фигуру должен являть собой «главноначальствующий по делам печати», опирающийся в основном вопросе политики на ресторанный беседу с «достаточно осведомленным офицером», и громко воскликнул:

– Да ведь иначе оно и быть не может. Великая логика истории...

Я невольно посмотрел в эту минуту на Никодима Павловича: его сразу покинуло то оживление, каким он горел последние дни. Лицо у него стало еще более каменное, чем тогда, на злосчастном докладе Н.Л.Окунева. И это пришибленное выражение лица не покидало его уже до самого отъезда из Одессы 24 января 1920 г. Думается мне, что в эту минуту он поставил крест над одной из сильнейших своих надежд.

Георгий Емельянович поставил между тем другой вопрос:

– А какие шаги намечены правительством по украинскому вопросу? Каковы взаимоотношения между Деникиным и Петлюрой¹⁰⁵?

И опять еще более длительное молчание, а затем полусмущенный ответ:

– Этот вопрос у нас еще не вполне провентилирован, и я затрудняюсь...

– А как же нам писать про Петлюру? – спросил кто-то из молодых сотрудников.

Вместо Апушкина опять ответил Клименко:

– А мы на первых порах, с недельку, украинского вопроса касаться не будем, а потом полковник из Ростова пришлет сюда на миноноске¹⁰⁶ вполне разработанные тезисы.

Миноноска очень понравилась полковнику, и собрание перешло к таким вопросам, как шрифт для заголовка, рассылка бесплатных экземпляров и т. п. Но думаю, не у одного меня осталось очень тяжелое впечатление после запросов Афанасьева: правительство, создавая официальный орган, понятия не имеет о таком больном вопросе местного края, как украинский, и более чем легкомысленно глядит на дела иностранной политики.

Миноноска потом эта так и не пришла. Газета не только первую неделю молчала по украинскому вопросу. И власти считали его несуществующим, что имело роковые последствия для Добрармии. Я глубоко убежден и до сих пор, что ей не пришлось бы так скоро покинуть Украину, если бы ее вожди сумели столкнуться с Петлюрой и внушить к себе хоть некоторое доверие в украинских кругах.

В редакции Н.П. с самого же первого дня занял очень своеобразное положение: его ценили там не только как крупное ученое имя, хотя многие газетчики слышали его впервые, а один даже спросил меня, не медик ли Н.П. Он вступил в газету, покрытый славой чело века очень влиятельного во французских кругах: ходила упорно легенда, будто Н.П. когда-то, до приезда в Кронштадт адмирала Жерве¹⁰⁷, сумел расположить в пользу французов президента Академии художеств великого князя Владимира Александровича¹⁰⁸. За это будто бы французы очень его ценят. Это отчасти подтвердилось: при добровольцах два раза в неделю в Одессу французский курьер из Константинополя привозил бюллетени, и один из экземпляров вместе с кучей французских газет получал Н.П. За это доверие Н.П. платил слепым поклонением французской политике. Не только все его статьи были сплошным панегириком французам; так же восторженно говорил он о них и в частной беседе, и много раз тщетно пытался он меня убедить в том, что одни французы делают мировую политику, и притом делают ее прекрасно. С этой точки его ничто не могло сдвинуть, и даже в январе 1920 г., перед самым выездом из Одессы на особо присланной за ним французами миноноске, он продолжал уверять нас, что и этот постыдный разгром Добрармии – не проигрыш союзников, не признак их бессилия, а только строго продуманный стратегический шаг.

– Политика, – любил говорить он, – это та же шахматная игра в мировом масштабе, и часто сдают фигуры только для того, чтобы дать простор главным фигурам...

Это слепое франкофильство для газеты было не особенно удобно. Одесса была в зоне английского влияния, а об англичанах Н.П. упорно хранил гробовое молчание, словно такого народа и не существовало. Это задевало английского представителя, но подействовать на Н.П. было невозможно.

Затем, печатал свои статьи за подписью «Н.К.» он по несколько раз в неделю, и выходило очень однообразно, тем более что и писал то он очень сухо, тягуче, каким-то старомодным слогом, и не думаю, чтобы статьи его читало много народа. Гораздо свежее и занимательнее были те выборы из французских газет, которые ежедневно поставляла его секретарша.

Итак, газетный сотрудник Н.П. был далеко не персортный, но он очень хотел овладеть газетной техникой. Конечно, править своих статей он никому не позволял, и все его статьи шли в набор так, как он давал их, но он очень внимательно присматривался к тому, как Г.Е.Афанасьев и я и сами писали, и правили чужие статьи. Наша сноровка – переделать и перекроить любую статью «под читальный вид» – его занимала. Он часто подсаживался к нам, когда мы правили оригиналы, и очень внимательно следил за тем, как гуляли по

гранкам наши карандаши. Бывало не раз, что после этого он брал уже сданную в печать свою статью и на другой день приносил ее в совсем перестроенном виде. Но по существу манера его не улучшалась: не такие были его годы, чтобы можно было скоро одолеть новое ремесло.

Писать в редакции он никогда не пробовал. Наше умение среди редакционного гама сразу диктовать без помарок машинистке большую статью ему казалось чудом, и он не раз ждал, что мы сорвемся на диктовке и выйдет ерунда, не годная к набору.

Зато даже самые опытные газетчики очень многому могли с пользой поучиться у Н.П., прежде всего его добросовестности и аккуратности. Получая крупный оклад, он считал своим долгом честно отсиживать в редакции свои часы и от 12 до 3-х всегда был за своим столом, хотя делать ему было нечего: свои статьи он приносил аккуратно переписанными из дома, статей по иностранной политике со стороны не было почти вовсе; больше приносили по школьному вопросу. Читал он очень внимательно и сам решал, что пойдет, а что нет. Но одобренные статьи отдавал или секретарю или мне с неизменной просьбой:

– Постругайте-ка эту вещичку, а то больно велика...

Стало быть, времени оставалось очень много, и скоро Н.П. стал работать над книгой, заказанной ему из Ростова: биография Суворова для народа¹⁰⁹. Позволяя себе думать, что заказчики обнаружили полное незнакомство с манерой Н.П.: в писатели для народа он уже ни с какой стороны не годился, но работал над ней Н.П. вовсю. У него под руками были два листа, густо кругом исписанные какими-то годами и именами. Тут же лежал атлас. И вот, глядя на эти материалы, Н.П. работал, буквально по 10 раз переделывая каждую четвертушку. Часто подходил он к соседнему столу, за которым те же часы отсиживал Г.Е.Афанасьев, и вполголоса с ним советовался.

Узнав скоро мою нелюбовь ко всему военному, Н.П. часто трунил надо мной и уверял товарищей, что я, верно, кроме декоратора Малого театра, никакого другого Суворова и не знаю, и обещал подарить мне экземпляр брошюры.

Начал ее Н.П. писать в октябре, а к концу января она еще не была готова, а между тем она была рассчитана всего на 2 листа, плату за которые Н.П. получил вперед.

Он сам сознавал, как трудна для него такая задача:

– Это не то, что «Русские древности»¹¹⁰, первый выпуск которых я написал сразу начисто в несколько недель.

Только в тот день, когда у него были лекции в университете, Н.П. не сидел по 3 часа в редакции, но и тогда заходил непременно после лекций на полчаса:

– Нет ли чего спешного?

А вечером к 8 часам, когда составляли завтрашний номер, Н.П. уже опять был в редакции и сидел там опять часа два-три, усердно читая полосы, причем всегда настойчиво требовал полного изгнания из газеты всего, что могло бы придать ей уличный, желтый характер: фельетонисты, бойкие сочинители статей и куплетов «на злобу дня» имели в нем непримиримого врага и бегали к издателю с вечной жалобой, что профессора сушат газету.

Н.П., проф. Афанасьев и я получали одинаковый оклад (5000 <рублей> в месяц). Но Афанасьев бывал только днем, я днем бывал только в те дни, когда вечером был в театре для рецензий, а Н.П. один неуклонно являлся в редакцию два раза в день, хотя никто от него этого не требовал. Это было совершенно добровольное усердие.

Кроме этой добросовестности, Н.П. резко выделялся из всего состава сотрудников <тем>, что, кажется, один никогда не бранил... большевиков, про которых все возможные ужасы особенно усердно распространяли те, чья собственная близость к советской власти до прихода белых была очевидна. И вот теперь этой руганью они очищали свое доброе имя. Н.П. отмалчивался при этом упорно. Не знаю, делал ли он это по общей своей сдержанности или потому, что ему претило приобщаться к этим показным патриотам, а может быть, потому, что он глядел на вещи вообще с особой, более, так сказать, философской точки зрения. Раз по частному вопросу он произнес по этому поводу длинную, чуть ли не часовую, речь.

Местный криминалист, проф. Э.Я.Немировский¹¹¹ прислал в газету большой фельетон на два «подвала», в котором, обозревая, что делали в университете большевики, изображал их гонителями науки и гасителями просвещения. Статья была полна вещей очень приятных для Добрармин, и ее сразу сдали в набор, минуя Н.П. Вечером он настойчиво потребовал, чтобы ее не пускали:

– Во-первых, неверно, что большевики убивают нашу науку. Наша наука сама идет к смерти: она процветала недолго – от освобождения крестьян до конца XIX века; и за это время дала все, что накопила за предыдущее время, а потом пошел явный упадок¹¹². Наши лучшие ученые – Ключевский¹¹³, Тихонравов¹¹⁴, Александр Веселовский¹¹⁵ – люди 60-х годов и заместителей, равных себе, не получили. Кроме общего упадка «конца века» здесь отразился и устав 1884 г.¹¹⁶ Из тех, кто поступил в университет при этом уставе, не видно сил, равных предшествующему поколению. Это обмельчание с каждым годом идет все сильнее, и «обмеление» кафедр несомненно. Особенно вредным было назначение профессоров исполняющими должность ординарного без степени доктора¹¹⁷. Это самое злое дело И.Д.Делянова¹¹⁸, как я ему в глаза это говорил, браня его за такое поощрение «ученой импотенции». Словечко ему очень понравилось, но он оправдывал эту гнусность желанием «наградить

Ф.Ф.Соколова¹¹⁹ и Александра Введенского¹²⁰», но первого надо было возвести в доктора honoris causa¹²¹, а второй, конечно, написал бы еще диссертацию, если <бы> не нашел поощрения своей лени в окладе ординарного¹²². Москва и Киев никогда этим правом не пользовались, и потому там дело было благополучнее, а в других городах всякая шваль попала в ординарные. Говорят, что надо было только накормить обедом у Додона¹²³ всесильного Палачека¹²⁴, и вот эти-то канцелярские Ганимеды и ухлопали нашу науку. Очень много паде-нию науки способствовали женские курсы¹²⁵. Женщин надо было давно пустить в университеты¹²⁶, и пример Ефименко¹²⁷ доказывает, что многие там выдвинулись бы, но у нас создали какую-то пародию высшей школы с рассироппленными программами in usum delphini¹²⁸. Еще в Петербурге дело ведется серьезнее, но в Москве и провинции – это просто восьмые классы женских гимназий, а между тем девицам внушают, что они с высшим образованием. Программа «Гумобина» большевиков¹²⁹ – это те же женские курсы для особ обоего пола, и было нелепо с мужчины за тот же диплом требовать больше, чем с девицы. И профессора с В.И.Герье¹³⁰ во главе первые у нас в высшей школе спустили флаг ради прекрасных глаз девиц.

Большевики посадили профессорам на голову доцентов, ассистентов и лаборантов¹³¹, а еще больше студентов¹³². Да ведь это же заветная мечта «Союза младших преподавателей»¹³³, и я убежден, что большинство последних вовсе не против большевистской реформы. Луначарский – плоть от плоти генерала Ванновского¹³⁴, да и граф Игнатъев¹³⁵ им близкая родня. Поэтому несправедливо и пристрастно, представляя первого Омаром¹³⁶, умалчивать о подвигах тех царских министров, которые туда же вели нашу высшую школу с высочайшего соизволения...

Эта речь, которую я в тот же вечер себе записал на свежую память, мало кому понравилась. Особенно она задела Д.Н.Овсяннико-Куликовского, назвавшего ее тут же «распространенным парадоксом»; против каждого положения ее он готов спорить, а особенно против оценки высокоуважаемого Н.П.Игнатъева, сближение которого с Луначарским ему представляется более чем странным.

В итоге статья была «одобрена к печати» вопреки мнению редактора отдела, и это разномыслие окончательно испортило отношения Н.П. с Овсяннико-Куликовским и его «молодыми друзьями».

Мне кажется, что Н.П. вошел в газету помимо желания Д.Н.<Овсяннико-Куликовского>. Их отношения с самого начала были очень внешнего характера: они не только друг о друге никогда не говорили ни слова, но и при встрече ограничивались молчаливыми рукопожатиями. Это были во всем слишком разные люди. Овсяннико-Куликовский, как опытный журналист, едва ли мог одобрять форму статей Н.П., а последнего должны были задевать и связи Д.Н.<Ов-

сяннико-Куликовского> с социалистами, что отражалось в его статьях, и особенно его положение в редакции.

Чудный, полный редкого благородства и душевной красоты, Овсяннико-Куликовский ни с какой стороны не подходил к роли редактора, и месяц работы с ним в «Южном слове» позволяет мне высказать подозрение, что и в «Вестнике Европы» он был таким же адмиралом из чеховской «Свадьбы»¹³⁷, живое воплощение которого он являл здесь.

С первого дня он оказался в окружении двух «иподьяконов», как их окрестил Кондаков. Это были столичные журналисты: один из Москвы, Александр Койранский¹³⁸, другой из Петербурга, герой «Биржевки»¹³⁹ и «Синего журнала»¹⁴⁰, Борис Миркин-Гецевич¹⁴¹, гремящий теперь в Париже как глава эмигрантской прессы. Их объединяло самое беспардонное нахальство при большой шустрости. Ввел их как своих «молодых друзей» Д.Н.<Овсяннико-Куликовский>, и Миркин захватил сразу все права в свои руки. Все свои выступления прикрывал он стереотипным: «Меня просил Дмитрий Николаевич».

Дмитрию Николаевичу платили 20000 <рублей> в месяц «за бесчестье», по словам Кондакова. Большой домосед, он обрадовался, когда его под предлогом больного сердца освободили от хождения в редакцию. Говорилось, что весь материал ему посылают на дом. Для этого был заведен особый мальчик, но на деле ему посылали стихи и вещи совершенно безразличные, а все ответственное сдавал в набор Миркин, восседавший в кабинете редактора. Даже собственные статьи Д.<митрия> Н.<иколаевича> далеко не все попадали в печать, и когда он изредка заглядывал в редакцию и спрашивал об участии своих ненапечатанных статей, его заверяли, что ради срочных телеграмм пришлось отложить до завтра, на что он неизменно замечал:

– Так уж, пожалуйста, приютите завтра...

Но завтра опять «срочные телеграммы» не позволяли напечатать статью главного редактора.

Каждый номер заполнялся статьями «иподьяконов», явно набивавших себе построчную плату. Кондакова они оба не перемывали. Койранский мимо него напечатал хлесткий фельетон «Кремль», наполненный такими ошибками по части истории искусства (доказывалось, что Кремль впитал все цветы итальянского Ренессанса), что Кондаков заявил, что ее писал «Муратов, помноженный на Хлестакова и Ноздрева». Миркин выкидывал самые важные куски из статей Н.П. о французской политике, что заставляло его скрежетать зубами.

Собственные их статьи по своему направлению шли в явный разрез с программой газеты, и чуть ли не в каждом номере делались промахи, вызывавшие недовольство властей. Особенно негодовал

попечитель округа и ректор университета А.Д.Билимович, уверявший, что в редакции сидят явные провокаторы и предатели. Дело объяснялось, однако, гораздо проще: тесть Миркина, спекулянт Поляков¹⁴², был владельцем газеты-конкуrentки, а через послушного зятя ему удавалось топить соперника.

В конце сентября я был у издателя. Передо мной из его кабинета вышел Н.П., дышавший злобой: «Я сейчас показывал, – сказал он мне, – нарочно свой оригинал, чтобы убедились, как калечат мои статьи. Я с этой мразью работать не стану...».

Издатель в беседе со мной в два слова кончил мое дело и перевел разговор на «иподьяконов», заявив, что их сократит.

– Я уже послал машину за Дмитрием Николаевичем...

Его я встретил на лестнице в сопровождении адъютанта издателя.

После приветствий и милых шуток, без которых не обходилась ни одна наша встреча, Д<митрий> Н<иколаевич> спросил меня, не видал ли я Кондакова, и сейчас же прибавил:

– Какой упрямый и тяжелый человек: не хочет понять, что Миркин – мастер газетного дела, я без него был бы как без рук... Неужели нельзя жить мирно?

Вечером в редакции стало известно, что издатель потребовал удаления «иподьяконов», и их не было видно. Овсяннико-Куликовский не сумел бы их отстоять, если бы не его супруга, Ирина Львовна, покровительствовавшая им чрезвычайно, а против нее Д<митрий> Н<иколаевич> не смел пикнуть.

Кончился этот кризис тем, что с 1 октября Д<митрий> Н<иколаевич> вместе со своими «молодыми друзьями» покинул газету. Его заменил другой академик, И.А.Бунин.

Несомненно, что всю смену кабинета проделал Н.П., пустивший ради этого в ход все свое влияние на властей <так!>, доверявших ему безусловно. Он же рекомендовал и Бунина. Как только последний взял газету в свои властные руки, положение Н.П. в ней сразу возросло. Великая заслуга Бунина в том, что он умел всякому члену редакции дать почувствовать высокий авторитет Н.П., и малейшее желание его стало в редакции законом.

Вот тут-то и обнаружился весь склад характера Н.П.; юридически теперь он поставлен был на одно место с И.А.Буниным: принимая звание главного редактора, Бунин настойчиво подчеркивал, что примет его, только если это звание разделит с ним его «старший товарищ по Академии», на что тот и согласился¹⁴³. Но Бунин, ссылаясь на падение рубля, оклад Д.Н.Овсяннико-Куликовского для себя поднял с 20000 на 30000 <рублей>, а Н.П. продолжал получать по-старому оклад, равный тому, что получали Г.Е.Афанасьев и я.

Ссылаясь на отдаленность от его квартиры и ночную небезопасность, Бунин с первого же <дня> выговорил себе машину¹⁴⁴. Н.П.

жил дальше его, но обыкновенно вечером, а иногда чуть не в полночь, после конца работ в редакции, Бунин или один, или с заезжавшей за ним женой¹⁴⁵ ехал в гости или в ресторан, и машина его отвозила, а Н.П. шел по осенней слякоти, под выстрелами сильно поднявших при добровольцах голову налетчиков пешком. По крайней мере в те редкие вечера, когда я был свободен по театру и бывал в редакции, возвращаться мне всегда приходилось вместе с Н.П. Об особой машине для него никто и не подумал.

Тяжелое положение низших сотрудников, три четверти которых были беженцы из Петербурга и Киева, заставило их объединиться в нечто подобное теперешнему местному; председателем был выбран я. Бунин и Кондаков на первом собрании не были, но было постановлено просить и их вступить в нашу среду. Н.П. сразу согласился и очень аккуратно платил свои взносы, а Бунин отказался, заявив, что он человек не газетный и работает на особом положении. Насколько у последнего на каждом шагу проглядывало желание показать, что он – «особая статья», настолько, наоборот, ничем не хотел выделяться Н.П. Издатели сейчас же уловили эту черту его характера. Газета делала прекрасные дела и очень скоро стала окупаться, но морской прокурор Клименко оказался никуда не годным хозяином: и приход кассы, и субсидия от казны растворялись <так!> самым непозволительным образом, путем раздачи больших авансов людям, совершенно ненужным газете. Так, жена адмирала Покровского перед отъездом мужа за границу получила громадную сумму за обещание «писать с пути» и в погашение ее прислала... 40 строчек с описанием магазинов в Софии. Таких примеров было множество, а постоянным сотрудникам жалованье задерживалось сильно. Контора помещалась через 4 улицы от редакции, и было обещано, что для оплаты заработка каждые первое и пятнадцатое число артельщик в 12 часов будет являться в редакцию. Первый раз, правда, деньги были выплачены минута в минуту, но больше артельщика в редакции мы не видали, и за деньгами приходилось путешествовать в контору, где артельщики заявляли: «Денег нет. Придите завтра», – и приходилось каждую получку это путешествие проделывать раз пять-шесть.

Старший артельщик был мой хороший знакомый и мне платил почти всегда в срок, но остальные сотрудники мне жаловались не только на потерю времени, но и на убыток: за 5–6 дней деньги сильно падали, а получать приходилось по цене кануна дня выдачи. На этой почве у меня были бои с издателем, обещавшим все уладить и заверявшим, что мне «сгущают краски». Но однажды я застал при входе в контору, как младший артельщик кричал Н.П.:

– Что вы все тут сидите, сказано: завтра, и никаких гвоздей!!

Н.П. в поношенном пальтишке с башлыком на шее смиренно повернулся к выходу. На мой вопрос: «Что это значит?» он сказал, что

шестой день ходит за деньгами и вот с каким успехом, и это всякую поучку.

Конечно, я сейчас же поднял страшный тарарам, и деньги были Н.П. немедленно выданы, но самая возможность этой сцены лучше всего говорит о том, как представители Добрармии ценили работу Н.П. для них же самих.

Пока я ругался на чем свет <стоит> по этому поводу в конторе, знакомый мне старший артельщик шепнул мне, что деньги всегда есть, а их велит придерживать все тот же Клименко, набирающий будто бы себе разницу, получаемую от падения рубля за 5–6 дней.

Я тогда этому не поверил, но скоро дальнейшие подвиги издателя, окончившиеся особой ревизией, которая не только сместила его, но и отдала под суд, избегнутый им только благодаря эвакуации, заставили поверить и этому.

Личность Клименко и его адъютантов, совсем сомнительных по своему прошлому, делали крайне неприятной работу в их газете.

В.В.Шульгин в своей книге «1920 год»¹⁴⁶ изображает очень верно тогдашнюю Одессу и от встреч с представителями Добрармии приходит к выводу, что, по существу, между ними и большевиками разница — только в словах, а нравы и образ действий — одни и те же.

То же самое впечатление все больше крепло и у меня от знакомства с Клименко и его окружением. Если чем они отличались от своих врагов-большевиков — это только еще большей склонностью к трескучим фразам со священными лозунгами и детским легкомыслием, которое погубило и их самих, и их дело.

Вот почему мне было очень странно и непонятно решение Н.П. покинуть родину и вместе с большинством Добрармии двинуться в славянские земли. Об этом он стал открыто говорить близким людям около декабря 1919 г., когда в Одессе трезвые люди увидели, что карта добровольцев бита.

Бежать ему не было никакого основания: в политике он участия не принимал, а статьи его в газете носили такой отвлеченный характер, что опять-таки никакой каре не подлежало. Остался же в Одессе Овсянко-Куликовский, писавший о большевиках и о Ленине очень злые вещи за своей подписью, и, однако, его никто пальцем не тронул, и он невозбранно читал лекции в университете, что, наверно, было бы сохранено и за ним.

А главное, не было у Н.П. и следа того настроения, которое не позволяло бы остаться в Советской России, той лютой злобы на ее порядки, которой пылал хотя бы Ив<ан> А<лексеевич> Бунин¹⁴⁷. Думаю, что под его влиянием больше всего и созрело решение Н.П. бежать. Бунин очень красочно, в тоне Иеремии¹⁴⁸, пророчил, что большевики повернут жизнь так, что на голой земле останется голый человек, и рисовал это с пылом настоящего поэта. Вот это-то на-

строение, верно, и захватило не столько самого Н.П., сколько его секретаршу, имевшую на него безграничное влияние, а она была очень дружна с молодой женой Бунина, на все глядевшей глазами мужа.

Эта секретарша, особа очень практическая, не раз рисовала мне эту будущую жизнь у славян:

— Купим там под городом клочок земли, я знаю очень хорошо молочное дело, заведем ферму, огороды и заживем покойной свободной жизнью...

На эту покупку у Н.П., видимо, кой-какие средства были; весь свой заработок по газете и издательству он переводил в фунты и вел самую умеренную жизнь в обрез, чему помогала и всегдашняя его неприхотливость¹⁴⁹.

23 ноября, накануне дня Екатерины, мы с ним возвращались из редакции, и он зашел со мной в магазин: завтра именины секретарши, надо, мол, ее почествовать; чествование оказалось очень скромным даже по тем суровым временам: Н.П. купил полплитки шоколада и полфунта брынзы.

Около Рождества возник особый Славянский комитет¹⁵⁰ и начал вести переговоры насчет устройства в Болгарии и Сербии тех, кто собирался бежать. Н.П. принял деятельное участие в этих хлопотах и вот, в одно из воскресений января, днем зашел ко мне:

— Хочу уговорить вас ехать с нами. Теперь я получил точный ответ: я получаю в Сербии место заведующего всеми музеями, вам предлагаю место своего помощника по античной части. Французское командование дает мне особую миноноску; нас двое, и поэтому вы с женой и детьми прекрасно с нами уедете.

Попутно должен заметить, что первая часть этого плана не исполнилась: сербы своих музеев в чужие руки не отдали, и, судя по справочникам, Н.П. скоро переехал в Прагу¹⁵¹, где и скончался; но вторая часть оправдалась целиком: 24 января Н.П. уехал на присланной за ним из Константинополя миноноске и, кроме секретарши, увез с собой Бунина и его жену¹⁵². Такого удобного выезда не получил никто из высших даже чинов, и французы на деле показали свое действительное к нему почтение.

Стать помощником Н.П. было очень лестно, но все-таки без всяких колебаний я отказался от его предложения. На его уговоры я отвечал, что прежде всего Герцен, Кельсиев¹⁵³ своими книгами, Амфитеатров¹⁵⁴ личными рассказами внушили мне ужас перед участью эмигранта вообще, а затем мне лично являться к славянам совсем не с руки: и Сербия, и Болгария будут в сфере влияния Антанты, а меня война сделала лютым ее врагом, и если я с детства был германофилом, то теперь, после войны и встреч с немецкими властями в Одессе, я особенно окреп в этом чувстве. Как же я это чувство буду про-

являть у вассалов Пуанкаре¹⁵⁵? Эмигрант не может быть далек от политики. Затем, в Вене я достаточно рассмотрелся на «братьев славян» и попасть под их покров считаю для себя совсем не подходящим, а главное, не хочу из своих детей делать материал для государственных упражнений разных Славейковых¹⁵⁶ и Пашичей¹⁵⁷.

– Ну, а здесь что их ждет? Россия в лучшем случае станет свалочным местом для западной дряни, как сто лет тому назад им была Америка. Вот и теперь России предстоит стать Америкой №2, – заявил Никодим Павлович, – и русским придется работать на нового барина под его кнутом. Повторится татарское иго с Запада.

Я спросил Н.П., почему он сам едет в Сербию, а не в Париж, куда собирался Бунин¹⁵⁸. При отношении к нему французов это было бы для него самое лучшее.

– Я слишком хорошо знаю французов. Это великий народ, но иностранца он терпит только как источник наживы для себя, а работать никогда никому не позволит рядом со своими. Я рассмотрелся, как там жил мой друг Мечников¹⁵⁹: без капитала жены¹⁶⁰ он почил бы давным-давно, и французы пальцем бы не пошевелили для того, чтобы устроить его. Кроме некролога и речи над могилой от них ничего не получишь, а я еще многое должен сделать, и славянские земли, которые я тоже недолюбиваю, – непочатый край по нашей части.

Это стремление глубокого старика поработать вдоволь после перенесенных лишений и разочарований яркой чертой дорисовало образ Н.П., как он сложился у меня за время знакомства с ним, и я с радостью прочел в его некрологе в *Slavia*¹⁶¹, что ему удалось найти подходящие условия для того труда, которому этот большой человек отдал всю свою жизнь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.П.Кондаков в сопровождении Е.Н.Яценко прибыл в Одессу из Ялты 1(18) апреля 1917.

² Одесское общество истории и древностей было создано в 1839 группой любителей истории и археологии при содействии графа М.С.Воронцова. Усилиями членов общества Одесса стала крупным археологическим центром дореволюционной России. Общество располагало музеем с первоклассным собранием памятников не только Северного Причерноморья, но и Древнего Египта, Греции и Рима, издавало «Записки ООИД» (т.1-33. 1844–1919). О музее и обществе см.: *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб.: Наука, 2002. Н.П.Кондаков с 13 сентября 1875 являлся действительным, а с 31 января 1912 почетным членом ООИД.

При отступлении Белой армии в декабре 1919 коллекции музея были подготовлены к эвакуации за границу, но, к счастью, вывезены не были. После вступления в город большевиков в январе 1920 общество фактически

не функционировало, хотя формально было распущено лишь в мае 1922. В марте 1920 музей ООИД был национализирован. В 1959 ООИД возродилось под названием Одесского археологического общества. См.: *Синицын М.С.* Развитие археологии в Одессе // *Записки Одесского археологического общества.* 1960. Т.1 (34). С.11.

Н.П.Кондаков впервые посетил музей ООИД спустя несколько дней после приезда из Ялты, 7(24) апреля 1917. Запись в его дневнике: «В Музее древностей с 1,5 до 3 <часов дня> в отделении ваз и березанских древностей». На следующий день: «В музее, в Березанском зале с Е.Н.<Яценко>».

В данном пассаже Б.В.Варнеке речь идет о заседании ООИД, состоявшемся 8(25) апреля 1917. Н.П.Кондаков записал в дневнике следующее: «В Обществе истории и древностей, пришел, когда <заседание> началось. Варнеке о бумагах по поводу Александра Михайловича Линниченко <...>, об исключении Штерна, против Ляпунов... И никого не спросили. Варнеке о высокой радости приветствовать великого ученого и т. д. Благодарность обществу, которое с юности привык чтить и т. д. От председательства отказался, но сидел рядом <с председателем>. Знакомые: художник <...>, Будде, Шпаков, Ляпунов, Попруженко, Варнеке, Трефилов» (Фонд Н.П.Кондакова в ЛАМЧП).

³ Попруженко Михаил Георгиевич (1866–1944) – филолог-славист, историк, специалист по южным славянам; магистр (1894), доктор (1899) славянской филологии; почетный доктор Софийского университета (1939); действительный член и секретарь (с 1909) ООИД; действительный член Болгарского археологического института в Софии (1928); член-корреспондент (1923), академик (1941) Болгарской АН. Дядя А.В.Флоровского по материнской линии. Выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета (1888), ученик Ф.И.Успенского и А.А.Кочубинского; учитель Одесского коммерческого училища (1888–1891), приват-доцент (1891–1908), экстраординарный (1908–1910), ординарный (1910–1916), заслуженный ординарный (1916–1919) профессор кафедры славянской филологии Новороссийского университета; заведующий Публичной библиотекой в Одессе (с 1896). Летом 1907 совершил поездку в Константинополь, Болгарию и Белград для изучения памятников южнославянской письменности. В 1919 эмигрировал в Болгарию, профессор истории русской литературы Софийского университета (1920–1941). Подробнее о нем см.: *Савина Г.А.* «Пусть барахтаются...»: К истории «одесской высылки» за рубежом // *Диаспора: Новые материалы.* Т.3. СПб., 2002 (по указателю).

⁴ Павловский Алексей Андреевич (1856–1913) – историк искусства; магистр (1891), доктор (1896) теории и истории искусств; член-сотрудник РАО (1889); действительный член, член Совета и секретарь (1895–1899, 1905–1909) ООИД. Член черносотенной организации «Союз русского народа». Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1880), ученик К.Н.Бестужева-Рюмина; был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории; в 1887 совершенствовал знания в области истории искусств в университетах Германии. С 1880 – преподаватель истории и истории быта в Центральном училище технического рисования барона Штиглица. Приват-доцент по кафедре теории и истории искусств Петербургского университета (1888–

1891), где испытал сильное влияние Н.П.Кондакова. С 1891 – экстраординарный, с 1896 – ординарный профессор, декан историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе. Читал также лекции в Одесской рисовальной школе и на Театральных курсах. Один из учредителей и декан историко-филологического факультета ВЖК в Одессе.

⁵ Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939) – историк искусства, специалист по раннехристианскому, византийскому и древнерусскому искусству; магистр (1895), доктор (1900) теории и истории искусств; член-корреспондент Петербургской АН (1914), действительный член Болгарского археологического института (1926). Выпускник Новороссийского университета (1888), ученик Н.П.Кондакова; с 1889 был прикомандирован к Петербургскому университету на два года для приготовления к профессорскому званию по теории и истории искусств без стипендии, совершенствовал знания за границей; приват-доцент (1890–1900), экстраординарный (1900–1902), ординарный профессор Казанского (1902–1903) и Петербургского-Ленинградского (1903–1917, 1923–1927) университетов, профессор кафедры истории искусств историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов (1906–1917), профессор и действительный член Института истории искусств (1911–1917, 1921–1929), заведующий разрядом археологии искусства средневекового Запада Археологического отделения ГАИМК (1921–1929), хранитель голландской живописи Картинной галереи Государственного Эрмитажа (1921–1929). В 1927 и 1929 выдвигался в действительные члены АН СССР: первый раз по специальности история искусств, второй – как византист, но оба раза неудачно (в 1929 не мог быть избран по политическим мотивам, так как конкурировал с историками-марксистами). В 1929 вышел на пенсию. По предположению Ф.Ф.Перченка, в 1930-х Айналов находился в заключении, но это не подтверждается материалами личного фонда ученого в ПФА РАН и другими документами архива (благодарю за сообщение А.Н.Анфертьеву). См.: *Перченков Ф.Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... С.145.

Защита магистерской диссертации Д.В.Айналова, на которой присутствовал Б.В.Варнеке, состоялась в Петербургском университете 1 октября 1895.

⁶ Помяловский Иван Васильевич (1845–1906) – филолог-классик, эпиграфист; магистр (1869), доктор (1873) римской словесности; член-корреспондент Петербургской АН по разряду классической филологии и археологии (1890); действительный (1871) и почетный (1885) член, секретарь (1873–1885), управляющий классическим отделением (1893–1906) РАО. Сын протоиерея. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета (1863–1867), где был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Совершенствовал образование в университетах Берлина и Лейпцига, во времяграничной командировки посетил Италию, где занялся изучением римских надписей (1869–1871). Преподаватель (1867–1869), доцент (1869–1873), экстраординарный (1873–1884), ординарный (1884–1892), заслуженный ординарный (1892–1906) профессор римской словесности по кафедре классической филологии, декан историко-филологического факультета (1887–1897) Петербургского университета; преподаватель Училища правоведения (1873–1883) и Петербургского историко-филологического института (с 1873). Член Учебного комитета при Св.

Синоде (с 1874) и Ученого комитета Министерства народного просвещения (с 1884). В университете читал курсы истории римской литературы, римских государственных древностей, энциклопедию и историю древней филологии. Автор трудов по истории римской литературы, латинской эпиграфике, нумизматике, археологии, агнографии.

⁷ Н.П.Кондаков с молодости страдал заболеванием легких (чахоткой) и по совету врачей холодные месяцы года проводил не в Петербурге, а в Ялте, где жил в доме, принадлежавшем его покойному старшему брату, губернскому секретарю, адвокату, почетному гражданину Ялты Михаилу Павловичу Кондакову (1843–1888), затем младшему пасынку академика Петру Никодимовичу Кондакову (1886–1919). Дача Кондаковых по адресу Церковная ул., 2, сохранилась до сих пор (ныне угол ул. Л.Толстого и Нагорной). С осени 1917 по 10 мая 1918 часть дома была сдана в аренду Красному Кресту под лазарет.

⁸ Речь идет о Екатерине Николаевне Яценко, секретаре и экономке Н.П.Кондакова с 1915 по 1925. Яценко сопровождала Н.П.Кондакова во всех поездках, начиная с 1917. Она родилась 9 ноября 1890 (ст. ст.) в семье офицера (в годы Первой мировой войны – генерал-майора артиллерии) Н.И.Яценко. Училась в Гельсингфорсе, затем в Мариинской гимназии Э.П.Шаффе в Петербурге, которую закончила с серебряной медалью (1907), получив диплом домашней наставницы с правом преподавания русского языка и арифметики (1908). В 1908 поступила на историко-филологический факультет Высших женских (Бестужевских) курсов, училась на отделении русской филологии в подгруппе русской литературы, но была исключена по болезни в 1912; повторно поступила на ВЖК в 1913 и в январе 1914 была вновь отчислена из состава курсисток, так и не закончив учебу. В годы Первой мировой войны – сестра милосердия. В 1915 познакомилась с Н.П.Кондаковым и вошла в круг его учеников. События Октября 1917 г. застали Кондакова и Яценко на юге России, так что они оказались отрезанными от Петрограда. Е.Н.Яценко, став «ангелом-хранителем» академика, делила с ним все жизненные трудности в Ялте и Одессе (1917–1920), Софии (1920–1922) и Праге (1922–1925). 26 апреля 1919 Д.В.Айналов писал С.А.Жебелёву из Симферополя: «Проездом через Одессу я виделся с Н.П.Кондаковым... При Никодиме Павловиче состоит курсистка, которая его бережет и кормит» (ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.1. Л.152). После смерти Н.П.Кондакова, вероятно, в 1927, Е.Н.Яценко уехала из Праги в Ниццу, и дальнейшая ее судьба неизвестна.

⁹ Штерн Эрнест Романович, фон (Stern; 1859–1924) – филолог-классик, историк античности, эпиграфист, археолог, создатель школы археологов в Одессе; магистр (1883), доктор (1884) классической филологии; действительный член РАО (1900). Уроженец Лифляндской губ., учился в Дерптском университете (1877) и Филологическом семинарии Лейпцигского университета (1877–1880); приват-доцент (1884–1886), экстраординарный (1886–1888), ординарный (1888–1911) профессор по кафедре классической филологии Новороссийского университета, ректор Высших женских курсов в Одессе, действительный (1891) и почетный член, казначей (1895–1899), член и председатель Совета (1899–1910) ООИД, директор музея общества (1896–1910). Еще в 1899 первым использовал археологические источники для выяснения общих особенностей Великой греческой колонизации и по-

строил первую в европейской науке ее теоретическую модель, основанную на археологических данных: плавания – эмпорий – полис. Вплоть до начала Первой мировой войны руководил раскопками древнейшего ионийского поселения на острове Березань (1904–1914), исследованиями в 1900, 1903 и 1912 античной Тире (ныне г. Белгород-Днестровский) и памятников эпохи энеолита (селище трипольской культуры Петрены в Молдавии), выявил взаимосвязь между носителями трипольской культуры и энеолитическими племенами Греции. Впервые опубликовал исследования по важнейшему комплексу позднебронзового века (XV–XIII вв. до н. э.) – Бородинскому кладу из Бессарабии (см.: Материалы по археологии России. 1914. №34), для изучения которого предпринял специальную поездку в Россию (1912). С 1910 занял кафедру древней истории философского факультета, затем стал ректором (1921–1923) университета в Галле (Германия).

¹⁰ Речь идет об известном торговце археологическими находками и поддельными древностями.

¹¹ Вот что сообщал о своей одесской жизни Н.П.Кондаков в письме С.А.Жебелёву:

Одесса, гостиница Пассаж
24 мая 1917 г.

Дорогой Сергей Александрович,

вот уже месяц, как я живу в Одессе, и только теперь, окончательно убедившись, что выехать мне отсюда, вероятно, не удастся до осени, я решился написать Вам и просить Вас написать со своей стороны о том, что нового произошло у Вас, в Питере и в Академии художеств.

Выехать отсюда трудно, и, пожалуй, дальше Киева никуда не попадешь, а потому и приходится прожить лето здесь. Пока живется хорошо, даже с некоторым обилием продовольствия (сахар, свет, консервы и т. д.). Помещаюсь в хорошем номере с балконом, выходит он на Соборную площадь, разделенную скверами, и вечером чай можно пить не без удовольствия, наблюдая, как тут же ловят дезертиров, водят воров, собирают митинги и т. п.

Обедаем мы у проф. Линниченко, и в его же квартире (Елисаветинская, 10) есть надежда найти на лето помещение. Дачи отдаются здесь без мебели и стоят от 500 руб<лей> и выше за лето. Но слава Богу, что не живешь на даче: в трамвай еще меньше шансов попасть, чем в Санкт-Петербурге, извозчики <так!> бастуют все время, т. е. за поездку в окрестности требуют 20 руб<лей>, за перевозку мебели надо платить 50–60 руб<лей> и т. д.

Здесьняя рисовальная школа желает в будущем завести у себя мастерские, равно устроить архитектурный отдел. Все это доброе дело, и я ему не прочь помогать, так как Одесса пока единственный художественный центр в Южной России.

Напишите, пожалуйста, как дела идут и на чем остановилось дело реформ Академии художеств.

Ваш Н.Кондаков

В будущем адрес: Одесса, Елисаветинская, 10
Квартира проф. И.А.Линниченко.

(ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.130-131)

¹² Этот эпизод произошел 18(31) мая 1917. В дневнике Н.П.Кондакова запись: «К 1 часу <дня> дома, за мною Б.В.Варнеке, с ним к Дуваржогло в Петербургскую гостиницу, арабские сосуды – только бокалы и подобие настоящих и не настоящие из кавказских некрополей, раскрашенные эмальевыми красками <...>. Сейчас ушел» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП).

¹³ Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919) – историк, специалист по истории Рима и Византии. Выпускник Петербургского университета, ученик академика В.Г.Васильевского. Совершенствовал образование в Германии, слушал лекции Т.Моммзена. Доцент (с 1881), затем профессор (с 1884), заслуженный ординарный профессор кафедры классической филологии Университета Св. Владимира в Киеве.

¹⁴ Речь идет об ученике Н.П.Кондакова академике М.И.Ростовцеве.

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – историк античности, археолог; магистр (1899), доктор (1903) римской словесности; член-корреспондент (1908), действительный член РАН (1917; исключен в 1928, восстановлен в 1990) и многих иностранных академий, институтов и обществ, создатель американской школы антиковедения; член-сотрудник (1894), действительный член (1897), управляющий классическим отделением (1916–1918), помощник председателя РАО (1918). Учился на историко-филологическом факультете сначала Киевского (1888–1890), затем Петербургского (1890–1892) университетов, на средства Министерства народного просвещения был командирован за границу для подготовки к профессорской деятельности (1895–1898), приват-доцент (1899–1903), экстраординарный (1903–1908), ординарный (1908–1918) профессор кафедры классической филологии Петербургского (Петроградского) университета. Член ЦК партии кадетов. Летом 1918 по заданию РАН уехал в заграничную командировку, но в Россию не вернулся и навсегда остался за границей. Преподавал в Оксфорде (1918–1920), с 1920 жил в США (в 1929 получил гражданство), являлся профессором древней истории Висконсинского (1920–1925) и Йельского (1925–1939) университетов, президентом Американской исторической ассоциации (1935), руководителем археологических исследований в Дуре Европос (Сирия) и хранителем древнего искусства в Йельском университете (1939–1944). Подробнее о нем см.: Скифский роман / Отв. ред. Г.М.Бонгард-Левин. М., 1997.

Еще в годы подготовки магистерской диссертации М.И.Ростовцев опубликовал рецензию на труд Кулаковского «Древности Южной России» (Материалы по археологии России. №19. СПб., 1896. 72 с. с 14 табл. и 14 рис.) – статью «Заметка о росписях керченских катакомб» (Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия (СПб.). 1897. Т.9. Вып.3-4. С.291-298). Много лет спустя он выпустил монографию «Античная декоративная живопись на юге России» (СПб., 1914. Т.1) с роскошным атласом к ней (СПб., 1913), где также не удержался от нападок в адрес Ю.А.Кулаковского. Последний преподавал на историко-филологическом факультете Университета Св. Владимира в годы учебы М.И.Ростовцева в Киеве (1888–1890).

¹⁵ Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – публицист, литературный критик. С декабря 1919 в эмиграции.

¹⁶ Васильев Александр Александрович (1867–1953) – историк средневековья, византист, основатель американской школы византиноведения;

магистр (1901), доктор (1902) всеобщей истории; член-корреспондент Российской АН (1923; исключен в 1935, восстановлен в 1990), член-сотрудник (1900), действительный член (1901) РАО. Выпускник Петербургского университета (1892), профессор Юрьевского университета (1904–1912), с 1 сентября 1912 – приват-доцент, затем экстраординарный профессор (1917–1925) по кафедре всеобщей истории Петербургского (Петроградского) университета, профессор Петербургского женского педагогического института (1912–1922). После Октябрьской революции – профессор новогреческой литературы факультета языка и материальной культуры (ямфак) ЛГУ (до 1925), профессор и декан Первого Петроградского государственного педагогического института, действительный член (с 1919), заведующий разрядом археологии и искусства раннехристианского и византийского Археологического отделения (1919 – осень 1926), председатель (1920–1921) РАИМК. В 1925 уехал в заграничную командировку в Европу, обратно не вернулся. Эмигрировал в США, где до 1939 занимал кафедру древней истории Висконсинского университета, затем работал в исследовательском центре Гарвардского университета Думбартон Окс в Вашингтоне (1944–1948 – senior scholar, с 1949 до своей смерти – scholar emeritus). С 1938 – почетный председатель Археологического института им. Н.П. Кондакова. См. его личное дело: Рукописный архив ИИМК РАН. Ф.2. Оп.3. Д.107.

Речь идет о рецензии А.А. Васильева на монографию Ю.А. Кулаковского «История Византии» (Т.1): ЖМНП. 1911. Т.33. С.337–351.

¹⁷ Н.П. Кондаков имеет в виду пьесу Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» (1916).

¹⁸ В Оренбурге с 1890 жили родители М.И. Ростовцева (отец ученого, Иван Яковлевич Ростовцев, ряд лет занимал пост попечителя Оренбургского учебного округа). М.И. Ростовцев последний раз посетил Оренбург летом 1915. См.: Зуев В.Ю. Творческий путь М.И. Ростовцева (К созданию «Исследования по истории Скифии и Боспорского царства») // Вестник древней истории. 1991. №1. С.173.

¹⁹ Согласно дневникам Н.П. Кондакова за 1917–1920 годы, 28 августа 1917 он и Е.Н. Яценко покинули Одессу и через Киев отправились в Москву, куда прибыли 1 сентября. Здесь они находились вплоть до 11 октября, затем выехали в Крым. В Ялте они жили с 14 октября 1917 по 7 сентября 1918. Из Ялты Н.П. Кондаков сообщил С.А. Жебелёву в открытке от 8 декабря 1917: «Вот уже два месяца, как я спешно пишу сочинение по русской иконописи, днями сижу у стола, никого не вижу и никому не пишу. Очень хочется кончить, сдать работу на хранение, чтобы была напечатана, когда можно будет. А затем начну хлопотать по выезду из России, что называется – куда глаза глядят. Хотя перед смертью не буду видеть ничего, что почти видеть не могу. Сочинение по Иконографии Божьей Матери III том почти готов вчерне, и его буду отделывать, и еще другую тему» (ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.132). Через Севастополь морем Кондаков и Яценко перебрались в Одессу, где и находились вплоть до отъезда из России – с 9(22) сентября 1918 по 24 января (6 февраля) 1920. С 10 октября 1918 Н.П. Кондаков приступил к чтению лекций в Новороссийском университете.

Сохранились письма Н.П. Кондакова из Ялты к И.А. Линниченко в Одессу: «Целые дни сижу за письменным столом и пишу ежедневно столько, что

на прочее писание нет у меня средств. <...> Писать для сборника не могу пока – темы есть, но без рисунков, и работы не хочется издавать. Да и время придет. Спешу покончить сочинение, чтобы выбраться из России» (открытка от 8 декабря 1917). 1(15) августа 1918 Н.П. Кондаков обратился к коллеге с просьбой сдать ему и Е.Н. Яценко две комнаты для проживания в Одессе в связи с крайней дороговизной жизни в Крыму. См.: ГАОО. Ф.153. Оп.1. Д.112. Л.5–6об., 7, 11об.

²⁰ Бертье-Делагард Александр Львович (Berthier de la Garde; 1842–1920) – военный инженер, строитель, археолог, нумизмат, библиофил, коллекционер древностей; действительный член (1880) и вице-президент (1899–1919) ООИД, действительный (1889) и почетный член Таврической ученой архивной комиссии, действительный член РАО (1890). Из семьи обрусевших французских эмигрантов. Выпускник Инженерной академии, до 1887 состоял на службе в инженерных войсках. В 1874–1878 участвовал в работах по укреплению Севастополя и его порта. После выхода в отставку поселился в Ялте, с 1887 руководил строительством портов Одессы, Феодосии, Ялты, Ростова на Дону. Как уроженец Крыма, заинтересовался историей и древностями Северного Причерноморья, начал собирать книги о нем (ныне его библиотека «Taurika» хранится в Крымском краеведческом музее в Симферополе), этнографические, археологические и нумизматические коллекции, связанные с Новороссийским краем (часть нумизматического собрания была передана собирателем в ООИД, другая продана частному лицу в Женеве, ювелирные изделия и торевтика «готского стиля» из Керчи в 1919 куплены Британским музеем). Автор трудов по исторической топографии Крыма, по истории и древностям Херсонеса, по античной нумизматике греческих колоний Северного Причерноморья.

²¹ Здесь Б.В. Варнеке ошибается: Н.П. Кондаков вернулся в Одессу 9(22) сентября 1918 и больше ее не покидал вплоть до эмиграции из России.

²² Советская власть была провозглашена в Одессе 14 января 1918.

²³ Муравьев Михаил Артемьевич (1880–1918) – политический и военный деятель. Из крестьян. Окончил юнкерское пехотное училище (1899), участник Первой мировой войны, подполковник (1917). Левый эсер с 1917. В октябре–ноябре 1917 назначен советским правительством начальником обороны Петрограда, командовал войсками, участвовавшими в ликвидации мятежа Керенского–Краснова. С декабря 1917 начальник штаба наркома по борьбе с контрреволюцией на юге России, в январе–марте 1918 – главком войск Южного фронта, действовавших против войск Центральной Рады, румынских и германо-австрийских интервентов, с середины марта 1918 – начальник штаба Верховного главнокомандующего войсками советской Украинской народной республики. В апреле 1918 в Москве был арестован за злоупотребление властью, но вскоре освобожден. В июне назначен командующим Восточным фронтом, в июле в Симбирске поднял левозсеровский мятеж, назвав себя «главкомом армии» и объявив войну Германии. Совнарком объявил его вне закона. В ходе ликвидации мятежа Муравьев был убит при аресте.

²⁴ В начале марта 1918 большая часть юга страны, в том числе Одесса, была оккупирована австро-германскими войсками; в ноябре 1918 город заняли войска Антанты, главным образом греко-французские части.

²⁵ Билимович Антон (Антоний) Дмитриевич (1879–1970) – математик, основатель белградской школы механики; магистр (1912), доктор (1919) механики; член-корреспондент (1925), действительный член (1936) Сербской АН. Уроженец Житомира. Учился в Киевском кадетском корпусе, Николаевском инженерном училище в Петербурге и на физико-математическом факультете Университета Св. Владимира в Киеве (1903), где был оставлен для подготовки к профессорскому званию; ассистент (1903–1907), приват-доцент (1907–1914) по кафедре аналитической механики физико-математического факультета Университета Св. Владимира, совершенствовал образование в Париже и Геттингене (1912–1914); профессор механики (1914–1920) и ректор (1918–1919, с перерывами) Новороссийского университета в Одессе. Эмигрировал в январе 1920 в Сербию, с апреля того же года ординарный профессор рациональной механики Белградского университета (1920–1955, с перерывами), преподавал в Русско-сербской гимназии (1929–1936). Член правления Русской академической группы в Югославии, участвовал в создании Русского научного института в Белграде. Секретарь отделения естественно-математических наук (1937–1939) Сербской АН, после Второй мировой войны работал в Математическом институте Сербской АН (с 1946). Один из основателей, с 1964 – почетный председатель Югославского общества механиков.

²⁶ Елена Андреевна Билимович.

²⁷ Линниченко Иван Андреевич (1857–1926) – историк, специалист по истории России и западных славян; магистр (1884), доктор (1894) русской истории; член-корреспондент Петербургской АН (1900) и Краковской АН (1901). Выпускник историко-филологического факультета Университета Св. Владимира в Киеве (1879), где был оставлен для подготовки к профессорскому званию (1879–1883). Приват-доцент Новороссийского (1884–1885), затем Московского (1888–1894) университетов. Неоднократно командировался за границу с ученой целью (1886–1888, 1907, 1908, 1909, 1910, 1912, 1914). Экстраординарный (с 1895), затем ординарный профессор, заведующий кафедрой русской истории (с 1898), заслуженный ординарный профессор (1908–1919) Новороссийского университета; профессор ВЖК в Одессе (1906–1917). Председатель Одесского библиографического общества и редактор-издатель его «Известий» (1910–1912), председатель Одесского славянского благотворительного общества им. Кирилла и Мефодия (1903–1910), действительный член ООИД и его секретарь (1903–1905), член правлений Общества любителей российской словесности и Общества истории и древностей российских. Участник всероссийских археологических съездов, международных исторических и археологических конгрессов в Риме (1903, 1912), Афинах (1905), Берлине (1908), Каире (1910), Буэнос-Айресе (1910), Женеве (1912), Лондоне (1913). Октябрьскую революцию категорически не принял.

Согласно записям в дневнике Н.П.Кондакова, при приближении Красной армии 1(14) декабря 1919 И.А.Линниченко уехал из Одессы в Ялту (в Крым) власть белых продержалась до начала ноября 1920). После окончательного установления советской власти Линниченко преподавал в учебных заведениях Симферополя, был профессором Таврического университета (1921–1926). С момента приезда в 1917 в Одессу Н.П.Кондаков и

Е.Н.Яценко, разместившиеся в гостинице «Пассажа», столовались у Линниченко, а с 7(20) июня по 28 августа (10 сентября) 1917 и с 9(22) сентября 1918 вплоть до отъезда в эмиграцию снимали у него две комнаты в квартире по адресу: Елисаветинская, 10.

²⁸ В советское время улица носила имя профессора Е.Н.Щепкина.

²⁹ Губарх – Одесское губернское управление архивным делом (в августе 1925 реорганизовано в Одесское окружное управление архивным делом). В ноябре 1926 из его состава был выделен Одесский исторический архив, получивший наименование Одесский краевой исторический архив (ныне Государственный архив Одесской области). См.: Государственный архив Одесской области: Путеводитель. Одесса, 1961. С.3–4.

³⁰ Войска Антанты заняли Одессу в ноябре 1918.

³¹ 24 марта (6 апреля) 1919 в Одессу вошли большевистские войска, к которым присоединился петлюровский отряд под предводительством атамана Н.А.Григорьева.

³² Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920) – историк средневековья и нового времени, педогог, общественный деятель. Внук великого русского актера М.С.Щепкина. Выпускник Московского университета (1883), ученик В.И.Герье и В.О.Ключевского. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. Приват-доцент Московского университета (1892–1897), затем Нежинского историко-филологического института (1897–1898). С 1898 по 1906 – приват-доцент Новороссийского университета в Одессе по кафедре всеобщей истории. Член I Государственной Думы от кадетской партии. В 1906 подписал обращение группы бывших депутатов I Государственной Думы к населению России с призывом оказать царскому правительству «пассивное сопротивление» в знак протеста против разгона Думы (так называемое «Выборгское воззвание»). В период реакции был отстранен от преподавания в государственных вузах и работал в частных учебных заведениях Одессы, вернулся в университет после Февральской революции в качестве профессора. Примыкал к левозероветскому направлению (фракция боротьбистов). С 1919 – член ВКП(б), комиссар просвещения в Одессе. См.: Памяти Евгения Николаевича Щепкина. Одесса, 1927.

Комиссариат (отдел) народного образования при Одесском губисполкоме во главе со Щепкиным начал перестройку университета: в условиях военного времени упразднились должности ректора и проректоров, а управление университетом было передано комиссару народного образования. Руководство вузом, взамен распущенного Совета профессоров университета, было передано революционному студенческому совету, в присутствии членов которого проводились заседания профессорско-преподавательского состава; при деканах были созданы факультетские советы, куда также входили представители студенчества; проводились массовые увольнения профессуры старой школы, взамен выдвигались молодые преподаватели, которых факультеты уравнивали в правах с профессорами, и т. п. По воспоминаниям И.А.Бунина, Щепкин составлял списки негодных ему профессоров университета и передавал их в ЧК, «не заступался за невинно гонимых, за кого мог с успехом заступиться, закрыл университетскую церковь. Комиссаром просвещения был недолго – его уволили» (цит. по: Бунин И.А. Ока-

янные дни. Воспоминания. Статьи / Сост., подг. текста, предисл. и комм. А.К.Бабореко. М., 1990. С.396).

³³ Запись в дневнике Н.П.Кондакова от 23 апреля (6 мая) 1919: «Уволены из Новороссийского университета 21 профессор, из них Доброклонский, Стадников и Смирнов, Савезко и Кишенский, И.А.<Линниченко> и др.» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП). Через день, 25 апреля (8 мая) 1919, было разогнано Правление университета.

³⁴ Доброклонский Александр Павлович (1856–1937) – историк церкви; магистр, затем доктор богословия. Из духовного звания. Исполняющий должность ординарного профессора по кафедре церковной истории, декан историко-филологического факультета и ректор Новороссийского университета; член городской думы г. Одессы. Эмигрировал в 1920. Читал патрологию как профессор теологического (православного) факультета Белградского университета. Председатель отделения общественных и исторических наук Русского научного института в Белграде (1928–1936).

³⁵ Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943) – филолог-славист, представитель школы Ф.Ф.Фортунатова; действительный член Российской АН (1923), академик Польской АН (1930), член-корреспондент Болгарской АН (1932), Чешской АН (1934). Выпускник Петербургского университета (1885), ученик И.В.Ягича. Профессор Новороссийского (1903–1923) и Ленинградского (1924–1929) университетов по кафедре славянской филологии. Основные труды – в области сравнительного языкознания и этимологии, истории праславянского языка и отдельных славянских языков.

³⁶ Факунд (Facundus) – епископ Гермианский (в африканской провинции Бизацена). В 550 г. настоял на отлучении от церкви Папы Римского Вигилия. При Юстиниане был подвергнут заточению.

Речь идет о монографии А.П.Доброклонского «Сочинения Факунда, епископа Гермианского, в защиту трех глав» (М., 1880).

³⁷ Пападимитриу Синодий Дмитриевич (1859–1921) – филолог-классик, византист; магистр, затем доктор греческой словесности. Родом грек. В 1900 при Новороссийском университете учреждена была экстраординатура по византийской филологии, предоставленная приват-доценту классической филологии С.Д.Пападимитриу, автору статей по античным и византийским древностям Причерноморья. После защиты докторской диссертации (монография «Феодор Продром: Историко-литературное исследование». Одесса, 1905) стал ординарным профессором Новороссийского университета. В годы революции покинул Россию. О нем см.: *Papoulides K.K. EΛΛΗΝΟΡΩΣΙΚΑ. Thessalonike, 1988. S.227-265.*

³⁸ Речь идет о докторской диссертации профессора А.П.Доброклонского. См.: *Доброклонский А.П.* Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. Ч.1-2. Одесса, 1913–1914. В день увольнения А.П.Доброклонского из университета 23 апреля (6 мая) 1919 автор преподнес Н.П.Кондакову обе части своей монографии о Феодоре Студите (хранится в Фонде Кондакова в ЛАМЧП).

³⁹ Заседание историко-филологического факультета состоялось 27 апреля (10 мая) 1919. В дневнике Н.П.Кондакова запись: «Уселся рядом с Окуневым, но дали стул за столом <президиума>. Пересматривали вакантные кафедры и, согласно новому профессорскому стажу, производили всех в

профессора: Рубинштейна доцентом философии, Окунева – профессором, Мочульского доцентом, Потапова профессором, Доброклонского Щепкин <предлагает> профессором истории Византии – но отложил представление до осени, т. к. имеются <голоса> против, и он получил степени от Духовной Академии, и конфессиональный характер этой науки. Мне Щепкин предложил <дать отзыв> об Окунева: рад промоции, занимался Новгородом, в Константинополе – Софией, <на> Кавказе – восточной архитектурой, но желательно письменно и печатно <представить отзыв>, когда только будет возможно». На следующий день Кондаков отметил: «И.А.<Линниченко> возмущался промоцией Окунева. Пришли <так!> Билимович к И.А., доволен, что я говорил о печатных трудах профессоров; А.П.Доброклонский очень благодарил за отзыв вчерашний». 29 апреля (12 мая) запись: «Попробую уже осуждает Окунева за профессорство». 28 мая (10 июня) к Н.П.Кондакову обратился профессор П.М.Бишвили с просьбой написать представление факультета для избрания Доброклонского почетным доктором византологии. Однако на заседании факультета 31 мая (13 июня) «Щепкин отказал в согласии на почетное докторство Доброклонского – и это сочтется манифестацией. Отказал и в назначении Флоровского» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП).

⁴⁰ См.: *Кондаков Н.П.* Миниатюры греческой псалтири IX века из собрания А.И.Хлудова // Труды Московского археологического общества. 1878. Т.7. С.162-183. Отд. отт.: М., 1878.

⁴¹ 22 июня (5 июля) 1919 Н.П.Кондаков записал в дневнике о заседании факультета: «Выбрали единогласно Доброклонского, и я ушел. В две комиссии попал – предметную и музейную. Пошли поздравить Доброклонского» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП).

⁴² Доброклонский был арестован в начале июля 1919. Начиная с 4(17) июля Н.П.Кондаков записывал сведения о хлопотах Марии Григорьевны, жены профессора, по его освобождению, состоявшемуся 22 июля (4 августа) 1919.

⁴³ Б.В.Варнеке ошибается. Судя по дневнику Н.П.Кондакова, квартира И.А.Линниченко была центром сбора антибольшевистски настроенной профессуры. Опасаясь ареста, хозяин периодически не ночевал дома, начиная с 23 мая (5 июня) 1919. 2 (15) июля Н.П.Кондаков записал о приходе чекистов за Линниченко без четверти двенадцать ночи: «...Отчаянный стук, не могу выйти, еще сильнее... и 6 военных ко мне, протокол, где профессор. Не знаем. До 1 часу». На следующий день Линниченко вернулся в шесть с четвертью утра, сказав Кондакову, что «решил идти в оперативный отдел Чрезвычайной комиссии». Однако свое намерение он не осуществил и скрывался вплоть до прихода белых. По каким-то причинам он не поставил об этом в известность своих квартирантов. Последние оставались в неведении довольно долго и приглашали разных лиц (А.Н.Грара, Д.Г.Атлас, Д.К.Крайнева, М.Леорова и др.) поочередно ночевать в комнатах Линниченко, опасаясь как ареста, так и грабежа налетчиков. 20 июля (2 августа) 1919 во время обеда в квартиру пришел офицер Красной Армии с вопросом, где профессор Линниченко. Н.П.Кондаков и Е.Н.Яценко ответили, что не знают. 23 июля (5 августа) комиссар просвещения Е.М.Щепкин поставил вопрос о необходимости «секвестра» библиотеки и архива И.А.Линниченко

– на следующий день ученицы И.А.Линниченко Д.Г.Атлас, Шишкина и Елашкова занялись разбором его бумаг. Матрос-чекист вновь посетил квартиру Линниченко 31 июля (13 августа), в течение часа допытывался у Н.П.Кондакова и Е.Н.Яценко о местонахождении хозяина. 24 августа (6 сентября) в Одессу вошла Добровольческая армия, и И.А.Линниченко смог вернуться домой.

⁴⁴ Дорошенко Петр Яковлевич (1857–1919) – украинский врач, общественный деятель, краевед, коллекционер рукописей, книг, произведений искусства и предметов быта, связанных с историей Украины. Потомок запорожского гетмана М.Дорошенко. Выпускник медицинского факультета Университета Св. Владимира в Киеве, земский врач в Глухове. Член Черниговской ученой архивной комиссии; был одним из создателей Глуховского краеведческого музея (1903); участвовал в подготовке и проведении XIV Археологического съезда в Чернигове (1908). Перед революцией – директор Черниговского дворянского пансиона-приюта. При гетмане П.П.Скоропадском в Министерстве народного просвещения Украинской державы (апрель – декабрь 1918) возглавлял Главное управление искусств и национальной культуры, пытался спасти от гибели коллекции предметов старины. Бежал в Одессу, где был расстрелян большевиками. О первой встрече с Дорошенко, бывшим киевским министром искусств, Н.П.Кондаков записал в дневнике 2(15) апреля 1919.

⁴⁵ Имеется в виду Дорошенко Дмитрий Иванович (1882–1951) – украинский политический деятель, историк, публицист. С 1909 – профессор истории в Киеве и Екатеринославе. В Украинской Центральной Раде занимал пост председателя Генерального секретариата, являлся генеральным секретарем внутренних дел. В правительстве гетмана Скоропадского с 20 мая 1918 исполнял обязанности министра иностранных дел, однако формально до 2 сентября числился в должности управляющего министерством. В 1919 – доцент университета в Каменце-Подольском, в том же году эмигрировал в Прагу. Доцент, затем профессор Карлова университета (1926–1936) и Украинского института в Праге (1921–1945, с перерывами), профессор богословского факультета Варшавского университета (1936–1939). С 1945 работал в Мюнхене, в 1947–1950 – в Виннипеге в Украинском свободном университете; президент Украинской свободной АН (1945–1951). Умер в Мюнхене.

⁴⁶ П.Я.Дорошенко был женат на Марии Парменовне Дорошенко, урожденной Маркович.

⁴⁷ 5(18) июля 1919 Н.П.Кондаков отметил в дневнике, что Дорошенко опасается своего ареста, а 14(17) июля записал: «Кроме генералов Эбелова, Бирюкова, расстрелян Дорошенко» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП). Сведения о хлопотах Н.П.Кондакова за него в ЧК в дневнике отсутствуют.

⁴⁸ Вот как описывает другой источник обстоятельства гибели П.Я.Дорошенко:

С падением гетманшфта пришлось как-нибудь спастись, и П<етр> Я<ковлевич> приютился в Одессе, где его никто не знал. Там он жил более или менее спокойно, пока продолжалась французская оккупация. Когда французы покинули Одессу, П<етру> Я<ковлевичу> не посчастливилось уехать за границу. Началась тяжкая пытка укрывания себя от чрезвычайки, которая тем временем

объявила «красный террор». Во главе свирепой одесской «Чеки» стоял известный палач, грузин Гимишвили или Саджая, по кличке Каменченко, который за три месяца, от конца французской оккупации до прихода деникинцев, успел истребить не менее 3000 душ интеллигенции. В число жертв попал П.Я.Дорошенко и был расстрелян в гараже «Чеки».

(Царинный А. Украинское движение: Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям / С введ. кн. А.М.Волконского. Берлин, 1925. С.169.

Выражаю глубокую признательность В.Г.Пуцко за предоставленные биографические сведения о судьбе П.Я.Дорошенко и указание на литературные источники.

⁴⁹ Речь идет об Александре Борисовиче Варнеке (1904–?) – старшем сыне Б.В.Варнеке. В годы Второй мировой войны он работал библиотекарем в Одесской публичной библиотеке.

⁵⁰ Спицын Александр Андреевич (1858–1931) – археолог; действительный член РАО (1907), хранитель Музея общества (с 1907); член-корреспондент АН СССР (1927). Выпускник Петербургского университета (1882), ученик К.Н.Бестужева-Рюмина. В 1882–1892 жил в Вятке, преподавал в гимназии, занимался историческим краеведением, в том числе археологией. С 1892 – член Императорской Археологической комиссии, с 1909 – приват-доцент по кафедре русской истории Петербургского университета и создатель Археологического кабинета при ней (1910); с 1914 – преподаватель кафедры исторической географии Петроградского археологического института, после Октябрьской революции – профессор факультета языка и материальной культуры Петроградского-Ленинградского университета (1918–1927), с 1919 по 1929 – действительный член, заведующий разрядом русской археологии Этнологического отделения, член комиссии по раскопкам РАИМК (ГАИМК). Проводил полевые исследования в Прикамье; как классификатор и систематизатор коллекций занимался изучением памятников различных исторических эпох – от палеолита до позднего средневековья. Основные труды посвящены славяно-русским древностям.

⁵¹ Сергей, архимандрит (Спаский Иван Александрович; 1830–1904) – духовный писатель; магистр Киевской духовной семинарии, доктор богословия (1876). Сын священника. Инспектор и ректор семинарии в Киеве, затем епископ Ковенский и Могилевский, впоследствии архиепископ Владимирский. Речь идет о его докторской диссертации: *Сергий, архим.* Полный месяцеслов Востока: В 2 т. М.: Тип. «Соврем. Известий», 1875–1876. Т.1: Восточная агиография. 548 с.; Т.2: Святой Восток. 1056 с. 2-е изд.: Владимир, 1901.

⁵² Гай Плиний Секунд Старший (23 или 24–79 г. до н. э.) – римский писатель, ученый и государственный деятель.

⁵³ Речь идет о кн.: *Плиний.* Об искусстве / Пер. с введ. и примеч. Б.В.Варнеке. Одесса: Изд-во Ивасенко, 1918. 91 с.

⁵⁴ Конце Александр (Conze; 1831–1914) – немецкий археолог, историк античной пластики, организатор науки; действительный член Академий наук в Вене (1869) и Берлине (1877); член-сотрудник РАО (1896). Профессор университетов в Галле (с 1863), Вене (с 1869) и Берлине (1878–1906),

руководитель Античного собрания Берлинских музеев (1877–1887), генеральный секретарь Германского археологического института в Берлине (с 1877). Под руководством А.Конце работали археологические экспедиции австрийских исследователей на о. Самофракия (1873–1875) и немецких ученых в Пергаме (1878–1886, 1900–1902).

⁵⁵ Мантенья Андреа (Mantegna; 1431–1506) – итальянский живописец и гравер Раннего Возрождения, представитель падуанской школы.

⁵⁶ В то время Н.П.Кондаков работал над третьим томом «Иконографии Богоматери», посвященном итальянской живописи Возрождения. В письмах коллегам автор называл книгу «Итальянской Мадонной».

⁵⁷ Гёрц Карл Карлович (1820–1883) – историк искусства, археолог, исследователь Таманского полуострова, публицист, беллетрист; магистр (1870), доктор истории искусств (1873); действительный член РАО (1870) и МАО. Выпускник Московской коммерческой академии и философского факультета Московского университета, ученик Д.Л.Крюкова. Переехав в Петербург по окончании университета, он 6 лет служил домашним воспитателем в доме князя Салтыкова, сотрудничал в журнале «Современнику». В 1851, получив от князя пожизненную пенсию, в течение 5 лет путешествовал по Западной Европе для изучения памятников искусства. Вернувшись в Россию и поселившись в Москве, служил приват-доцентом (1857–1870), затем профессором археологии и истории искусства Московского университета, хранителем картин Румянцевского музея; многие годы вел в «Московских ведомостях» отдел археологических и художественных новостей. Являлся одним из ближайших сотрудников А.С.Уварова при создании МАО и был деятельным членом общества – секретарем (с 1864), товарищем председателя (с 1872); как член редакционного комитета редактировал его труды.

⁵⁸ Речь идет о кн.: *Малеин А.И.* Карл Карлович Гёрц (1820–1883): Биографический очерк с портретом и двумя приложениями. СПб., 1912. 252 с.

⁵⁹ Буслаев Федор Иванович (1818–1897) – филолог-славист, литературовед, искусствовед, представитель мифологической школы в русской науке, создатель московской школы ученых-славистов (А.Н.Веселовский, А.Н.Афанасьев, О.Ф.Миллер и др.); магистр русской словесности (1848), почетный доктор русского языка и словесности (1864) и теории и истории искусств (1889); член-корреспондент (1852), академик (1860) Петербургской АН. Выпускник Московского университета (1838), преподавал во 2-й (1838–1839) и 3-й (1841–1847) московских гимназиях, домашний учитель в семье гр. С.Г.Строганова, вместе с которой путешествовал по Германии, Австрии и Италии (1839–1841); преподаватель (с 1847), адъюнкт (с 1848), экстраординарный (с 1850), ординарный (с 1859), заслуженный профессор (с 1873) Московского университета. В своих трудах развивал мысль о русской художественной культуре как о синтезе словесного и изобразительного искусства, первый выявил русско-византийские связи в изобразительном искусстве на широком фактическом материале.

Н.П.Кондаков во время учебы в Московском университете (1861–1865) слушал лекции Ф.И.Буслаева по русской словесности и археологии. Учитель оказал на него определяющее влияние, пробудив интерес к византийскому искусству. Подробнее о Ф.А.Буслаеве и Н.П.Кондакове см.: *Кызыласо-*

ва И.Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И.Буслаев, Н.П.Кондаков: Методы, идеи, теории). М., 1985.

⁶⁰ Смирнов Яков Иванович (1869–1918) – историк древнехристианского и византийского искусства, археолог; член-корреспондент (1907), ординарный академик РАН (1917), член-сотрудник (1893), действительный член РАО (1897), управляющий Русским отделением общества (1898–1912). Выпускник Петербургского университета (1891), любимый ученик Н.П.Кондакова, по настоянию которого сдал экзамен на степень магистра. Приват-доцент кафедры теории и истории изящных искусств историко-филологического факультета (1898–1899) и кафедры истории Востока факультета восточных языков (1913–1918) Петербургского (Петроградского) университета; хранитель (1899–1909), старший хранитель (1909–1918) Отделения Средних веков и эпохи Возрождения Императорского Эрмитажа. Умер от болезней и голодного истощения в Петрограде.

⁶¹ С.А.Жебелёв сблизился с Н.П.Кондаковым с конца 1890-х. В ФА РАН и Литературном архиве Музея чешской письменности в Праге сохранилась их обширная личная переписка. О своей жизни в Одессе при большевиках Н.П.Кондаков сообщал С.А.Жебелёву следующее:

Одесса, Елисаветинская, 10
8 июня 1919

Дорогой Сергей Александрович,

очень был рад получить от Вас письмо заказное от 18 мая, мною полученное в самом конце <месяца>. Затем пошли у нас и слухи и даже вести, опять перемежилось почтовое сообщение, не принимали заказных, а затем вновь возобновилось, и вот уже 3–4 дня, как почти ежедневно приходят поезда, и с ними и письма от Сережи (С.Н.Кондаков, старший пасынок Н.П.Кондакова. – *И.Т.*) и некоторые известия.

Вы меня ошеломили сообщением о смерти Я.И.Смирнова: за день раньше Сережа в письме назвал его покойным, а от Вас я узнал, что он уже 10 октября умер и, по-видимому, от истощения. Смерть его мне очень горька. У меня не было ученика, так полно снабженного для науки и так любившего занятия. Неужели надо вновь читать в Университете и искать учеников? Здесь я прочел за два полугодия два введения: в русскую иконопись и в иконографию Богоматери эпохи Возрождения. По-видимому, я еще могу читать. Слушателей под конец набиралось много, и больше всего профессоров и художников. Думаю о том, чтобы прочесть подобные курсы в Санкт-Петербурге, если буду жив, и вновь в университете.

За эти два года моего отсутствия из Санкт-Петербурга я мог много заниматься и почти закончил 2 сочинения: Историю русской иконописи на 2 больших тома с 3<м> отдельным томом атласа и Иконографию Богоматери в эпоху Возрождения, тоже в двух томах. По первому, однако, надо еще сделать поездку по разным монастырям. По второму надо тоже побывать на юге Франции и еще раз в Италии. Когда и как я это сделаю, если теперь всякие поездки невозможны по тысяче затруднений и чудовищным ценам? Стараюсь не думать. Для изданий надобна бумага, а ее нет даже для академического <издания>, тем более для издания Иконописных таблиц. Также ста-

раюсь не думать. Ибо, если начать думать, то, пожалуй, сунешь свои томы в печь и сожжешь, как дрова. Ведь страшно подумать даже о том, что вывезти эти сочинения с материалами к ним, т. е. фотографиями для нужных рисунков, мне тоже или невозможно, или крайне трудно. Взять сочинения – не брать вовсе багажа, таковы условия переездов теперь. Добыть хотя бы разрешение купить три места в поезде, о чем я писал в Академию С.Ф. Ольденбургу (непременный секретарь РАН. – И.Т.) (и ответа не получил), и то не удается. И поэтому лучше не думать!

Думаю больше о том, куда бежать: теперь из Одессы, где началась чудовищная дороговизна, растущая до питерских цен; затем... из отечества, где зимою нельзя будет жить, за отсутствием топлива. У нас пуд дров стоит 60–70 рублей, а его хватает на один день в кухне и не хватит на печку: в пуде 7 мокрых поленьев.

Теперь у нас с половины апреля идут дожди, или по два ливня в день, или мелкие подряд. Нет дней без дождя. Все растет так буйно, что озимые имеют колосья в палец толщиной, а стебель еще толще. Но весь этот урожай сгниет от сырости, и даже сена нельзя собрать.

Вот Вам и наши кошмарные новости. Очень жаль Вас, как декана, и еще более по участию в заседаниях. Сам почти никуда не хожу. Недавно, однако, пошел в историко-филологический факультет, восстал, во имя университетской науки, против слияния университета с женскими курсами, и очень сожалел о том.

О Пете (младший пасынок Н.П. Кондакова. – И.Т.) ни слуху, ни духу, вот уже 8 месяцев; и жена ждет его в Ялте уже год с двумя детьми, едва сводя концы с концами, из доходов от сданного целиком внаймы дома.

Напишите мне подробнее, почему и от чего умер Яков Иванович. Напишите и о других. Поклонитесь нашей компании, кого увидите.

Ваш преданный

Н. Кондаков

(ПФА РАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 168. Л. 37–138 об.)

⁶² Окунев Николай Львович (1886–1949) – историк искусства, византист, славяновед; член-сотрудник (1912), действительный член РАО (1912); действительный член Болгарского археологического института в Софии. Выпускник Петербургского университета, ученик Д.В. Айналова. Ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе (1912–1914), приват-доцент Петроградского (1916–1917), затем профессор по кафедре теории и истории искусств Новороссийского университета (1918–1919), председатель Совета ООИИ. С осени 1919 являлся главным комиссаром по делам искусств в правительстве А.И. Деникина в Ростове-на-Дону. С 1920 – в эмиграции в Югославии, в том же году был приглашен профессором археологии на философский факультет университета в Скопье (Югославия), с 1922 или 1923 жил в Праге, с 1925 – профессор философского факультета Карлова университета в Праге; член Русской академической группы, *Seminarium Kondakovianum* (Археологического института им. Н.П. Кондакова).

⁶³ Одесское общество изящных искусств (ООИИ) было основано в ноябре 1864 (открыто в 1865) с целью «развить вкус и понятие о живописи во всех сословиях общества». Во главе общества стоял избираемый общим собранием Совет. Н.П. Кондаков был почетным членом и членом Совета общества, принял деятельное участие в организации Музея изящных искусств (открыт в 1889) и Рисовальной школы при ООИИ (открыта в 1865), которыми он заведовал соответственно в 1883–1888 и 1883–1894. С 1880 ученый способствовал получению субсидий и льгот от Академии художеств на содержание Рисовальной школы. См.: <Рескрипт президента Академии художеств проф. Н.П. Кондакову> // Художественные новости. 1888. №4. Стлб. 100; №5. Стлб. 130–132 (внутренние известия). В 1900 Одесская рисовальная школа и общеобразовательное училище, созданное в 1886 при ООИИ, были слиты и преобразованы в Художественное училище с живописным, скульптурным и архитектурным отделениями. Н.П. Кондаков работал в Совете училища с 1917 вплоть до своего отъезда из Одессы. См.: *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820–1932): Справочник. СПб., 1992. С. 221–223.

В 1888, при отъезде Н.П. Кондакова в Петербург, преподаватели Рисовальной школы поднесли ученому альбом с собственными фотографиями и рисунками в знак уважения его заслуг перед школой (ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 5. Д. 1). В трудные годы Гражданской войны Никодим Павлович писал в письме к С.Н. Кондакову от 8 июня 1919 о необходимости продать альбом:

Надо особо показать Одесский альбом – музей <Русский> даст мало, но коллекционеры могут дать около 4–5 тысяч по теперешним ценам. Иначе оставь себе – будет продано тобою выше, так как Ладженского ни у кого нет, а это был большой акварелист. Константинополь Вилье или продать за 1000 <рублей>, или оставить, вынув из альбома акварелей. Или оставить весь альбом Одесский и все акварели на хранение у Околовича – человек верный.

(ПФА РАН. Ф. 115. Оп. 7. Д. 177. Л. 131).

⁶⁴ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) – историк России; магистр (1888), доктор (1899) русской истории; член-корреспондент (1909), действительный член РАН (1920; исключен 2 февраля 1931, восстановлен в 1968); действительный (1890), почетный (1909) член РАО, управляющий Русским отделением (1894–1898), председатель общества с 1922. Выпускник Петербургского университета (1882), приват-доцент (1888–1890), экстраординарный (1890–1899), ординарный (с 1899), заслуженный (с 1912) профессор по кафедре русской истории, секретарь (с 1893) и декан (1900–1905) историко-филологического факультета Петербургского-Петроградского университета, профессор Высших женских (Бестужевских) курсов, профессор и директор Петербургского женского педагогического института (1903–1916), с 1893 – член Ученого комитета Министерства народного просвещения. После Октябрьской революции – председатель Археологической комиссии (1918–1929), помощник заведующего Главархивом (1918–1923), директор Пушкинского Дома (1925–1929) и Библиотеки АН СССР (1925–1928). По сведениям Ф.Ф. Перченка, впервые арестован в 1919, но отпущен по приказу Зиновьева. Арестован по «Академическому делу» (1930–1931) и приговорен к 5 годам высылки в Самару, где и умер (реабилитирован).

литирован в 1967). См.: Перченко Ф.Ф. К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... С.193.

⁶⁵ См.: Кондаков Н.П. Древняя архитектура Грузии: Исследование // Труды МАО. 1876. Т.6, вып.3. С.211-268.

⁶⁶ Вот что писал Н.П.Кондаков к С.А.Жебелёву из Праги 24 марта 1923 о Н.Л.Окуневе: «Из прежних учеников Окунев при большевиках в Одессе выскочил в ординарные профессора, не написав ничего, был потом низведен факультетом, когда большевики ушли, в доценты, бросил всякие занятия и университет и ушел товарищем министра к Деникину. Он же составил Общество истории искусства прямо из *demi-monde'a* <полусвета (франц.)> – я раз был и был смущен таким “ученым обществом”. Он уже появился здесь <в Праге>, и рать ёрников здесь все растет и на прежних с боем идет» (ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.144об.).

⁶⁷ «Аполлон» – русский иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы, издававшийся в 1909–1917 в Петербурге (редактор-издатель С.К.Маковский). Публиковал материалы по истории искусств, обзоры выставок, театральной и музыкальной жизни. В 1918 закрыт властями в связи с публикацией ряда антисоветских статей.

⁶⁸ Мутер Рихард (1860–1909) – немецкий искусствовед, представитель позитивистской школы в немецком искусствознании.

⁶⁹ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник, театральный декоратор, историк искусства, художественный критик, мемуарист. В предреволюционные годы – вице-председатель созданного в 1911 Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины; в марте 1917 – один из организаторов Комиссии по делам искусств для переговоров с Временным правительством об охране памятников искусства и старины; с 1918 – член Коллегии по делам музеев при Наркомпросе. В 1918–1926 – главный хранитель Картинной галереи Эрмитажа. В 1926 не вернулся из Парижа, где находился в командировке от Эрмитажа. В эмиграции работал как театральный художник и режиссер-постановщик балетов в театрах Франции, Италии и других стран.

⁷⁰ Покровский Николай Васильевич (1848–1917) – историк искусства, специалист по церковной археологии и иконографии; действительный (1880), почетный (1910) член РАО, секретарь его Русского отделения (1885–1888). Выпускник, затем профессор Петербургской Духовной академии, профессор кафедры церковных древностей и директор Петербургского археологического института. Автор монографии «Очерки памятников христианской иконографии и искусства» (Изд. 3. СПб., 1902).

⁷¹ Снегирев Иван Михайлович (1793–1868) – археолог, искусствовед, этнограф, собиратель и исследователь фольклора; магистр словесных наук (1815); член Общества истории и древностей российских (1828), член-корреспондент РАО (1848). Учился на словесном отделении Московского университета (1810–1814), где впоследствии преподавал латинский язык (1818–1826) и был профессором по кафедре латинского языка и римских древностей (1826). Участник Румянцевского кружка. Московский цензор (1828–1855). В 1855 уволен от цензорства за разрешение к печати статьи о

Н.И.Новикове. В последние годы жизни бедствовал, переехал в Петербург, умер в больнице. Знаток истории, топографии и церковных древностей Москвы. Собирал и изучал этнографические материалы, фольклор, лубочные картинки. Автор обзоров российских и московских древностей, работ по иконописи, церковной археологии, устному народному творчеству и пр.

⁷² Погодин Михаил Петрович (1800–1875) – историк-славист, коллекционер древностей, писатель, публицист, видный деятель правого крыла славянофильства; магистр (1825), почетный доктор философии Пражского университета; член-корреспондент (1826), адъюнкт (1828), действительный член (1836) РАН, член-корреспондент по разряду истории и древностей (1826), ординарный академик по ОРЯС Петербургской АН (1841), действительный член (1825–1875), секретарь (1836–1845), председатель (1875) Общества истории и древностей российских при Московском университете; член, секретарь (1834), председатель (1860–1866) Общества любителей российской словесности, один из организаторов и председатель (1861) Московского славянского благотворительного комитета; член-корреспондент (1848), почетный член (1872) РАО. Выпускник Московского университета (1821), преподаватель географии Московского городского пансиона (1821–1824), преподаватель всеобщей и русской истории, ординарный профессор (с 1833) Московского университета (1826–1844). Совершал регулярные поездки по России с целью покупки предметов древности. С 1820-х собирал рукописи, старопечатные и редкие книги, иконы, резные образки, кресты, шитье, монеты, печати, медали, оружие и т. п. (знаменитое «погодинское древлехранилище», которое в 1853 было продано государству). С середины 1820-х занялся литературно-издательской деятельностью, издавал «Московский вестник» (1827–1830) и «Москвитянин» (1841–1856), где публиковал исторические материалы о духовной жизни и быте славянских народов. С 1841 служил в Министерстве народного просвещения.

⁷³ Гольшев Иван Александрович (1838–1896) – краевед, издатель; член-сотрудник РАО (1877), действительный член Владимирского статистического комитета (1861) и МАО. Из крепостных крестьян-иконописцев с. Мстеры Владимирской губ. Учился в приходской школе, работал учеником литографа в Москве. В 1858 открыл в Мстере литографию, выпускавшую лубочные картинки, народные издания религиозно-нравственного содержания (свыше 500 тыс. листов в год). Под влиянием владимирского краеведа К.Н.Тихонравова занялся изучением старины. В 1884 возведен в звание потомственного почетного гражданина. Автор более 500 статей по археологии, этнографии, истории искусства, иконописи, издатель исторических документов. На свои средства опубликовал альбомы «Древности Бого-явленской церкви XVII в. в слободе Мстере» (1870), «Атлас рисунков старинных пряничных досок» (1874), «Памятники старинной русской резьбы по дереву» (1877), «Альбом русских древностей Владимирской губ.» (1883), «Памятники русской старины Владимирской губ.» (1883), «Альбом рисунков рукописных синодиков 1561, 1679 и 1686 гг.» (1885), «Сборник русской старины Владимирской губ.» (1890) и пр. Удостоен РАО большой серебряной медали за сочинение «О старинных деревянных храмах во Владимирской губернии» (1880) и малой золотой медали «за 25-летнюю деятельность на пользу археологии» (1886). На многих археологических съездах и вы-

ставках экспонировал вещи из собственной коллекции древностей, копии икон, оттиски пряничных досок и т. п.

⁷⁴ Большаков Тихон Федорович (1794–1863) – московский купец, известный знаток русских древностей, собиратель и торговец рукописями, старопечатными книгами, иконами, монетами и пр. Его сын Сергей Тихонович Большаков (1842–1906) в 1863–1864 продал наиболее ценную часть коллекции рукописей и книг отца в Румянцевский музей, а в 1890 экспонировал другую часть собрания на выставке русской старины в Историческом музее в Москве, устроенной по случаю VIII Всероссийского археологического съезда. См.: Археологическая выставка в Москве. Собрание Т.Ф.Большакова. М., 1890.

⁷⁵ Филлимонов Георгий Дмитриевич (1828–1898) – историк древнерусского искусства, археолог, коллекционер; член-корреспондент РАО (1862). Заведующий архивом Оружейной палаты в Москве, заведующий (без содержания) отделения христианских и русских древностей в Публичном музее (1863–1870), член комиссии по реставрации икон и открытию фресок XVI в. в верхних пределах Благовещенского собора Московского Кремля (1863–1864). Учредитель и редактор изданий Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. Работал по комплектованию русского отдела на Всемирной выставке в Париже (1864–1867), осуществлял надзор за реставрацией живописи Грановитой палаты (1881). С 1862 собирал произведения иконописи и иконописные образцы. В конце жизни переключился на археологию, исследовал стоянки первобытного человека в Крыму и на Кавказе.

⁷⁶ Ровинский Дмитрий Александрович (1824–1895) – правовед, либеральный судебный деятель, историк искусства, коллекционер; член-корреспондент по ОРЯС (1881), почетный член Петербургской АН (1883), почетный член Академии художеств (1870), действительный член РАО (1871). Выпускник Училища правоведения в Петербурге (1844), служил секретарем судебной палаты и в других судебных учреждениях, с 1866 – прокурор Московского судебного округа, с 1870 – сенатор уголовно-кассационного департамента. С 1840-х увлекся коллекционированием гравюр (в том числе лубков), объездил многие места России. Впервые систематизировал большой массив материалов по истории русской гравюры, изучал гравюры западноевропейских мастеров. Свои художественные собрания завещал Эрмитажу, Румянцевскому музею в Москве, Публичной библиотеке и Академии художеств. Автор многотомных трудов «Русские народные картинки» (СПб., 1881–1893), «Подробный словарь русских гравированных портретов» (СПб., 1886–1889), «Полное собрание гравюр Рембрандта» (СПб., 1890), «Подробный словарь русских гравюров XVI–XIX вв.» (СПб., 1895).

⁷⁷ Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) – художественный и музыкальный критик, историк искусства, археолог, библиограф, фольклорист, видный деятель русской художественной культуры демократического направления; почетный академик по разряду изящной словесности Петербургской АН (1900); почетный член Публичной библиотеки (1902); член-корреспондент (1860), действительный член РАО (1861), действительный член и секретарь по отделению этнографии РГО (1864), редактор «Известий

РГО» и «Этнографического сборника». Сын архитектора В.П.Стасова. Выпускник Училища правоведения (1836–1843), служил в департаментах Сената (1843–1850) и Министерстве юстиции (1850), но в 1851, заинтересовавшись историей искусств, вышел отставку и до 1854 жил за границей как секретарь и консультант уральского промышленника А.Н.Демидова. С 1847 начал печатать в газетах и журналах статьи по литературе, искусству, музыке; активно участвовал в творческой жизни Артели художников, Товарищества передвижников, композиторов «Могучей кучки». В 1854 вернулся в Петербург, с 1850 сотрудничал, а с 1872 до конца жизни служил в Публичной библиотеке библиотекарем, заведовал ее Отделением искусств и технологии; изучал древние рукописи и миниатюры, одним из первых начал систематическую работу по собиранию и публикации эпистолярного наследия русских художников и композиторов. С 1863 по 1882 служил во II отделении собственной ЕИВ канцелярии. В конце 1880-х–1890-х неоднократно посещал западноевропейские хранилища для знакомства с древними памятниками письменности и произведениями искусства.

⁷⁸ Трубецкой Евгений Николаевич, князь (1863–1920) – религиозный философ, правовед, культуролог, общественный деятель, публицист; магистр (1892), доктор (1897) философии. Брат С.Н.Трубецкого, последователь и друг В.С.Соловьева. Выпускник юридического факультета Московского университета (1885), приват-доцент юридического лицея в Ярославле, профессор Университета Св. Владимира в Киеве, затем Московского университета (1905–1918). Один из организаторов Психологического общества при Московском университете, Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева. Инициатор и участник книгоиздательства «Путь» (1910–1917). После Октября 1917 покинул Москву. В годы Гражданской войны служил в рядах Добровольческой армии. Умер в Новороссийске незадолго до эвакуации Белой армии.

⁷⁹ Речь идет о кн.: *Трубецкой Е.Н.* Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. М., 1916 (переизд.: Париж, 1965; М., 1991).

⁸⁰ Муратов Павел Петрович (1881–1950) – художественный критик, прозаик, издатель. Сын военного врача. Учился в кадетском корпусе и Институте инженеров путей сообщения в Петербурге (1903). Вскоре переехал в Москву, служил помощником библиотекаря в библиотеке Московского университета, хранителем изящных искусств и классических древностей Румянцевского музея, работал в Историческом музее. Принимал участие в организации первых выставок русской старины, участвовал в расчистке икон в соборах Кремля, изучал частные коллекции икон. Совершил ряд поездок в Европу (Франция, Италия), на русский Север для изучения икон и фресок монастырей. В 1913–1914 издавал альманах «София: Журнал искусства и литературы». В 1914–1917 служил в действующей армии как артиллерийский офицер. После Октябрьской революции – член президиума Комитета по охране художественных и научных сокровищ России (1918–1919), организатор Studio Italiano (с 1918) и Книжной лавки писателей в Москве. В 1921 входил в состав Всероссийского комитета помощи голодающим (ПОМГОЛ) и был арестован ВЧК, но вскоре выпущен из тюрьмы. В 1922 командирован Главмузеем в Европу, но в Россию не вернулся. В

1922 — один из инициаторов создания «Клуба писателей» в Берлине; сотрудничал с Русским научным институтом, печатался в эмигрантской периодике, издавал собственную художественную прозу. В 1924 переиздал в издательстве З.И.Гржебина свой знаменитый труд «Образы Италии» (Т.1-3). В 1923–1927 жил в Риме, затем в Париже, незадолго до начала Второй мировой войны переехал в Великобританию. Умер «в ирландской глуши». Подробнее о нем см.: *Толмачев В.М.* Образ красоты // Муратов П.П. Образы Италии. М., 1994. С.564–570.

⁸¹ Забелин Иван Егорович (1820–1908) — историк, археолог; почетный доктор русской истории Университета Св. Владимира в Киеве (1871); член-корреспондент (1884), почетный член (1907) Петербургской АН; член-сотрудник (1850), действительный (1888), почетный (1892) член РАО. Учился в Преображенском училище в Москве, из-за недостатка средств продолжить образование не смог. Служил в Оружейной палате сначала как канцелярист, затем как помощник архивариуса (с 1848) и как архивариус (с 1856) в дворцовой конторе в Москве (1837–1859). Младший член Археологической комиссии в Петербурге (1859–1876), вел раскопки скифских курганов в Екатеринославской губернии, на Таврическом полуострове и в окрестностях Керчи, результаты которых обобщены в «Отчетах Археологической комиссии» (1866) и в «Древностях Геродотовой Скифии» (1873). Председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете (1879–1888), один из организаторов Исторического музея в Москве, где служил товарищем председателя (в 1888–1908 фактически стоял во главе музея). Автор трудов по русской материальной культуре и быту: «О металлическом производстве в России до конца XVII в.» (1853), «Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России» (1853), «Домашний быт русского народа в XVI и XVII вв.» (1862–1869), «Опыты изучения русских древностей» (1872–1873), «История русской жизни с древнейших времен» (1876–1879), «Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы» (1884–1891) и др.

⁸² К чтению лекций для неподготовленной аудитории Н.П.Кондаков относился как к обузе. Лекторскими способностями он не отличался. А.Н.Бенуа, слушавший его лекции в Петербургском университете, вспоминал: «Стал я было посещать и лекции Н.П.Кондакова, происходившие в помещении библиотеки, в очень интимной обстановке и при весьма ограниченном стечении слушателей. Отправляясь на первую, я мечтал, что вот услышу нечто дух поднимающее, вроде легендарных лекций Грановского или Тэна. Вместо того на всех трех лекциях нашего знаменитого ученого, на которых я побывал, речь шла (в довольно «неуклюжем» изложении) лишь о микенских древностях и происходил подробнейший разбор разных чаш, кубков и других откопанных золотых предметов. Получив тогда отвлечение от подобного «гробокопательства», я закаялся ходить на лекции маститого Никодима Павловича и тогда же оставил последние помыслы перебраться на историко-филологический факультет. Археология не была тогда в моем вкусе; мне она казалась областью прямо противоположной искусству. Позже я лучше изучил пользу от досконального изучения хотя бы и очень невзрачных с первого взгляда предметов. Да и к самому Кондакову я исполнился величайшего уважения. Какой светлый ум, какая глубо-

кая ученость, какое чувство прекрасного скрывались под оболочкой сухости и даже какой-то тупости» (цит. по: *Бенуа А.* Мои воспоминания. М.: Наука, 1990. Т.1. С.636).

⁸³ См.: *Кондаков Н.П.* Н.П.Погодин как археолог // Сборник ОРЯС Императорской Академии наук. Т.71, №4. СПб., 1901.

⁸⁴ Чехов познакомился с Н.П.Кондаковым 13 декабря 1898 и до конца жизни поддерживал с ним переписку: сохранилось 9 писем А.П.Чехова к Н.П.Кондакову (РО ИРЛИ и ПФА РАН) и 20 писем Н.П.Кондакова к А.П.Чехову (ОР РГБ), серия фотопортретов А.П.Чехова и Н.П.Кондакова, а также неизданный набросок воспоминаний о писателе, написанный Н.П.Кондаковым сразу после получения известия о его смерти. Подробнее см.: *Андреев Н.Е.* Н.П.Кондаков в письмах А.П.Чехова: Материалы для биографии // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый Семинарием имени Н.П.Кондакова. Прага, 1929. Т.3. С.271–282; *Кызласова И.Л.* Из переписки А.П.Чехова и Н.П.Кондакова // Чеховские чтения в Ялте: Чехов сегодня. М., 1987. С.94–100.

⁸⁵ Давыдов Владимир Николаевич (наст. имя Горелов Иван Николаевич; 1849–1925) — известный драматический актер, театральный педагог, народный артист республики (1922). Учился на естественном факультете Московского университета, брал уроки драматического искусства у известного актера Малого театра И.В.Самарина. В 1867–1880 играл в провинциальных театрах (Орел, Воронеж, Тамбов и др.), затем — артист Александринского театра в Петербурге–Петрограде (1880–1886, 1888–1924). С 1883 преподавал в Петербургском театральном училище практику драматического искусства. Воспитатель плеяды выдающихся русских актеров, среди которых В.Ф.Комиссаржевская, Л.С.Вивьен, К.А.Зубов и др.

⁸⁶ Страхов Николай Николаевич (1828–1896) — философ, публицист, литературный критик; магистр зоологии (1857); член-корреспондент Петербургской АН (1890). Учился на естественно-математическом отделении Главного педагогического института (1851). Сотрудничал в журналах «Время» и «Эпоха» (1861–1864), «Библиотека для чтения», «Русский вестник», издавал журнал «Заря» (1869–1872). Служил в Публичной библиотеке (1873–1885), был чиновником Комитета иностранной цензуры (с 1885). Поддерживал дружеские связи с Ф.М.Достоевским (был первым биографом писателя) и Л.Н.Толстым. Автор философских и литературно-критических работ, воспоминаний о деятелях культуры.

⁸⁷ Гиляров-Платонов Никита Петрович (1824–1887) — публицист, философ, издатель. Родной дядя жены Н.П.Кондакова, Веры Александровны (урожд. Гиляровой), племянник московского митрополита Филарета (В.М.Дроздова). Выпускник Духовных семинарии (1844) и Академии (1848) в Москве. В Московской Духовной академии возглавлял кафедру герменевтики и учения о вероисповеданиях, ересях и расколах (1848–1855); в 1855 под давлением митрополита Филарета вышел в отставку и был уволен из духовного звания. Цензор в Московском цензурном комитете (1856–1862); управляющий Московской синодальной типографии (1863–1868). С середины 1850-х сблизился со славянофилами, переводил на современный русский язык сочинения А.С.Хомякова, сотрудничал в изданиях К.С. и И.С. Аксако-

вых. Издавал газету «Современные известия» (1867–1887), редактировал еженедельный иллюстрированный журнал «Радуга» (1883–1884), активно публиковался в московских периодических изданиях.

⁸⁸ Бобринский Алексей Александрович, граф (1852–1927) – общественный и политический деятель, историк, археолог; сенатор (1896), обер-гофмейстер (1916); действительный (1882) и почетный (1894) член РАО, управляющий Русским отделением общества (1885–1894), член Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, член многих иностранных и русских археологических обществ и архивных комиссий. В 1870–1872 учился на юридическом факультете Петербургского университета, но курса не окончил, служил в Канцелярии Комитета министров. С 1875 – петербургский уездный и губернский (1878–1898) предводитель дворянства, председатель Петербургской городской думы; председатель Имп. Археологической комиссии (1886–1917). Провел раскопки около 1 тыс. курганов, главным образом в Керчи, Херсонесе, Ольвии и близ имения Смелы Черкасского уезда Киевской губ. Материалы раскопок опубликовал в монографии «Курганы и случайные находки близ местечка Смелы» (Т.1–3; СПб., 1887–1901), а также в Отчете Императорской Археологической комиссии (1882–1907) и Известиях Императорской Археологической комиссии (Вып.14, 16–18, 35, 37–40). С его именем связана деятельность Комиссии по охране, реставрации и научному использованию памятников старинного русского церковного зодчества. Собрал уникальную коллекцию древней бронзы, как вице-председатель Комиссии по созданию Музея на Волхонке в Москве (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина) передал в его фонды 19 произведений старинной бронзы, заполнивших целый зал музея; часть обширных археологических и антропологических коллекций передал Московскому обществу естествознания. В 1889 – вице-президент Академии художеств. С 1892 – почетный опекун Петербургского опекунского присутствия, управляющий столичными сиротскими домами Ведомства учреждений императрицы Марии (1893–1896). Являлся председателем Вольного экономического общества (1894), членом Сельскохозяйственного совета Министерства земледелия, председателем Кустарного комитета, председателем Совета объединенного дворянства (1906–1912), руководил проведением ежегодных дворянских съездов, где разрабатывались рекомендации для правительства. С 1907 был депутатом III Государственной Думы от Киевской губернии, товарищем председателя фракции крайне правых, выступал на заседаниях Думы по вопросам археологии и охраны памятников, по бюджетным и общеполитическим вопросам с точки зрения крайнего консерватизма, активно поддерживал политику П.А.Столыпина. С 1912 – член Государственного Совета; накануне первой мировой войны – председатель совета Русско-английского банка. Товарищ министра внутренних дел (март–июль 1916), министр земледелия (июль–ноябрь 1916). После Октябрьской революции входил в монархический Совет государственного объединения России. В 1919 эмигрировал. Умер в Ницце.

⁸⁹ Речь идет о кн.: Сборник археологических статей, поднесенный гр. А.А.Бобринскому в день 25-летия председательства в Археологической Комиссии. 1886-1/II. СПб., 1911. 278 с., 34 л. табл.

⁹⁰ Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) – историк России нового времени, специалист в области истории русско-чешских отношений; магистр (1916), доктор (1936) русской истории; доктор исторических наук (1957); доктор философии Карлова университета в Праге (1933). Родился в Елисаветграде (ныне Кировоград) в духовной семье. Закончил Одесскую 4-ю классическую гимназию (1894–1903), учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета (1903–1908), занимался в семинариях Э.Р. фон Штерна, В.М.Истрина, Е.Н.Щепкина, И.А.Линиченко; в 1908 был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории. Приват-доцент (1912–1917), профессор (1917–1920) Новороссийского университета, Института народного образования, Института внешней торговли, Археологического института (1920–1922); преподавал в средних учебных заведениях Одессы (1907–1920), на ВЖК (1915), экономическом факультете Одесского политехнического института (1917–1918). Библиотекарь и член правления Одесского библиографического общества, библиотекарь и член Историко-филологического общества; действительный член, правитель дел (1915–1922) ООИД. Помощник заведующего Одесским областным архивным управлением (1920), директор Одесской публичной библиотеки (1921), затем главной библиотеки Одесской высшей школы (1921). Осенью 1922 по распоряжению большевистских властей выслан из страны, жил в Константинополе, Софии, Белграде (сентябрь – декабрь 1922), с 1923 – в Праге. Член Русской учебной коллегии, где состоял председателем (деканом) историко-филологического отделения. С 1933 по 1957 читал курсы русской истории на философском факультете Карлова университета (с 1948 – ординарный профессор). С 1929 – член Славянского института; товарищ председателя (1924–1938), председатель (1938–1940) Русского исторического общества в Праге; член руководящих органов Русского заграничного исторического архива (с 1925), председатель его Ученого совета (1933–1945); директор Археологического института им. Н.П.Кондакова в Праге (1947–1952). См. о нем также: *Савина Г.А.* «Пусть барахтаются...» (по указ.).

⁹¹ Флоровский Василий Антонович (1852–1928) – протоиерей. Родился в семье псаломщика в Новгородской губ. Учился в Новгородской духовной семинарии и Московской духовной академии, которую закончил в 1877, был направлен в Одессу помощником инспектора духовного училища. Женится на Клавдии Георгиевне Попруженко (1863–1933), дочери профессора Одесской духовной семинарии, священника в церкви Сретения Господня, родной сестре профессорам Новороссийского университета геофизика Сергея и слависта Михаила Попруженко. В 1883 рукоположен в священнический сан и в том же году назначен ректором духовного училища в Елисаветграде; преподавал также Закон Божий в гимназиях. С 1894 жил в Одессе: служил приходским священником, был ректором Одесской духовной семинарии (1900–1903), настоятелем Кафедрального собора (1905–1920). В январе 1920 вместе с частью семьи бежал из Одессы в Севастополь, оттуда в Варну, затем в Софию. Служил инспектором болгарской православной семинарии, затем священником русской православной церкви в Софии (1922–1928). Имел детей: сына Василия (1881–1924) – хирурга, главного врача Особой армии на Южном фронте (единственный, кто остался в России);

дочь Клавдию (1883–1963) – приват-доцента по кафедре истории Средних веков Новороссийского университета (с 1915), затем преподавателя Софийского университета (после 1955 вернулась в СССР, работала переводчицей в Московской Патриархии), сына Антония (см. примеч. 90) и сына Георгия (1893–1979) – философа и православного богослова. О семье Флоровских см.: Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / Пер. с англ. М., 1995.

⁹² Клименко Н.К. – морской прокурор, издатель одесской газеты «Южное слово» (1919). Более подробных сведений о нем обнаружить не удалось.

⁹³ Полевицкая Елена Александровна (1881–1973) – актриса. Играла в театре В.Ф.Коммиссаржевской в Петербурге (1909–1910), московском драматическом театре Суходольских (1914–1916), где работала вместе с мужем, режиссером И.Ф.Шмитом, театре Н.Н.Синельникова в Харькове и Киеве (1910–1914, 1916–1918). В 1920 уехала на гастроли в Болгарию и до 1955 жила за границей (Германия, Австрия, Чехословакия, страны Прибалтики). С 1961 преподавала в Театральном училище им. Щукина в Москве.

⁹⁴ Шмидт (Шмит) Иван Федорович (?–1939) – театральный режиссер, муж Е.А.Полевицкой. Работал в московском драматическом театре Суходольских, театре Н.Н.Синельникова в Харькове и Киеве, театре Красного Флота в Одессе. В 1920 уехал с женой на гастроли в Болгарию, в эмиграции работал в различных европейских театрах. В 1934 изгнан фашистами из театра в Берлине, перебрался в Эстонию, затем в Латвию. Умер в Риге.

⁹⁵ Войска армии генерала А.И.Деникина вошли в Одессу 11(24) августа 1919.

⁹⁶ Овсяннико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853–1920) – литературовед, языковед, историк культуры; магистр (1885), доктор (1887) сравнительного языкознания и санскрита; почетный академик Петербургской АН по разряду изящной словесности ОРЯС (1907). Учился в Петербургском (1871–1873) и Новороссийском (1873–1876) университетах, совершенствовал образование в Праге и Париже. С 1882 – приват-доцент, затем профессор Новороссийского, Казанского, Харьковского университетов, приват-доцент по кафедре русского языка и словесности Петербургского университета (1905–1918); один из редакторов журнала «Вестник Европы» (1913–1918), редактор «Истории русской литературы XIX в.» (Т.1–5. 1908–1910). Автор трудов по ведийской мифологии и философии, по синтаксису русского языка, по проблемам психологии художественного творчества, истории русской литературы XIX в., «Истории русской интеллигенции» (Т.1–3. 1906–1911). В 1919 жил в Харькове, с лета того же года в Одессе, поселился на своей приморской даче, где писал мемуары (доведены до 1893 г.). См.: *Овсяннико-Куликовский Д.Н.* Воспоминания. Пб.: Время, 1923.

⁹⁷ Афанасьев Георгий Емельянович (1848–1926) – историк-новист, экономист, публицист, специалист по истории Франции XVIII–XIX вв.; магистр (1885), доктор (1892) всеобщей истории. Выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета (1865–1869), ученик профессора А.Г.Брикнера, был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (1870–1872). Преподавал в учебных заведениях Одессы; заведовал политическим отделом одесской газеты «Правда» (1877–1878), сотрудничал в «Одесском вестнике» и «Русских ведомо-

стях». Ряд лет прожил в Париже с целью сбора материалов для магистерской и докторской диссертаций. Приват-доцент (1884–1890), затем профессор Новороссийского университета по кафедре всеобщей истории. В 1896 был назначен управляющим Киевской конторой Государственного Банка. В 1919 – соредaktor одесской газеты «Южное слово».

⁹⁸ Газета «Русское слово» выходила в Москве в 1895–1917.

⁹⁹ Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) – прозаик, поэт, переводчик; почетный академик Петербургской АН по разряду изящной словесности ОРЯС (1909); лауреат Нобелевской премии в области литературы (1933). Эмигрировал в 1920, жил во Франции. Бунин и его жена Вера Николаевна приехали в Одессу, вероятно, 3(16) июня 1918. Впечатления одесской жизни зафиксированы в «Окаенных днях» И.А.Бунина, материалом для которых послужили дневниковые записи писателя и его жены.

¹⁰⁰ Федоров Александр Митрофанович (1868–1949) – поэт, беллетрист, драматург, переводчик. Из крестьянской семьи. Учился в Саратовском реальном училище, но курса не окончил, работал актером в провинциальных театрах. С 20-летнего возраста занялся литературной деятельностью: публиковался в «Русском богатстве», «Земле», «Мире божьем», «Живописном обозрении», одесских газетах. В 1903 совершил поездку по Турции, Греции, Египту, Индии, Японии, Китаю. Эмигрировал из Одессы за месяц перед окончательным занятием ее большевиками. Жил в Болгарии.

¹⁰¹ Щепкина-Куперник Татьяна Львовна (по мужу Полюнова; 1874–1952) – писательница, переводчица; заслуженный деятель искусств РСФСР (1940). Правнучка великого русского актера М.С.Щепкина. Начала (с 1892) с драматических произведений, затем писала стихи, рассказы, путевые очерки, мемуары, переводила на русский язык западноевропейскую классику (Э.Ростан, Лопе де Вега, Мольер, Гольдони, Р.Б.Шеридан и др.).

¹⁰² Тэффи Надежда Александровна (урожд. Лохвицкая, по мужу Бучинская; 1872–1952) – писательница. Печаталась с 1901, публиковала остро-сатирические стихи и фельетоны, с 1908 сотрудничала в журнале «Сатирикон». В 1920 эмигрировала из Новороссийска, жила в Париже.

¹⁰³ В начале ноября 1917 в Новочеркасске было положено начало Добровольческой армии, ядром которой стала организация генерала М.В.Алексеева, состоявшая из бежавших на Дон офицеров, юнкеров, студентов, гимназистов и пр., готовых с оружием в руках бороться с советской властью. 25 декабря 1917 (7 января 1918) вооруженные отряды получили официальное название Добровольческой армии под командованием генерала Л.Г.Корнилова. Ледовый (Ледяной, или Первый Кубанский) поход Добровольческой армии состоялся в феврале – апреле 1918. Он не принес ощутимых военных успехов, но стал катализатором для образования сплоченного ядра Белой армии.

¹⁰⁴ Речь идет о представителе Отдела пропаганды в правительстве генерала А.И.Деникина. Летом 1918 при Верховном руководителе Добровольческой армии генерале М.В.Алексееве было создано Осведомительное отделение во главе с кадетом С.С.Чахотинным (август – октябрь 1918) для пропаганды и агитации «Белой идеи». В соответствии с «Положением об Особом совещании при Верховном руководителе Добровольческой армии» от

18(31) августа 1918 отделение было реорганизовано в Осведомительное агентство (ОСВАГ), входившее в состав дипломатическо-агитационного отдела Совещания. В октябре 1918 – марте 1919 во главе ОСВАГа стал ростовский миллионер, кадет Н.Е.Парамонов. Агентство находилось в Ростове-на-Дону и контролировало все направления политико-идеологической деятельности белогвардейского правительства. В феврале 1919 было реорганизовано в Отдел пропаганды при Особом совещании (правительстве генерала А.И.Деникина), причем старое название – ОСВАГ – бытовало вплоть до ликвидации отдела. С марта 1919 его возглавил кадет, профессор К.Н.Соколов. К осени 1919 штат отдела насчитывал свыше 10 тыс. человек, работавших в сотнях местных и зарубежных отделений, пунктов и т. п., трех агитпоездах. Отдел ведал изданием газет и другой печатной продукции. С ним сотрудничали П.Б.Струве, Э.Д.Гримм, Е.Н.Трубецкой, А.В.Тыркова-Вильямс, писатели Е.Н.Чириков, Вл. Эльснер, И.Ломакин, И.Сургучев, Е.Венский, журналисты Г.Вильямс, С.Чазов, художники И.Билибин, Е.Лансере и др. 30 декабря 1919 отдел был подчинен начальнику управления внутренних дел Правительства при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России. В начале марта 1920 прекратил существование. Эффективность пропаганды белых, оторванной от нужд народа, в целом оставалась весьма низкой – работу ОСВАГа отличало обилие формалистики и канцелярской волокиты. «Отдел пропаганды, копируя в постановке дела пропаганды большевиков, не перенял у них самого главного и самого важного: большевики своей пропагандой сумели подойти к населению вплотную», – писал современник. О деятельности ОСВАГа см.: Дроздов А. Интеллигенция на Дону // Архив русской революции / Сост. И.В.Гессен. Т.2. М., 1991. С.57-74; Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского оосага / Публ. В.Г.Бортневского // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. СПб., 1991. Кн.2. С.339-347. О самом полковнике Апушкине сведений найти не удалось.

¹⁰⁵ Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) – один из лидеров национального движения на Украине. С 11 февраля 1919 – председатель Украинской Директории, возглавил армию Украинской народной республики (УНР) как головной атаман. В мае 1920 создал в Киеве правительство, в октябре 1920 после разгрома войск УНР Красной армией вместе с правительством эмигрировал в Польшу, в 1923 переехал в Будапешт, затем в Вену и Женеву, в конце 1924 – в Париж. Убит в 1926 С.Шварцбартом за организацию еврейских погромов на Украине.

¹⁰⁶ Миноноска – малый боевой корабль для уничтожения кораблей противника торпедами (самодвижущимися минами) в прибрежных районах. Появились в русском флоте после Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, с 1880-х заменены миноносцами, обладавшими более высокими тактико-техническими свойствами.

¹⁰⁷ Речь идет о посещении Кронштадта в 1891 французской эскадры под командованием вице-адмирала Альфреда-Альбера Жерве, торжественно встреченной русским правительством, что было воспринято общественностью всего мира как выражение намерения к сотрудничеству между Францией и Россией.

¹⁰⁸ Владимир Александрович Романов (1847–1909) – великий князь, государственный и военный деятель, коллекционер произведений живописи. Третий сын императора Александра II. Генерал от инфантерии (1880), генерал-адъютант (1872), член Государственного Совета (1872), сенатор (1868); товарищ президента (с 1869), президент (с 1876) Императорской Академии художеств, почетный член Петербургской АН (1875), почетный член РАО (1871), почетный президент Общества ревнителей военных знаний (с 1898). В первые годы правления Николая II оказывал на него большое влияние, сторонник контрреформ и охранительной политики. С 1905 – в отставке. Оказывал покровительство художникам. Попечитель Румянцевского музея; председатель Комитета по постройке храма Воскресения Христова («Спаса на крови») в Петербурге.

¹⁰⁹ Такая брошюра Н.П.Кондакова неизвестна и отсутствует во всех его списках публикаций.

¹¹⁰ Речь идет о научно-популярном издании Н.П.Кондакова и И.И.Толстого (старшего) «Русские древности в памятниках искусства» (Вып.1-6. СПб., 1889–1899; вып.1-3 переведены И.И.Толстым на франц. яз. и вышли под редакцией С.Рейнака: Paris, 1891–1893). Эти книги стали для современников своего рода энциклопедией отечественных памятников истории, археологии и искусства, начиная с античной эпохи вплоть до монгольского нашествия. Первый выпуск издания – «Классические древности Южной России» (СПб., 1889).

¹¹¹ Немировский Эммануил Яковлевич (1874–?) – криминалист. В 1915 – приват-доцент, затем профессор кафедры уголовного права и судопроизводства юридического факультета Новороссийского университета. С 1920-х – профессор и декан юридического факультета Одесского института народного хозяйства.

¹¹² Пессимистические оценки состояния отечественной науки были даны Н.П.Кондаковым еще в письме к С.А.Жебелёву от 28 января 1897: «Чем больше я живу, тем более ощущаю наступивший упадок в русской науке. Популярная наука у нас становится прямо позорною, а чисто научные изыскания делаются странною редкостью» (ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.33об.).

¹¹³ Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – историк России, публицист, педагог; магистр (1872), доктор (1882) русской истории; член-корреспондент (1889), ординарный академик (1900), почетный академик по разряду изящной словесности ОРЯС (1908) Петербургской АН; член Московского археологического общества, Общества любителей российской словесности (1874, почетный член с 1909), Московского общества истории и древностей российских (председатель в 1893–1905). Сокурсник Н.П.Кондакова по учебе в Московском университете. Автор фундаментальных трудов по общественно-политической, социально-экономической и церковной истории России.

¹¹⁴ Тихонравов Николай Саввич (1832–1893) – историк русской литературы, археограф, представитель культурно-исторической школы в русском литературоведении; почетный доктор русской словесности Московского университета (1870); член-корреспондент (1863), ординарный

академик (1890) по ОРЯС Петербургской АН. Издатель текстов ветхозаветных и новозаветных апокрифов по древним рукописям. Автор работ по истории русской общественной мысли, по истории древнерусской литературы, русской литературы XVII–XVIII вв. и западноевропейской литературы.

¹¹⁵ Веселовский Александр Николаевич (1838–1906) – историк, теоретик литературы, фольклорист; магистр (1870), доктор (1872) истории всеобщей литературы; ординарный академик (1881), председательствующий ОРЯС (1901–1906) Петербургской АН. Автор трудов по фольклористике, средневековой итальянской и новой русской литературе.

¹¹⁶ Введенный при министре народного просвещения И.Д.Делянове реакционный университетский устав 1884 года ликвидировал автономию университетов, передав контроль над ними Министерству народного просвещения. В основу этого устава было положено чрезвычайное усиление власти попечителя и ректора. Устав лишил университеты выборного права; в дальнейшем ректор, деканы и профессора назначались министром. Совет университета полностью утратил свое значение, при этом Правление получило значительную административную власть и влияние; вводилась инспекция над студентами. Этот устав фактически действовал до февраля 1917, хотя активное участие студенчества в Первой русской революции привело к появлению «Временных правил», ненадолго возродивших университетскую автономию (1905–1907).

¹¹⁷ Если по университетскому уставу 1863 года получить профессию можно было лишь после защиты докторской диссертации, то после принятия устава 1884 года это требование вскоре перестало соблюдаться, даже в столичных университетах – Петербургском и Московском, не говоря уже о провинциальных; начался «обход закона». Магистров стали назначать исполняющими должности экстраординарных профессоров, хотя устав 1884 года не предусматривал такой возможности. При введении в действие этого устава двое из доцентов историко-филологического факультета Петербургского университета, несмотря на то что они являлись магистрами, были утверждены экстраординарными профессорами: филологи-классики Ф.Ф.Соколов (член-корреспондент Петербургской АН с 1900) и В.К.Ернштедт (академик Петербургской АН с 1893). Впоследствии экстраординарными профессорами того же факультета были назначены магистры А.И.Незеленов, А.И.Введенский, С.Ф.Платонов, И.Д.Андреев, Ф.А.Браун, И.М.Гревс, А.П.Кадлубовский, Б.М.Мелиоранский, И.А.Шляпкин, Н.В.Ястребов. Некоторые из них вскоре были назначены исполняющими должности ординарных профессоров. Напротив, другим преподавателям, имеющим докторскую степень, пришлось ждать ординатуры довольно долго – например, экстраординарному профессору по кафедре классической филологии С.А.Жебелёву – около 9 лет. Подробнее см.: Из научного наследия: С.А.Жебелёв. Ученые степени в их прошлом, возрождение их в настоящем и грозящая опасность их вырождения в будущем / Подгот. текста, публ. и коммент. И.В.Тункиной // Очерки истории отечественной археологии / Отв. ред. И.С.Каменецкий, А.А.Формозов. М.: Наука, 2002. Вып.3. С.142–194 (Ин-т археологии РАН).

¹¹⁸ Делянов Иван Давыдович (1818–1897), граф – государственный деятель; почетный член Петербургской АН (1859). Министр народного просвещения (1882–1897). При нем был введен университетский устав, лишивший университеты автономии, закрыты Высшие женские курсы (1886), установлена процентная норма приема евреев в учебные заведения, проводилась русификация в школах для национальных меньшинств. Циркуляр от 18 июня 1887 (так называемый циркуляр о «кухаркиных детях») ограничивал прием детей недворянского происхождения в гимназии и средние учебные заведения.

¹¹⁹ Соколов Федор Федорович (1841–1909) – историк античности, эпиграфист, палеограф, создатель школы греческой эпиграфики в России; магистр всеобщей истории (1865); действительный член РАО (1874), член-корреспондент Петербургской АН (1900). Выпускник Петербургского университета (1862), приват-доцент (1867–1868), доцент (1868–1884), экстраординарный (1884–1890), исполняющий должность ординарного профессора (1890–1892), исполняющий должность заслуженного ординарного профессора (1892–1909) Петербургского университета; экстраординарный (1870–1883), ординарный профессор, ученый секретарь Конференции (1871–1891) Петербургского историко-филологического института (1883–1909).

¹²⁰ Введенский Александр Иванович (1856–1925) – философ и психолог, крупнейший представитель русского неокантианства; магистр философии (1888). Выпускник Петербургского университета (1881), совершенствовал знания за границей, приват-доцент (1887–1890), экстраординарный профессор (1890–1901), исполняющий должность ординарного (1902–1912) и заслуженного (1912–1918) профессора Петербургского университета, профессор Петербургского историко-филологического института (с 1881) и Высших женских (Бестужевских) курсов (с 1888), председатель Санкт-Петербургского философского общества (с 1899).

¹²¹ «Ради почета», во внимание к заслугам (*лат.*). Здесь – в значении присуждения ученой степени без защиты диссертации (почетный доктор), в силу общепризнанных заслуг в области науки. Совет университета мог присвоить известному деятелю науки степень почетного доктора, которая давала те же права, что и докторская степень с защитой диссертации, т. е. открывала перед ученым возможность получения должности ординарного профессора.

¹²² Ординарный профессор получал оклад 3000 рублей в год, экстраординарный – 2000 рублей в год.

¹²³ «Додон» (старый и новый) – два фешенебельных ресторана в Петербурге начала XX в.

¹²⁴ Палечек Николай Осипович – заведующий разрядом ученых учреждений и высших учебных заведений Департамента народного просвещения в Министерстве народного просвещения.

¹²⁵ Первыми в России высшими учебными заведениями для женщин стали открытые с разрешения правительства в 1869–1870 Высшие женские курсы – Аларчинские и Владимирские в Петербурге и Лубянские в Москве. В 1872 при Медико-хирургической академии в Петербурге были учреждены

Высшие женские медицинские курсы и ВЖК профессора Московского университета В.Н.Герье в Москве. В 1876 в Казани и в 1878 в Киеве открылись ВЖК, имевшие всего два факультета – физико-математический и историко-филологический. Учрежденные в 1878 по инициативе ректора Петербургского университета профессора А.Н.Бекетова ВЖК в Петербурге в 1878–1892 возглавлял профессор русской истории К.Н.Бестужев-Рюмин (1829–1897), почему они и получили название Бестужевских. Курсы включали факультеты: историко-филологический, физико-математический и юридический и по существу стали первым женским университетом в России. С 1905 женщины стали допускаться в университеты и другие вузы в качестве вольнослушательниц. В 1905–1916 ВЖК были открыты в Одессе, Харькове, Киеве, Казани, Тифлисе, Новочеркасске, Томске. ВЖК не финансировались правительством, существовали на благотворительные средства и плату за обучение. Срок обучения на ВЖК составлял 4 года. Выпускницы ВЖК имели право преподавать в женских средних учебных заведениях и в младших классах мужских гимназий. После революции часть ВЖК волилась в состав государственных университетов и других вузов, часть была закрыта.

¹²⁶ Еще при большевиках, 6(19) июня 1919 Н.П.Кондаков выступил на заседании историко-филологического факультета Новороссийского университета по вопросу о слиянии его с женскими курсами: «Говорил, что это слияние может быть губительно для университетской науки, что суть университета в научном творчестве, оно понизится или прекратится, курсы – преподавательские учреждения, не больше. Щепкин <возражал>, что для поддержания науки при Университетах будут Академии наук. Олимп будет низведен на общий уровень. Учреждена Комиссия по способам слияния... Но в Одесском университете историко-филологический факультет давно покинул науку!» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП).

¹²⁷ Ефименко Александра Яковлевна (урожд. Ставровская; 1848–1918) – историк, этнограф, фольклорист. Первая в России женщина – почетный доктор русской истории (Харьковский университет, 1910). Окончила гимназию в Архангельске (1863), служила учительницей в Холмогорах в двухклассном женском приходском училище (с 1864), где вышла замуж за ссыльного студента Петра Савича Ефименко (1835–1908). Вместе с мужем занималась историко-этнографическим исследованием населения Севера России, а с 1879 – Украины (с 1873 жила в Воронеже, с 1876 – в Самаре, с 1877 – в Харькове). Автор трудов и научно-популярных очерков по обычному праву, экономике, истории крестьянской семьи и этнографии, по истории общественных отношений и землевладения в России, по истории украинского народа, истории украинской литературы. Профессор русской истории на Высших женских (Бестужевских) курсах (1907–1917). В конце 1917 переехала на Украину в имение родственников на Харьковщине, где была убита петлюровцами во время бандитского налета.

¹²⁸ Для пользования дофина (*лат.*). Выражение восходит к названию составленного при французском короле Людовике XIV для наследника трона собрания сочинений античных классиков, в котором были исключены или вынесены в приложение все предосудительные с воспитательной точки зрения места. Впоследствии так стали называть издания с исправлением авторского текста по цензурным соображениям.

¹²⁹ Имеется в виду программа гуманитарного образования. О политике большевиков в области народного образования Н.П.Кондаков мог судить по их деятельности в Одессе. Для реализации идеи «превращения высшей школы из орудия классового господства буржуазии в инструмент строительства нового общества» был открыт доступ в университет широким пролетарским массам. Летом 1919 в университете был организован «нулевой семестр» с тремя отделениями (математико-техническим, естественно-историческим и гуманитарным) для подготовки к поступлению на все факультеты. Во многих вузах, кроме университета, отменялась курсовая система обучения. Каждый студент, за исключением учащихся медицинского и технического факультетов, мог разработать для себя индивидуальный план сдачи предметов и представить его администрации факультетов за две недели до начала экзаменов. При этом государственные экзамены и оценки в баллах были отменены, вместо них вводилась система зачетов. См.: Одесский университет... С.52-54.

¹³⁰ Герье Владимир Иванович (1837–1919) – историк-медиевист и новист, политический и общественный деятель; магистр (1862), доктор (1868) всеобщей истории; член-корреспондент Петербургской АН (1902). Автор работ по истории Великой Французской революции, истории католического мирозерцания и «теократического начала». Основатель и первый директор ВЖК в Москве (1872–1888, 1900–1905). Гласный Московской городской думы (председатель в 1892–1904). В 1906 вступил в «Союз 17 октября». Член Государственного Совета (с 1907). В 1912 от политической деятельности отошел.

¹³¹ Декретом СНК РСФСР от 1 октября 1918 «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской Республики» дореволюционная система аттестации научных кадров была упразднена, отменены старые ученые звания и степени: магистра, доктора, адъюнкта, приват-доцента, разделение профессоров на заслуженных, ординарных, экстраординарных и адъюнкт-профессоров, упразднены звания ординарных и экстраординарных академиков. Взамен установлены единые звания профессора и преподавателя для лиц, осуществляющих преподавательскую деятельность в вузах. Все члены РАН получали одинаковое наименование действительных членов Академии. При этом для сотрудников научно-исследовательских учреждений званий установлено не было. Тем же декретом с целью борьбы с «реакционной частью профессуры», враждебно встретившей Советскую власть, было установлено, что профессора и преподаватели, имеющие общий 15-летний научно-педагогический стаж или 10-летний стаж работы в одном вузе, считаются выбывшими с должностей и подлежат новому избранию по всероссийскому гласному и публичному конкурсу, проведенному в 1919. Право избрания на должность принадлежало советам факультетов, однако оно было ограничено тем, что местные органы Советской власти после публикации известия о вакансиях в прессе и оглашения имен кандидатов на должность могли заявить протест против выдвинутых кандидатов и отклонить их от участия в конкурсе.

¹³² С целью регулирования социального состава студенчества декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 при поступлении в вузы отменялись предьявление свидетельств о среднем образовании и плата за обучение, при этом

имущие классы лишались всяких привилегий на получение высшего образования. Властями были приняты ограничения политических прав «выходцев из эксплуататорских классов» на прием в вузы. По указаниям В.И.Ленина, в высшую школу в первую очередь принимались лица «из среды пролетариата и беднейшего крестьянства» с целью сократить «буржуазное и мелкобуржуазное студенчество». Это, во-первых, привело к катастрофическому снижению общеобразовательного уровня подготовки студентов, а во-вторых, к увеличению числа студентов более чем вдвое по сравнению с дореволюционным периодом, что также отрицательно сказалось на качестве подготовки специалистов.

¹³³ «Союз младших преподавателей» выступал за уменьшение почасовой нагрузки низшего звена преподавателей вузов и увеличение оплаты труда.

¹³⁴ Ванновский Петр Семенович (1822–1904) – военный и государственный деятель, член Государственного Совета (с 1898), генерал от инфантерии (1883), генерал-адъютант (1878); почетный член Петербургской АН (1888). Управляющий Военным министерством (1881), военный министр (1882–1898). В 1899 руководил расследованием студенческих беспорядков в Петербургском университете. Министр народного просвещения (1901–1902). При нем разрабатывались планы реорганизации средней и высшей школы: по проекту Положения о средней образовательной школе упразднялся курс латинского и сокращался курс древнегреческого языков, увеличивалось число часов по русской истории. Был начат пересмотр уставов и штатов вузов, введены Временные правила о студенческих организациях (1901–1902), которые разрешали студенческие сходки при одновременном усилении деятельности университетских инспекций по выявлению студентов, участвовавших в беспорядках; снижена норма приема в вузы евреев, воспрещен прием в университеты лиц, окончивших гимназии в окраинных учебных округах (1901); разрешалось устройство научных, литературных и других студенческих кружков по специальностям; вводилась выборность курсового старосты; в университеты были возвращены студенты, ранее сданные в солдаты.

¹³⁵ Игнатъев Павел Николаевич, граф (1870–1926) – шталмейстер; государственный деятель; почетный член РАН (1917). Министр народного просвещения (1915–1916). Отменил запрет 1912 года на открытие новых университетов. Пытался провести реформу средней и высшей школы, ввести всеобщее начальное обучение, в русле развития прикладных аспектов высшей школы предлагал расширить профессиональное, прежде всего техническое и сельскохозяйственное, образование. Правительство отвергло его проекты, и он в декабре 1916 вынужден был уйти в отставку. После Октябрьского переворота 1917 – в эмиграции; умер в Канаде.

¹³⁶ Возможно, имеется в виду Омар ибн-Хаттаб (591/581–644) – халиф, один из виднейших сподвижников Мухаммеда. Первоначально был ярым врагом ислама, но вскоре уверовал в пророка и стал его ревностным и деятельным помощником.

¹³⁷ Речь идет о персонаже водевиля А.П.Чехова «Свадьба» (1889) – капитане 2-го ранга Ф.Я.Ревунове-Караулове.

¹³⁸ Койранский Александр Арнольдович (Ааронович; 1884–1968) – беллетрист, поэт, художественный критик, график, театральный деятель. Из

еврейской семьи. Учился на юридическом факультете Московского университета (1903–1909) и в Московской школе живописи, ваяния и зодчества (до 1907). Участвовал в выставках Союза русских художников, с 1902 сблизился с московскими литераторами-символистами, в 1910-х стал заметной фигурой артистической московской богемы. Печатался в альманахах книгоиздательства «Гриф», журналах «Зори», «Перевал», «Весы», «Русская мысль» и др., газетах «Биржевые ведомости», «Утро России», «Русское слово» и др. Весной 1918 уехал на юг России, в Одессе сотрудничал в газете «Наше слово». Эмигрировал 5 апреля 1919, жил в Париже, Лондоне, Берлине, публиковался в парижских «Последних новостях», журнале «Современные записки». В 1922 переехал в США, работал художником-декоратором, переводчиком К.С.Станиславского во время гастролей Московского художественного театра (1923). В конце 1920-х прекратил литературную деятельность. После окончания Второй мировой войны преподавал русскую словесность в Боулдере. Умер в Пало-Алто, штат Калифорния.

¹³⁹ Газета «Биржевые ведомости» выходила в Петербурге в 1880–1917.

¹⁴⁰ «Синий журнал» еженедельно выходил в Петербурге–Петрограде в 1910–1916.

¹⁴¹ Миркин-Гецевич Борис Сергеевич (Mirkin-Guetzevitch, Мирский; 1892–1955) – журналист, юрист, специалист в области международного права; почетный доктор университетов в Черновцах (1932), Лиме (1938); член-корреспондент Испанской Академии моральных и политических наук, Испанской Академии истории, Национальной Академии истории Аргентины и др. Уроженец Киева. Выпускник юридического факультета Петербургского университета (1914), магистрант и приват-доцент по кафедре международного права юридического факультета Петроградского университета (1917). В 1919 эмигрировал в Париж, декан историко-юридического факультета Русского народного университета, профессор международного права юридического факультета Сорбонны (1926–1940). Публиковал статьи в эмигрантской периодике, в том числе в газетах «Последние новости», «Свободные мысли» и пр. Получил французское гражданство в 1933, в марте 1941 переехал в США. Президент Французского университета в Нью-Йорке; преподаватель и декан факультета права и политической науки École Libre des Hautes Études, преподавал в Гарвардском и Колумбийском университетах. Вице-президент Международной лиги по правам человека. Умер в Париже.

¹⁴² Возможно, имеется в виду Поляков Александр Абрамович (1879–1969 или 1970) – журналист. До революции работал в газетах Одессы и Москвы, в эмиграции – секретарь редакций газет «Последние новости» (Париж, 1920–1940), «Новое русское слово». Миркин-Гецевич с 1913 был женат на Евгении Поляковой, дочери А.А.Полякова.

¹⁴³ Когда Добровольческая армия основала в Одессе свой официальный печатный орган газету «Южное слово», И.А.Бунин вошел в ее редакцию как рядовой член. По протекции Н.П.Кондакова с 21 октября 1919 И.А.Бунин занял, наряду с Н.П.Кондаковым, пост соредактора издания. В числе сотрудников газеты были А.А.Кипен, И.С.Шмелев, К.А.Тренев, С.Н.Сергеев-Ценский, А.М.Федоров.

¹⁴⁴ В.Н.Муромцева-Буннина записала в дневнике: «Впервые Ян <И.А.Бунин> на службе. Ему нравится, что он ездит на машине с национальным флагом. За ним приезжает доброволец, очень милый, с калмыцким лицом офицер. И к каждому слову: "Есть, ваше превосходительство". Все эти дни Ян оживлен, возбужден и деятелен. То бездействие, в котором он пребывал летом при большевиках, было, несомненно, очень вредно и для его нервов, и для его души. Ведь минутами я боялась за его психическое состояние. Не знаю, чем бы все кончилось, если бы нас не освободили добровольцы. Редко кто страдал, как он» (цит. по: Устами Буниных. Т.1. С.318).

¹⁴⁵ Муромцева-Буннина Вера Николаевна (1881–1961) – жена И.А.Бунина, переводчица Мопассана, Флобера. Дочь главы Московской городской управы, племянница председателя I Государственной Думы С.А.Муромцева. С ней Бунин познакомился в Москве 4 ноября 1906 в доме писателя Б.К.Зайцева. С конца 1906 И.А. и В.Н. жили вместе, однако повенчаться смогли лишь в Париже в 1922 из-за нерасторгнутого первого брака И.А.Бунина с А.Н.Цакни (1879–1963). Автор мемуаров (см.: *Муромцева-Буннина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью.* М.: Советский писатель, 1989), статьи о Н.П.Кондакове (см.: *Муромцева В. Н.П.Кондаков // Последние новости (Париж). 1930. 21 февраля. С.4.*)

¹⁴⁶ См.: *Шульгин В.В. 1920.* София, 1921. Воспоминания повествуют об исходе Белого движения на Юге России.

¹⁴⁷ Ужде в Париже 21 июля 1921 в автобиографическом письме к французскому издателю Боссару И.А.Бунин объяснил причины своей эмиграции:

Во что вскоре превратилась русская революция, не поймет никто, ее не видевший. Зрелище это было совершенно нестерпимо для всякого, кто не утратил образа и подобия Божия, и из России бежали все имевшие возможность бежать. Бежало и огромное большинство самых видных русских писателей, и прежде всего потому, что в России их ждала или бессмысленная смерть от руки первого встречного злодея, пьяного от разнузданности и безнаказанности, от грабежа, от вина, от крови, от кокаина, или позорное, рабское существование во тьме, во вшах, в лохмотье, среди эпидемий, в холоде, в голоде, в пещерных муках желудка и унижительных заботах только о нем, под вечной угрозой быть выброшенным из своего нищенского угла на улицу, быть посланным на уборку солдатских нечистот в казарму, быть без всякой причины арестованным, избитым, оскорбленным, увидеть свою мать, сестру или жену изнасилованной и в полном молчании, ибо за малейшее свободное слово в России могут вырезать язык.

Я покинул Москву в мае 1918 г., жил на юге России, переходившей из рук в руки «белых» и «красных», а затем эмигрировал за границу – в феврале 1920 года, испив полную чашу несказанных страданий и напрасных надежд, что христианский мир наконец прозреет, ужаснется своему бессердечью и протянет нам руку помощи во имя Бога, человечности и собственной безопасности.

(Бунин о себе и своем творчестве: Архивные материалы / Публ. М.Э.Грин // *Новый журнал (Нью-Йорк).* 1972. Кн.107. С.164-164).

¹⁴⁸ Иеремия (10-е годы VII в. – после 586 до н. э.) – в иудаизме второй из так называемых «больших пророков». Основу книги Ветхого завета, носящей его имя, составляют проповеди и изречения Иеремии.

¹⁴⁹ Н.П.Кондаков всю жизнь отличался необыкновенной скупостью. Лишившись всех сбережений после Октябрьского переворота 1917 года, он ограничивал себя буквально во всем необходимым и к концу 1924 сумел скопить значительную сумму (15 тыс. франков) с целью покупки домика на юге Франции или Италии. Однако реализовать свое намерение он не успел. См.: ПФА РАН. Ф.729. Оп.2. Д.168. Л.152-153об.

¹⁵⁰ Созданный в декабре 1919 Славянский комитет в Одессе способствовал организации выезда беженцев из России в славянские страны.

¹⁵¹ Н.П.Кондаков и Е.Н.Яценко первые два года эмиграции провели не в Сербии, а в Болгарии (София), где академик по приглашению профессоров Л.Милетича, В.Н.Златарского и Б.С.Цонева читал курс христианской археологии в университете. Здесь Н.П.Кондаков был избран действительным членом Болгарской АН (1920). Но отсутствие в библиотеках Софии необходимых книг для продолжения научных исследований вынудило Кондакова в марте 1922 принять предложение совета Карлова университета о переезде в Прагу. В Чехии профессор прочел курс лекций «О роли Восточной Европы, германо-славянских и кочевых народностей в истории образования общеевропейской культуры». Кондаков скончался в Праге вскоре после своего 80-летнего юбилея.

¹⁵² Иным образом описывает отъезд из Одессы И.А.Бунин в воспоминаниях «Третий Толстой», написанных в 1949, – о специально присланной французами миноноске им не говорится ни слова.

Мы ушли из города в порт пешком, темным, грязным вечером, когда большевики уже входили в город, и едва втиснулись в несметную толпу прочих беженцев, набившихся в маленький, ветхий греческий пароход «Патрас», а нас было четверо: с нами был знаменитый русский ученый Никодим Павлович Кондаков, грузный старик лет семидесяти пяти, и молодая женщина, бывшая секретарем его и почти нянькой. Шли мы затем до Константинополя двое суток в снежную бурю, капитан «Патраса» был пьяница-албанец, не знавший Черного моря, и, если бы случайно не оказался на «Патрасе» русский моряк, заменивший его, потонул бы «Патрас» со всеми своими несчастными пассажирами непременно.

(Бунин И.А. Из воспоминаний «Третий Толстой» // *Собр. соч.:* В 9 т. Т.9. М., 1967. С.437).

Однако эти воспоминания противоречат некоторым записям в дневниках самого И.А.Бунина и его жены Веры Николаевны. 24 января (6 февраля) 1920 В.Н.Муромцева-Буннина записала: «В четыре часа дня мы тронулись в путь... Отыскали наш пароход "Спарту", маленький, не внушивший доверия». Из текста дневника следует, что французский (а не греческий, как писал Бунин) пароход «Спарту», переполненный беженцами, три дня простоял на внешнем рейде Одесского порта и лишь 9 февраля 1920 вышел в открытое море по направлению к Константинополю. Крошечную каюту Бунины делили с Н.П.Кондаковым и Е.Н.Яценко, но все же они путешест-

вовали в 1-м классе, т. е. в более привилегированных условиях, чем остальные пассажиры. Вера Николаевна писала: «Четвертый день на пароходе. Последний раз увидела русский берег. Заплакала. Тяжелое чувство охватило меня... Народу так много, что ночью нельзя пройти в уборную. Спят везде – на столах, под столами, в проходах, на палубе, в автомобилях, словом, везде тела, тела. Вечером мы выходили на палубу. Мы в открытом море. Как это путешествие непохоже на прежние. Впереди темнота и жуть. Позади – ужас и безнадежность...» (цит. по: Устами Буниных. Т.1. С.340, 341, 344-345).

По вине вечно пьяного капитана-албанца, плохо знавшего лоцию, судно зашло на минное поле и лишь чудом не погибло. На 7-й день плавания «Спарта» вошла в Босфор. 31 января (13 февраля) 1920 В.Н.Муромцева-Бунина записала: «На Константинополь смотрю безучастно, Ян в каюте, он даже не захотел взглянуть на столь любимый им город» (Там же. С.347).

Сам Иван Алексеевич позднее вспоминал константинопольские дни как кошмарный сон:

В Константинополь мы пришли в ледяные сумерки с пронзительным ветром и снегом, пристали под Стамбулом и тут должны были идти под душ в каменный сарай – «для дезинфекции». Константинополь был тогда оккупирован союзниками, и мы должны были идти в этот сарай по приказу французского доктора, но я так закричал, что мы с Кондаковым «Immortels», «Бессмертные» (ибо мы с Кондаковым были членами Российской Императорской Академии), что доктор, вместо того, чтобы сказать нам: «Но тем лучше, вы, значит, не умрете от этого душа», – сдался и освободил нас от него. Зато нас вместе с нашим жалким беженским имуществом покидали по чьему-то приказанию на громадный, грохочущий камион <грузовик (франц.)> и помчались за Стамбул, туда, где начинаются так называемые Поля Мертвых, и оставили ночевать в какой-то совершенно пустой руине тоже огромного турецкого дома, и мы спали там на полу в полной тьме, при разбитых окнах, а утром узнали, что руина эта еще недавно была убежищем прокаженных, охраняемая теперь великаном-негром, и только к вечеру перебрались в Галату, в помещении уже упраздненного русского консульства, где до отъезда в Софию спали тоже на полу.

(Бунин И.А. Из воспоминаний «Третий Толстой». С.437-438).

О пребывании в Софии Бунин писал в рассказе «Гегель, фрак, метель»:

Материальное положение наше не внушало радости: и мне, и Н.П.Кондакову, с которым мы покинули Одессу и были неразлучны и в Константинополе, надо было искать прочного прибежища и средств к существованию в какой-нибудь славянской стране – в Софии, в Белграде, в Праге, – где эмигрантам было бы легче всего как-нибудь устроиться. И вот, дождавшись наконец виз и первого поезда, – <...> мы уехали из Константинополя в Софию...<...> Болгария была оккупирована тогда французами, и потому русских беженцев, прибывавших туда, устраивали по квартирам французы. В Софии многих из них они поселили в одном из больших отелей, поселили там и

нас с Кондаковым, и началось с того, что мы оказались среди множества тифозных больных, заразиться от которых ничего не стоило.

(Бунин И.А. Окаянные дни. С.321).

¹⁵³ Кельсиев Василий Иванович (1835–1872) – общественный деятель, публицист, мемуарист, прозаик. Учился в Петербургском коммерческом училище (1845–1855), служил чиновником в Российско-американской компании, которой в 1856 был командирован на Аляску; в 1859 в Англию познакомился с А.И.Герценом, увлекся его идеями и заявил о переходе на положение политэмигранта. В Вольной русской типографии Герцена и Огарева издал перевод первых книг Ветхого завета (1860), «Сборник правительственных сведений о раскольниках» (1860–1862), выпускал листок «Общее вече» при «Колоколе» (1861–1862). В 1862 нелегально приезжал в Россию для контактов с революционными кружками, в том же году заочно приговорен к лишению всех прав состояния и вечному изгнанию из страны. С 1863 жил в Турции, пытался вести революционную пропаганду среди старообрядцев, затем в Вене. В 1867 добровольно сдался русским властям, отбывал заключение, но был прощен императором Александром II, выпущен на свободу, поселился в Петербурге. Автор мемуарно-публицистической книги «Пережитое и продуманное» (СПб., 1868), серии очерков «Из рассказов об эмигрантах» (1869–1870) и др.

¹⁵⁴ Амфитеатров Александр Валентинович (1862–1938) – прозаик, поэт, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, драматург. В 1904 эмигрировал во Францию, издавал в Париже журнал «Красное знамя», читал лекции в Высшей русской школе общественных наук, затем жил в Италии (1906–1916). Руководил журналом «Современник», издававшимся в Петербурге (1911–1912). Во время Первой мировой войны был корреспондентом «Русского слова» в Риме. В конце 1916 вернулся в Россию. Октябрьскую революцию не принял. В 1921 эмигрировал, жил в Италии.

¹⁵⁵ Пуанкаре Раймон (Poincaré; 1860–1934) – президент Французской республики (1913–1920). В годы Первой мировой войны выступал за укрепление Антанты, сторонник продолжения войны до победного конца, один из организаторов антисоветской военной интервенции. Стремился использовать результаты войны для установления французской гегемонии в Европе.

¹⁵⁶ Славейков Петко Рачев (1827/1828–1895) – болгарский общественный деятель, просветитель, поэт, переводчик; один из основателей и лидеров Либеральной партии. Редактор газет «Гайда» (1863–1867), «Македония» (1866–1872). Выступал за национальную независимость Болгарии, демократизацию общественной жизни, развитие просвещения. После получения независимости страны – член Тырновского учредительного собрания (1879), депутат, председатель (1880) Народного собрания Болгарии. Один из основоположников новой болгарской литературы.

¹⁵⁷ Пашич Никола (1845–1926) – сербский политический и государственный деятель, один из организаторов и лидер Радикальной партии. Посланник в России (1893–1894), премьер-министр и министр иностранных дел (1891–1892; 1904–1918; 1921–1926, с перерывами). Возглавлял делегацию Королевства сербов, хорватов и словенцев на Парижской мирной кон-

ференции 1919–1920 гг. Выступал с антисоветских позиций, поддерживал белоэмигрантские организации.

¹⁵⁸ Злоключения беженцев не закончились неприятностями по пути из Одессы в Константинополь и далее в Болгарию. В Софии Бунины были ограблены и лишены вывезенных из Одессы драгоценностей и почти всех денег. 3 марта 1920 Кондаков записал в дневнике: «У Бунина около 5 <часов дня> украли все только что полученные деньги, золотые часы, 3 золотых медали, и свои <романы?>... <ничего> не говорил дирекции отеля». В болгарской столице пути эмигрантов разошлись. Пробыв в Софии 18 дней, И.А.Бунин и его жена на средства болгарского правительства были отправлены в Белград, а оттуда уже в марте 1920 уехали в Париж. 31 марта Кондаков пометил в дневнике: «Бунины уехали в Париж!» (Фонд Кондакова в ЛАМЧП). См. также: Из дневников И.А.Бунина: Франция (1920–1924) / Публ. М.Грин // Новый журнал (Нью-Йорк). 1973. Кн.110. С.139.

Близкое знакомство с Кондаковым позволило Бунину надеяться на его содействие при выдвижении на Нобелевскую премию 1923 года от русских эмигрантских писателей, в противовес «рекламируемому с большевистской стороны» М.Горькому. См. письмо А.В.Карташева к П.Б.Струве от 7 декабря 1922: «...П.Г.Виноградов (академик РАН, живший в Оксфорде. – И.Т.) и Н.П.Кондаков могли бы подписаться на представлении или порознь, или вместе. <...> Пусть бы Кондаков и Виноградов представили Бунина от себя, одновременно Парижская академическая группа уговорила бы Р.Роллана представить Бунина от его имени. И – наша Пражская “Академия наук” сделала бы независимое представление в Стокгольм» (цит. по: Колеров М.А. Русские писатели и «Русская мысль» (1921–1923). Новые материалы // Минувшее: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.243).

¹⁵⁹ Мечников Илья Ильич (1845–1916) – выдающийся русский биолог, основоположник эволюционной эмбриологии, микробиологии, иммунологии. Жил в Одессе с 1867 по 1908 и с 1870 по 1887, с 1887 и до конца жизни – в Париже, где ему была предоставлена лаборатория в созданном Л.Пастером институте (с 1905 – заместитель директора института).

Н.П.Кондаков, ставший в 1874 доцентом Новороссийского университета по кафедре теории и истории искусств, долгие годы был дружен с И.И.Мечниковым и впоследствии не порывал связи с ним вплоть до смерти последнего. Сохранились письма Мечникова и его жены Ольги Николаевны к Н.П. и В.А. Кондаковым за 1880-е–1913 годы (ПФА РАН. Ф.115. Оп.4. Д.271, 530), а также письма О.Н.Мечниковой к Н.П.Кондакову и за послеволюционный период (Фонд Н.П.Кондакова в ЛАМЧП).

¹⁶⁰ Мечникова Ольга Николаевна (урожд. Белокопытова; 1858–1944) – живописец и скульптор, жена биолога И.И.Мечникова. С 1887 жила с мужем в Париже, сотрудничала в Институте Пастера. С 1900 участвовала в художественных выставках в Париже. В 1903 вместе с Е.С.Кругликовой и М.А.Волошиным организовала кружок русских художников «Монпарнас» под председательством И.И.Мечникова. Сотрудничала с Русской школой общественных наук и Литературно-художественным обществом в Париже.

¹⁶¹ См.: Slavia (Praha). 1925. Roč.III. Seš.4. S.787-789.

К проблеме литературного диалога Россия – диаспора: Письмо Н.И.Столяровой к Н.Н.Берберовой. Публикация Леонида Ливака

В жизни Натальи Ивановны Столяровой (1912–1984) неразрывно сплелись судьбы эмиграции и метрополии. Она родилась в Италии и выросла во Франции, а в 1934 уехала в СССР, где непроизвольно превратилась в посланницу эмигрантской культуры. Посетительница парижского салона Межженицына, прототип произведений Б.Поплавского, В.Шаламова и А.Солженицына, личный секретарь Ильи Эренбурга в Москве, Н.И.Столярова, оказавшись за границей в 1984, написала Н.Н.Берберовой, высказав свои взгляды на соотношение советской и эмигрантской литератур.

Библиография

Вадим Гарднер: Материалы к библиографии. Составила Марина Кучинская

Библиография поэта Серебряного века Вадима Гарднера (1880–1956), оказавшегося в эмиграции в Финляндии, учитывает все известные на сегодняшний день его публикации, а также работы о нем. Сопровождается обширным биографическим очерком.

ABSTRACTS

Heritage

Yakov Veinshal. Recollections. Edited by V.Khazan

The memoirs of a physician, writer and public figure, Yakov Veinshal (1891/92–1981), who recalls his childhood and adolescence, spent at the Caucasus, his journey to Palestine in 1909, as well as his student years at the universities of Munich, Basel and Geneva, are an important contribution to our understanding of the Jewish history in the XXth century, particularly of the history of Zionism. An intimate biography of V.Zhabotinsky's friend, a person who shared his views and participated in his activities, proves to be a convenient prism, reflecting the big and important issues of the epoch. This becomes possible because the author of memoirs is not an ordinary eye-witness of certain events but their active participant. The introduction provides abundant material relating to the Zionist movement in Russia in the early XXth century, while the detailed notes recreate the context of the events described.

B.V.Varneke. Materials towards a biography of N.P.Kondakov
Edited by I.V.Tunkina

The memoirs of the eminent Latin scholar and historian of theatre, Boris Varneke (1874–1944), are devoted to the last few years spent in Russia by the world renowned historian of Byzantine and Old Russian art, Academician Nikodim Kondakov (1844–1925). Having refused to recognize, after the revolution, the new regime, Kondakov, like many of his colleagues, deprived of a possibility to continue their creative work, had to abandon for ever, first Petersburg, and then Russia. Written in a lively and figurative style, the memoirs depict vividly the gradual and continuous outflow of the creative intelligentsia from Russia's both capitals towards the south of the country and then into emigration, and recreate the unique particulars of their three year-long exodus.

The introduction and notes contain supplementary information about the events and people mentioned.

L. Nelidova-Fiveiskaia. *Playing the strings of memory*. Edited by V. Aleksandrov

The ballet-dancer Lidiia Nelidova-Fiveiskaia (1894-1978), together with her husband, the well-known conductor M. Fiveiskii, left for America in 1920 and had lived there for 35 years. Throughout her long and eventful life, she had occasion to meet with many celebrities, such as the composers A. Glazunov, A. Grechaninov, and S. Rakhmaninov, the ballet-masters M. Mordkin and M. Fokin, the writers G. Grebenshchikov and E. Chirikov; the scientist I. Ostromyslenskii, the aircraft designer I. Sikorsky, the painter N. Roerich, as well as F. Shaliapin, A. Pavlova and others. Of her most remarkable meetings she recounted in her memoirs. The notes include detailed information about the events and people of the Russian emigration in New York.

Articles, Studies

Emanuil Popdimitrov. With Constantine Bal'mont (Unpublished book about the Russian poet in Bulgaria). Edited by Margarita Kanazirska

This is an attempt to reconstruct the unfinished book about K. Bal'mont by the Bulgarian poet Emanuil Popdimitrov (1885-1943), which includes letters of the Russian poet, as well as the hitherto unpublished memoirs of him by his Bulgarian colleague. The introduction recreates in detail Bal'mont's visit to Bulgaria in 1929, and speaks at great length of the young Bulgarian intellectuals, who accompanied him on his many trips around the country. His acquaintance with these people quickly grew into a lasting friendship and spiritual intercourse. The notes also pay attention to other little known, or unknown, details of Bal'mont's relationship with the Bulgarian culture, which he ardently popularized, trying to enlist co-operation of scholars and artists from various countries.

Rashit Yangirov. *On and Off screen: Russian cameramen abroad (1924-1930)*. Part II

Direct and indirect contacts between Russian emigre cameramen and their colleagues in the USSR continued for many years, despite the closure of the state borders. Being labeled in their homeland as «the husk of the historical process» (in Viktor Shklovskii's definition), the emigres played an important part in the reconstruction of the cinema industry at home, having initiated and brokered to a large extent the complicated process of its integration into the world cinematography. The second part of the work, based on archival sources and publications in the periodicals difficult of access, discusses the most important episodes of many a creative biography and reconstructs the genuine historical panorama of the home cinema. Against this background one will see in a very different light S. Eisenstein's three year-long trip abroad, which seriously influenced his world outlook.

Leonid Livak. The «critical workshop» of Vladislav Khodasevich

The issue of «tactics» of the critical activity in the aesthetic and literary «wars» waged by the emigre literature is seen in the light of new archival materials from the V. Khodasevich Collection. Being one of the key figures of the emigre literary life, Khodasevich provoked, with his articles and letters, the